

**АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»
ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
КУРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОБЩЕСТВО КРАЕВЕДЕНИЯ**

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Сборник статей

Выпуск XXIV

КУРСК
2024

УДК 930.25(470.323)
ББК 79.3 (2Рос-4Кус)
С 54

Рецензенты: Е. С. Кравцова, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский
университет» Минздрава РФ;
К. В. Яценко, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

**С 54 События и люди в документах курских архивов.
Выпуск XXIV /** под редакцией О. В. Пешехоновой. – Курск : ООО «Центр
рекламы «Лоцман», 2024. – 189 с. – Текст : непосредственный.

Редакционная коллегия: О. В. Пешехонова (гл. редактор) –
и. о. директора ОКУ «Госархив Курской области»; О. Н. Аргунов –
заместитель директора по научно-исследовательской работе
ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук; О. А. Черников –
заведующий филиалом ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: О. Н. Аргунов, канд. ист. наук.

В сборник вошли работы архивистов, историков, краеведов,
посвященные различным аспектам истории Курской области.
Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу
читателей, интересующихся региональной отечественной историей. Все
материалы опубликованы в авторской редакции.

УДК 930.25(470.323)
ББК 79.3 (2Рос-4Кус)

© Архивное управление Курской области
© ОКУ «Госархив Курской области»
© Авторы статей, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание	3–4
------------------	-----

ИСТОРИЯ КУРСКОГО КРАЯ В XVII–XX вв.

Евсюков Д.Е.	Село Репец Мантуровского района. Когда была построена церковь?	5–11
Ефремова И.С.	Виды документов по личному составу городских магистратов Курского наместничества в последней четверти XVIII века	11–13
Рянский Л.М., Рянский Р.Л., Рянская М.Л.	Новые документальные данные о положении крепостных крестьян слободы Ракитной Грайворонского уезда Курской губернии в первой половине XIX века	14–26
Раздорский А.И.	Еженедельные записки курских губернаторов министру внутренних дел за 1860-е – 1880-е гг. как исторический источник	26–36
Долженков И.А., Черкасова Н.Н. Чаплыгин В.П.	Роль земства в развитии народного образования Курской губернии: взгляд из современности	36–38
Рожковская И.О.	Эволюция кустарной промышленности Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.	38–45
Рожковская И.О. Коровин Р.В., Манжосов А.Н.	Кинопоказы в Курской губернии в 1897–1917 гг. Курский этап биографии первого заместителя министра путей сообщения СССР (к 120-летию со дня рождения Героя Социалистического Труда, почетного железнодорожника Н. А. Гундобина) ...	45–48 48–54
Тилинин А.В.	Проблема становления местных органов военного управления Курской губернии в годы Гражданской войны в региональной историографии	54–57
Конищев А.Р.	Локальное делопроизводство и микроисторические исследования (на материалах Государственного архива Курской области)	58–61
Потапенко П.С.	Создание и становление секции ветеранов Гражданской войны в Курской области	61–67
Кононов Н.Г.	Курская высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа (1932–1938 гг.)	68–81
Черников О.А.	Возделывание кок-сагыза в колхозах Курской области	81–94
Шпаков И.В.	Кино под куполом: История приспособления Знаменского собора в Курске под кинотеатр «Октябрь»	94–98
Есипов Д.М.	Денежно-вещевые лотереи в период Великой Отечественной войны на территории Курской области	98–100
Волкова А.И.	Восточная часть территории Курской области в начальный период Великой Отечественной войны (на примере Мантуровского района)	101–105

Чербаджи В.Н.	Оборонительное строительство на территории Беленихинского, Прохоровского и Скороднянского районов Курской области весной – летом 1943 года	105–116
Бородина С.В.	Особенности применения танков Т-70 в Прохоровском танковом сражении	116–122
Душкин С.А.	Из опыта организации сельской молодежи на успешное выполнение производственных заданий (по материалам пленумов Курского обкома ВЛКСМ за 1945 год)	122–126
Черников О.А.	Из истории животноводческого товарищества города Курска (1954–1959 гг.)	126–135
Петряева А.В.	Учреждение Курского политехнического института: исторический аспект	135–138
Батавина М.А.	Курский областной Совет народных депутатов (1990–1993 гг.): источниковедческий аспект	138–143

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Емельянова Е.И., Монахиня Иустина (Трофимова)	Священно-церковнослужители Курского Свято-Троицкого женского монастыря (вторая половина XVIII – первая половина XX веков): биографические данные	144–153
Золоторева Н.В.	Людвиг Карлович Мартенс: из истории семьи	153–156
Холодова Е.В.	Архитектор Дмитрий Алексеевич Дегтярев (1890–1956): материалы к творческой биографии	157–161
Потаскаева Т.Н.	Леонид Николаевич Позняков: Биография архивиста	162–164
Коровин В.В.	Биография командира Первой Курской партизанской бригады И. К. Панченко в документах архивных фондов	164–171
Дудина Н.Н., Костенко Е.Ю.	Бессмертный вклад в победу и науку (ученые-участники Прохоровского сражения: М. Я. Бельчиков и Г. С. Шевцов)	171–174

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

Ефремова И.С.	Дело о переложении границы между Курским и Харьковским наместничествами вследствие неправильного межевания дачи села Долбино Белгородского уезда, разделенной между двумя губерниями	175–183
Аргунов О.Н.	«Во время операции выяснилось, что противник был предупрежден о ней и сумел подготовиться...»: Письмо военной прокуратуры Курского гарнизона от 9 августа 1945 г. об уголовном деле в отношении первого секретаря Советского райкома ВКП(б) Н. А. Булгакова	183–186
Сведения об авторах		187–188

ИСТОРИЯ КУРСКОГО КРАЯ В XVII–XX вв.

Д. Е. Евсюков

СЕЛО РЕПЕЦ МАНТУРОВСКОГО РАЙОНА. КОГДА БЫЛА ПОСТРОЕНА ЦЕРКОВЬ?

Статья подготовлена в развитие исследования об истории основания села Репец Мантуровского района Курской области, опубликованного в настоящем сборнике четыре года назад [24]. Причинами, побудившими автора продолжить изучение темы, стали выявленные новые документы, уточняющие время основания населенного пункта, а также желание подтвердить (или опровергнуть) легенду о сожжении местной церкви, передающейся из поколения в поколение среди жителей села.

Легенда гласит о том, что деревянную церковь в Репце сожгли крымские татары на день Святой Троицы. Они закрыли дверь храма, в котором в тот момент шла служба, и подожгли его. От старой церкви сохранился лишь камень от алтаря, который хранится во дворе каменной церкви, построенной на новом месте.

По сложившемуся обычаю рядом со старой церковью когда-то располагалось кладбище. По воспоминаниям автора книги «Село Репец» Юрия Махрина, когда в советские годы по главной улице прокладывали новый водопровод, экскаваторщик выкапывал гробы необычной формы – выдолбленные из стволов вязов [28, с. 50].

Автор задался целью найти в архивных документах истоки этой легенды, а возможно и описание событий, в ходе которых сгорела местная церковь. Итак, известно, что в Репце первоначально действовала деревянная церковь, а затем на бугре была построена новая каменная, которая стоит там и поныне. Конечно, версия, изложенная на официальном сайте сельсовета, сообщающая о существовании в Репце церкви еще до прихода монголо-татар, не выдерживает критики [26]. Учитывая, что земля первым поселенцам Репца была выделена в 1648–1649 гг., а населенный пункт возник несколько позже, очевидно, что первая церковь (или часовня) была сооружена только во второй половине XVII в.

В отношении каменной церкви имеются довольно подробные исторические сведения за период конца XIX – начала XX вв., основная часть которых обобщена в справочнике 2014 г., подготовленном специалистами Государственного архива Курской области по материалам, находящимся на хранении в архиве [25, с. 45–46]. Детальные сведения о каменной церкви можно обнаружить и в других архивах. Так, в Российском государственном историческом архиве хранятся страховые документы по церквям Тимского уезда за 1910 и 1914 гг., в которых имеется подробное хозяйственное описание Репецкой церкви, включая ее размеры, материал здания и отделки, количество окон и дверей, перечень церковной утвари, сведения о колокольне, а также описание церковно-приходской школы и хозяйственных построек (сторожка, амбар, сарай). Годом строения каменной церкви указан 1801 г., пределы сооружены в 1907–1909 гг., главный и северный иконостасы устроены в 1914 г., в этом же году возобновлен южный [19, л. 64–67].

На 1921 г. в церкви села Репец имелось три престола: во имя святого великомученика Дмитрия Солунского (празднуемый 26 октября¹), преподобного Серафима Саровского чудотворца (19 июля) и в честь Иверской иконы Божией Матери (на третий день Пасхи) [22, л. 98].

¹ По старому стилю.

Что касается прежней деревянной церкви, сведений о ней чрезвычайно мало. Известно, что в конце XVIII в. церковь в Репце еще была деревянной. Так, согласно Топографическому описанию г. Тима и его селений А. Зубова за 1784 г. в селе имела деревянная церковь во имя святого великомученика Димитрия, при которой располагались 4 двора церковнослужителей числом 10 душ [30]. Кроме прочего в данном источнике содержится хозяйственное описание самого села, включая площадь лесов, пашенных угодий, занятых под разными культурами, перечислены характеристики и владельцы семи мельниц и др.

Краткие сведения о церкви находим и в экономических примечаниях Межевой экспедиции, составленных к генеральному плану Тимского уезда 1782 г.: «в селе церковь деревянная во имя великомученика Димитрия мироточивого» [16, л. 100].

По поводу времени постройки каменной церкви сведения в архивных документах расходятся. Упомянуты следующие годы: 1801, 1825 гг. и даже 1761 г.¹ [25, с. 45–46]. Более достоверным представляется 1801 г., указанный в наиболее ранних из выявленных источниках – страховых документах за 1910 г. [19, л. 64] и клировых ведомостях за 1916 г.² [23, л. 155].

Причиной строительства каменной церкви могла стать ветхость предыдущего строения, либо его утрата, например, при пожаре. Поиск таких сведений в РГИА в фонде канцелярии Синода результата не принес: дела о строительстве новой церкви в селе Репец не выявлено, хотя аналогичное дело за 1827 г. о дозволении устроить каменную церковь вместо сгоревшей деревянной имеется по соседнему селу Рогозцы [18], сохранился и чертеж фасада новой церкви за тот же 1827 г. [20].

Для уточнения года постройки каменной церкви привлечены ведомости о церквях Курской епархии за 1806 г. [17, л. 51 об. – 52]. Однако в данном источнике материал строения церкви не указан. Имеются данные о составе причта: 2 священника, 2 дьячка, 2 пономаря, всего занято 6 штатных единиц, кроме того, место диакона предоставлено семинаристу. У священно- и церковнослужителей семеро малолетних детей в возрасте от 3 до 14 лет (учтены только не поступившие в семинарию, училище или на место причетника). Церковной земли 33 десятины, прихожан 1 199 мужчин и 1 300 женщин. Доход служителей церкви от треб и земли составлял примерно 190 руб. в год.

Наконец, уже при подготовке статьи к сдаче обнаружили новые неожиданные сведения о постройке. В материалах Тимского уездного суда было выявлено дело местных помещиков, касающееся исправления ошибки в межевых книгах³, и хотя Репецкая церковь здесь упомянута мимоходом («против вновь строящейся в селе Репце каменной церкви»), отсюда мы узнаем, что строительство каменной церкви в Репце велось уже летом 1795 г. [21, л. 5, 9 об.].

С целью локализации обеих церквей на местности изучены материалы межевого архива РГАДА. Проанализированы подробные (масштаб в 1 дюйме 100 сажень) геометрические специальные планы за 1784 и 1864 гг. [14; 15]. Установлено, что деревянная церковь в конце XVIII в. находилась в центральной части села. В то время юго-восточная сторона улицы (со стороны реки Оскол) имела зигзагообразную форму, как огибающую здание церкви⁴. Ту же конфигурацию улица сохраняет и в 1864 г., но церкви на старом месте уже нет. Вместо нее на плане имеются две точки, которые, вероятно, обозначают фрагменты

¹ Исходя из вышеприведенных сведений, последний вариант следует отбросить.

² Клировые ведомости за предыдущие годы в ГАКО не сохранились.

³ Документ выявлен благодаря местному курскому исследователю Р. Голубкову.

⁴ Копии межевых планов и другие иллюстрации приведены в электронной версии публикации: <http://www.old-kursk.ru/book/evsukov/st221130.html>.

прежней церкви (алтаря) – по-видимому, здесь и находился белый камень, о котором помнят старожилы. Новая же каменная церковь на плане 1864 г. находится на бугре, к ее ограде с юго-восточного угла примыкает кладбище (ныне кладбище расположено к западу от церкви).

Таким образом, архивные планы подтверждают известное местным жителям местонахождение старой деревянной церкви, которая располагалась здесь до рубежа XVIII–XIX вв. В настоящее время в непосредственной близости с этим местом (а, возможно, и по нему) проходит главная улица, теперь прямая без изгибов.

Еще дальше углубляясь в прошлое, узнаем, что церковь в селе существовала уже в начале XVIII в. Так, согласно ландратским книгам за 1710–1718 гг. в селе Репец церковь во имя святого великомученика Дмитрия [11, л. 993]. В 1710 г. священником при церкви был отец Дмитрий Афанасьевич, впоследствии проживавший в селе Дорожня, где в 1718 г. строилась новая церковь. На тот момент ему 50 лет, у него жена Катерина 59 лет, дети Степан 28 лет, Матрена 15 лет и Анна 12 лет, еще одна дочь Аграфена выдана замуж в 1715 г. У сына Степана жена Анна 33 лет [11, л. 927–927 об.].

В 1714, 1718 и 1723 гг. священником при Репецкой церкви служил Фома Иванович, 30 лет (на 1718 г.), у него жена Соломонида 38 лет, дети Прасковья 4 года, Авдотья 3 года, сын Гаврила (умер в 1716 г.). Согласно переписи 1710 г. Фома был диаконом в селе Погожем Засемского стана при священнике отце Иване [12, л. 773 об.].

В 1710–1718 гг. церковным дьячком служил Андрей Федорович Попов, 37 лет (на 1718 г.), у него жена Анна 33 года, дочери Агафья 9 лет, Февронья 1,5 года, брат Логвин 28 лет, у него жена Агафья 23 года [12, л. 993 об.].

Переходя к документам XVII в., стоит отметить, что данные о церкви за этот период крайне скудны. В предыдущей статье сообщалось об упоминании Репца в сборной книге хлеба за 1670/71 г. [3, л. 75–75 об.]. Однако статус населенного пункта (село или деревня) в этом документе не определен. Недавно обнаружен еще один источник с упоминанием селения – сказки о крестьянских и бобыльских дворах за 1678 г., в котором присутствует такая фраза: «села Репца поп Василей Иванов сын сказал: в том селе часовня святого великомученика Димитрея, селитца вновь». Таким образом, в 1678 г. в селе была только часовня, но не церковь. Кроме того, обращает на себя внимание помета «селиться вновь», означающая, что этот населенный пункт возник недавно, вероятно, не более 10 лет назад.

Итак, имея сведения о существовании Репца по меньшей мере с конца 60-х – начала 70-х гг. XVII века мы наконец подходим к главному открытию.

Не так давно автору удалось выявить еще более ранний документ, в котором имеется упоминание о Репце – это сказки о разорении за 1659 г., в которых упомянуты три семьи детей боярских Баклановых, чьи имена присутствуют в челобитных 1648/49 г. о выделении земли (см. [24]). Причем в этом документе местом проживания Григория, Федора и Тимофея Баклановых значится село Репенское (Репейское) Ублинского стана [4, л. 10, 14]. Сказки поданы дозорщику Г. В. Колемину в декабре 1659 г. после летнего татарского набега и содержат сведения о взятых в плен родственниках и ущербе, нанесенном имуществу служилых людей. В документе это передано следующими строками: «в прошлом во 167-м году приходил войною крымский хан со многими ратными ордами и черкасы...».

Подобные сказки за рассматриваемый период сохранились по многим уездам, причиной к этому послужили события летней кампании 1659 г. по свержению

власти гетмана И. Выговского в ходе Русско-польской войны 1654–1667 гг. В период с конца июля по середину августа 1659 г. крымский хан Мехмед-Гирей при поддержке казаков Выговского напали на русские земли южных уездов, в том числе на Старооскольский. По некоторым оценкам численность крымского войска составляла 20 тыс. татар и до 10 тыс. казаков. В ходе набега было разорено 18 уездов и уведено в плен 25,5 тыс. чел. [27].

5 сентября старооскольский воевода Т. Левашов сообщил, что 1 августа на уезд напали крымские татары, турки и черкасы, «на посаде слободы, и в уезде села и деревни, и хлеб в гумнах и в лесах пожгли». Всего в ходе набега были убиты 21 человек, 760 взяты в плен [1, л. 19, 27]. Нужно отметить, что о сожженных церквях документ не упоминает, хотя по некоторым другим уездам такие сведения приводятся.

Вернемся к Баклановым. В своих сказках они сообщили следующие сведения. У Григория Бакланова взяли в плен невестку Варвару и внука Сергея. У Федора Бакланова увели плен братьев Григория, Якова, Антамона, жену Феклу, невесток Матрену, Степаниду, племянников Ивана и Петра. Более всего пострадала семья Тимофея Бакланова, у которого в плен попали жена Матрена, сын Микитка, три невестки – Ирина, Матрена и Анисья, восемь племянниц – Настасья, Алена, Анна, Афимья, Евдокия, Федосья, Афимья и Евдокия.

Приведем здесь более подробные биографические сведения об этих семьях. Иван Лукьянович Бакланов уже в начале XVII в. служил станичным ездоком и проживал в Ездочной слободе, на посаде за ним числится торговая лавка, он упоминается в документах по начало 1650-х гг. Вскоре вступает в службу его сын Данила, взятый на место Петра Захарова, убитого в 1616/17 г. В 1621 г. Данила упомянут ездоком 1-й станицы [2, л. 109 об.], а уже в 1637/38 г. сведен «на вечное житье» в г. Усёрд. Впоследствии в 1644 г. часть его поместья в Ездочной слободе отдана сыну Федору, верстанному в дети боярские в промежуток 1641–43 гг. с окладом 100 четей.

Братья Григорий и Тимофей Ивановичи Баклановы, по-видимому, также являлись сыновьями Ивана Лукьяновича. Григорий служил в станичных ездоках с 1-й половины 1630-х, во 2-й половине 1640-х верстан в дети боярские. Тимофей в середине 1640-х гг. сразу поступил на службу в дети боярские с окладом 100 четей.

В 1653 г. главой двора этой линии Баклановых в Ездочной слободе записан Григорий, его брат Тимофей и племянник Федор, вероятно, проживали там же. В 1670/71 г. дворы Фёдора, Тимофея и Петра Баклановых по-прежнему числятся в Ездочной слободе, и только в 1678 г. Петр Тимофеевич Бакланов записан главой двора в Репце.

Таким образом, мы видим парадоксальную картину. С одной стороны, в 1659 г. по меньшей мере три семьи Баклановых уже проживали в Репце (во всяком случае такие сведения они сообщили в своих сказках). Однако по окладным книгам 1670/71 г. они все еще числятся в Ездочной слободе, и лишь через несколько лет (в 1678 г.) представитель одной из семей, Петр Тимофеевич, появляется в Репце. С другой стороны, из прочих детей боярских, получивших здесь земли в 1648/49 г., в сказках о разорении упомянуты только Перфил Деревягин и четверо Коршиковых, местом жительства которых указаны с. Верхнее Чуфичево и д. Долгая поляна соответственно (Коршиковы фиксируются в Репце с 1670/71 г., Деревягин – только с 1678 г.). Другие участники челобитной 1648 г. в сказках о разорении не упомянуты (не пострадали от набега), что не позволяет достоверно утверждать, где они проживали в 1659 г.

Еще одним неожиданным фактом является то, что Репец в 1659 г. назван селом. Это означает, что на тот момент здесь уже была церковь или часовня, что заслуживает отдельного рассмотрения.

Прежде всего, насколько большими в середине XVII в. были села и сколько дворов должно иметь селение, чтобы жители могли поставить церковь (часовню)? Определенного ответа на этот вопрос нет. С одной стороны, согласно переписной книге 1646 г. Оскольского уезда, села Ублинского стана были довольно небольшими, менее 10 дворов (Ублинское – 3, Лапыгино – 8), с другой стороны деревня Курская насчитывала 18 дворов [13, л. 16–16 об., 25–28 об.]. Следовательно, село Репец в конце 1650-х гг. вполне могло быть небольшим населенным пунктом (скажем, до 10 дворов). В предыдущей статье было показано, что согласно сборной книге за 1670/71 г. в Репце числилось 9 дворов [3, л. 75–75 об.] (впрочем, как отмечалось, достоверность этого источника в части отнесения служилых людей к тому или иному населённому пункту, вызывает определенные сомнения).

С другой стороны, поскольку прочие семьи (кроме Коршиковых и Деревягиных) в документе 1659 г. не упомянуты, можно сделать осторожное предположение, что некоторые из челобитчиков уже могли проживать в Репце, но их семьи при татарском набеге не пострадали. Так, в отношении жителей Репца сведений о пострадавшем имуществе не имеется (по некоторым другим населенным пунктам встречается информация о сожженных дворах). Если бы такие случаи были зафиксированы, можно было бы говорить о разорении села татарами и оставление его жителями.

Имеется ли упоминание о Репецкой церкви в документах конца 1650-х гг.? До образования Белгородской епархии церкви Оскольского уезда относились к Патриаршей области (подробнее см. [31]) и составляли Оскольскую десятину. Ежегодно в Патриаршем Казенном приказе составлялись приходные книги церковной дани со всех церквей Патриаршей области. Первая из таких сохранившихся книг, в которой перечислены церкви Оскольской десятины, составлена в 1627/28 г. [5, л. 127–129 об.]. Для уточнения факта существования церкви в период подачи сказок о разорении были изучены приходные книги по церквям Оскольской десятины за 1657, 1658, 1659 и 1660 гг., однако сведений о Репецкой церкви (часовне) выявлено не было [6, л. 906–908; 7, л. 881а–883; 8, л. 917–919; 9, л. 944–946]. Нет таких сведений и в наиболее поздней из сохранившихся окладных книг Оскольской десятины за 1670 г. Здесь следует пояснить, что, несмотря на открытие Белгородской епархии в 1667 г., ее церкви первоначально передавались в управление митрополиту Белгородскому и Обоянскому Феодосию только по духовным делам, а окладную дань продолжали платить в патриаршую казну [29, с. 117]. Так, церкви Оскольской десятины упоминаются в приходных книгах церковной дани Патриаршего Казенного приказа по 1670 г. включительно. Однако и в этот год упоминаний о Дмитровской церкви (часовне) в указанных книгах не выявлено [10, л. 1022–1025].

Причиной таких нестыковок может служить несвоевременное включение в оклад построенной в Репце часовни (в том числе и непреднамеренное). Известны случаи утайки новых церквей и их приходов от нескольких до десяти и более лет с момента постройки. Активный процесс введения таких приходов в оклад начался уже позже, при патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.) в ходе «досмотров церковного и всякого благочиния» [32, с. 145–147].

Таким образом, развитие событий могло выглядеть следующим образом. Получив землю в будущем Репце в 1648–1649 гг., первые служилые люди

поселились здесь во 2-й половине 1650-х гг. и поставили часовню. После татарского набега жители в селе остались, а часовня уцелела, но тогда следует признать, что Дмитровский приход не попадал в церковные книги более 10 лет. В альтернативном сценарии первыми и единственными жителями были три семьи Баклановых, которые после татарского набега 1659 г. были вынуждены покинуть село. На время село опустело, жители появились здесь только во второй половине 1660-х гг., а Баклановы еще через десятилетие. К 1678 г. в селе Репец числится уже 25 дворов.

Итак, несмотря на то, что загадка о сожженной татарами церкви не была полностью разгадана (а легенда ни подтверждена, ни опровергнута), теперь мы имеем набор фактов, на основе которых можно строить более обстоятельные рассуждения. Остается надежда, что описание искомым событий все-таки будет рано или поздно обнаружено в архивных документах.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 123. Оп. 1, 1658 г. Д. 14.
2. РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 218.
3. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6д. Кн. 79.
4. РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 416.
5. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 2.
6. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 42.
7. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 46.
8. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 49.
9. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 50.
10. РГАДА. Ф. 235. Оп. 2. Д. 72.
11. РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 385.
12. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3392.
13. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 344.
14. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 223, ч. 1. Д. Р5(кр).
15. РГАДА. Ф. 1354. Оп. 223, ч. 2. Д. Р10(кр).
16. РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 667.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 87. Д. 736.
18. РГИА. Ф. 796. Оп. 108. Д. 1308.
19. РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 680.
20. РГИА. Ф. 1488. Оп. 2. Д. 481.
21. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 121. Оп. 1. Д. 312.
22. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 46.
23. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 48.
24. Евсюков Д.Е. К истории основания села Репец Мантуровского района Курской области // События и люди в документах курских архивов. Вып. XVIII. Курск, 2019. С. 9–23.
25. Из истории храмов Курской епархии: Горшеченский, Касторенский, Мантуровский, Советский, Солнцевский, Пристенский, Тимский, Черемисиновский, Щигровский районы / под ред. В. Л. Богданова, Н. А. Елагиной. Сост. Л. С. Ласочко, Т. Н. Потаскаева. Ч. II. Курск, 2014.
26. Краткий исторический очерк [Электронный ресурс] / Официальный сайт муниципального образования «Репецкий сельсовет» Мантуровского района. URL: <http://repec.rkursk.ru> (дата обращения: 19.07.2023).
27. Летняя кампания 1659 г. на Украине и свержение власти гетмана И. Выговского – русско-польская война 1654–1667 гг. [Электронный ресурс] / Энциклопедия «Руниверс». URL: https://runivers.ru/conflicts/campaigns/letnyaya_kampaniya_1659_g_na_ukraine_i_sverzhenie_vlasti_getmana_i_vygovskogo_russko_polskaya_voyna/ (дата обращения: 19.07.2023).
28. Махрин Ю.Ф. Село Репец: история и современность. М., 2023.
29. Папков А.И. Система церковного управления в районе Белгородской черты (XVII век) // Белгородская черта. Вып. 4. Белгород, 2019. С. 110–118.
30. Топографическое описание Курского наместничества по минувшей 3-й и нынешней 4-й ревизии, сочинено тщанием сея правителем господином Зубовым в 1784-м году: Тимская округа. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18800. Ч.5. Л. 41 – 41 об. Машинописная копия XX в.: ГАКО. Ф. Р-30. Оп. 1. Д. 188. Л. 103–104.
31. Устинова И.А. Территории Белгородской епархии в составе Патриаршей области в середине XVII века // Белгородская черта. Вып. 5. Белгород, 2020. С. 226–232.

И. С. Ефремова

**ВИДЫ ДОКУМЕНТОВ ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ГОРОДОВЫХ
МАГИСТРАТОВ КУРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА**

В первой четверти XVIII в. в связи с опубликованием «Генерального регламента» и учреждением Герольдмейстерской конторы началась стандартизация в оформлении документов по личному составу. Наряду с другими государственными учреждениями эти правила распространялись и на магистраты. В материалах архивных фондов Курского губернского, Курского городского и Обоянского городского магистратов документы о результатах служебной деятельности занимают менее 10 % от общего состава. Ввиду плохой сохранности личные дела выделены не во всех годовых разделах. Однако имеющийся массив документов позволил определить единые критерии для их последующей классификации.

В процессе исследования служебные документы магистратов были разделены на несколько групп:

- документы по учету кадров, в числе которых формулярные и послужные списки;
- документы по учету рабочего времени;
- документы, отражающие финансовую сторону службы;
- распорядительно-отчетная документация;
- документы, фиксировавшие прием и увольнении со службы.

Наибольший интерес представляют *послужные списки*. Впервые этот вид документации появился в 1764 г. как форма отчетности перед Герольдмейстерской конторой [15, с. 510]. С усилением позиций дворянства наиболее перспективные вакансии стали наследственными, что усложняло оформление списков. С 1771 г. к общеобязательным графам о происхождении, возрасте, движимой и недвижимой собственности, судимости и данных о предыдущем месте работы добавлялась информация о семейном положении чиновника [13, л. 7 об. – 9, 22 об. – 24, 26 об. – 28]. По форме 1771 г. указывалось сословное происхождение супруги, пол и возраст детей, а также место их пребывания [13, л. 3–4]. Так, из материалов Обоянского городского магистрата за 1781 г. узнаем, что 47-летний бургомистр П. К. Варваров был женат на дочери однодворца Е. К. Бегичевой, в браке с которой прижил двух сыновей, «... обитающих в купечестве при отцовском доме» [13, л. 3–4]. Второй бургомистр Ф. Б. Бочеров и четверо ратманов (И. М. Суханов, Г. М. Сагорев, П. И. Стебаков, А. И. Каракулин) были женаты на купеческих дочерях и имели детей «не в отделе» [13, л. 22 об. – 24, 26 об. – 28].

Послужные списки дополнялись документами по учету рабочего времени, в числе которых ведомости «*О состоянии присутствия*». Они включали несколько граф: в первой и второй указывались число и день недели, в которые проходили заседания магистрата; третья и четвертая поименно перечисляли бургомистров и ратманов с указанием, в какие дни и часы (пополуночи или пополудни) они явились на работу, сколько часов заседали (2 или 8), в какой период находились в отпуске или отсутствовали по болезни [8, л. 614 об. – 615].

Зачастую к ним прилагались дополнительные сводки, конкретизировавшие информацию по отдельным вопросам. Одним из таких документов являлись

ведомости «*О чинах, находящихся в отпуску*». По структуре они делились на четыре колонки: 1) «с какого числа отбыл»; 2) ФИО служащего и его чин; 3) «на сколько дней отпущен»; 4) «явились в срок к должности или нет» [8, л. 615]. К этим материалам подшивались прошения служащих о предоставлении проездных паспортов и резолюции правления. По выходе из отпуска чиновники приносили *явочные*, в которых указывались срок отсутствия, не превышавший 28 дней, и статус паспорта (годовой или трехгодичный, просрочен или нет) [8, л. 617]. В случае несвоевременного возвращения они подавали *известия* и *объяснения* [13, л. 6].

В соответствии с главой XX «Учреждений об управлении губерний Всероссийской империи» судебские должности были выборными. Поэтому внушительный массив материалов, отнесенных к категории «прием и увольнение со службы» составляли *баллотировочные листы* и *списки*. Различие этих документов заключалось в степени подробности. К примеру, баллотировочный лист Курского городского магистрата за 1783 г. содержал 100 фамилий, а список, оформленный после предварительного голосования, – 31 [4, л. 19–22, 23–23 об.]. Замещение канцелярских должностей осуществлялось на контрактной основе. В этом случае соискатель подавал челобитье в магистрат с приложением копии аттестата с предыдущего места работы [5, л. 1]. Предоставление последнего с января 1764 г. стало обязательным [15, с. 510]. Этот документ содержал информацию о личных качествах служащего и его производственном стаже [10, л. 414–414 об.]. Когда при увольнении чиновнику вручался аттестат, последний обязывался уплатить пошлину. В связи с этим событие фиксировалось как в *книге выдачи* [10, л. 84], так и в *ведомости о приходе средств* [11, л. 105]. Соискатели на канцелярские должности нанимались только после одобрения на заседании присутствия. В случае положительного вердикта в дом кандидата посылался нарочный с приглашением явиться в магистрат для заключения *контракта* [11, л. 3, 6].

Документы, отражающие финансовую сторону службы, включали *счетные выписки* и *тетради на записку жалованья* [11, л. 27, 50]. Первые оформлялись в отношении бургомистров и ратманов, вторые – канцелярских служащих. Выписки состояли из приходной и расходной частей, в которых сумма выплат прописывалась индивидуально для каждого чиновника «за вычетом на гошпиталь» [8, л. 114 об. – 115; 3, л. 172]. Документ отправлялся в казначейство с приложением рапорта за визой бургомистра и двух ратманов [8, л. 109]. Документирование этого процесса в разных учреждениях могло отличаться. Например, в Обоянском городском магистрате вместо выписок составлялись *третьи реестры* и *счета*, схожие по внешнему оформлению [13, л. 12]. А курское губернское присутствие вело книги «*Записываемых в приход сумм канцелярского расхода и положенных на жалованье*». Существовала еще одна форма – тетради. В них зарплатная история каждого служащего фиксировалась на отдельном листе с прописыванием всех начислений. Последнее было особенно актуально для канцелярских служащих, заработок которых напрямую зависел от объемов документооборота. Например, в 1786 г. канцелярист Григорий Борзенков заработал 133 руб., а Борис Драчов – 170 [7, л. 33, 34]. Указанное обстоятельство отражало делопроизводственные традиции, которые, с позиции Н. В. Середы, стали следствием «...интеграции городов в экономику» [14, с. 186].

Зарабатывая деньги на ведении судебных дел, магистраты ими не распоряжались. Они отправлялись в казначейство с приложением ведомости о предстоящих расходах на будущий год. В ведомостях была зарплатная и канцелярская части. Комплекс отчетной документации об окладах включал «*Книгу*

приходную», «Книгу расходную», счетную выписку, к которым прилагались сообщения уездного казначейства об отправке средств, *рапорты* магистратских копейщиков и ратманов об их получении и распределении, *известия* и *объяснения* служащих о нарушении контрактов [3, л. 172]. Об использовании ассигнований на внутренние нужды магистраты отчитывались посредством ведомостей «*О канцелярских расходах*», к которым относились покупка свечей, гербовой бумаги и т. п. [3, л. 209].

Распорядительно-отчетная документация включала многочисленные *рапорты, известия, и объяснения* служащих о выполнении той или иной работы, а также *приказы и распоряжения* вышестоящего начальства. Например, 4 сентября 1780 г. магистратский служитель В. Чернов рапортовал о оповещении счетчиков М. Л. Калашникова и Ф. Я. Климова о командировке в Корочу и Рыльск для ревизии казны [1, л. 9]. В декабре 1780 г. сборщики Е. Климов и М. Фадеев докладывали о состоянии соляной продажи. В январе 1786 г. ратман И. Бутов написал *объяснение* в магистрат о причинах своего отсутствия в уездной чертежной [2, л. 1]. А от бургомистра С. Филиппова потребовалось *изъяснение*, почему выданный ему паспорт не внесен в журнал [6, л. 7]. Магистрат руководил служащими посредством устных и письменных *приказов*. Последние вручались лично или посредством нарочных. Обычно эту роль выполнял вахмистр (высшее солдатское звание в кавалерии) или сторож. Помимо приказов, они вручали *сыскные* (повестка в суд), *уведомления* (сообщение о розыске какого-либо лица, о победе на выборах в бургомистры или ратманы) и *копии приговоров* [6, л. 7, 8].

Таким образом, в последней четверти XVIII в. в делопроизводстве государственных учреждений Российской империи сложился устойчивый перечень документов по личному составу. За оформление этих материалов отвечали канцеляристы, к которым предъявлялись высокие образовательные требования. От точности заполнения служебной документации зависело начисление пенсионного и заработной платы, а также возможность приема на другое место работы или карьерного роста. Анализ этого вида документов позволяет воссоздать образ государственного гражданского служащего Российской империи в XVIII веке, а также понять, как в тот период работали чиновники.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 108. Оп. 8. Д. 66.
2. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 109.
3. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 171.
4. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 237.
5. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 240.
6. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 417.
7. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 426.
8. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 339.
9. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 725.
10. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 849.
11. ГАКО. Ф. 108. Оп. 8. Д. 1121.
12. ГАКО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 13.
13. ГАКО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 14.
14. Середа Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М., 2004.
15. Указ Сената от 31 января 1764 г. № 12030 «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников чрез каждые полгода, по приложенной форме» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. С. 510.

Л. М. Рянский, Р. Л. Рянский, М. Л. Рянская

**НОВЫЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ
О ПОЛОЖЕНИИ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН
СЛОБОДЫ РАКИТНОЙ ГРАЙВОРОНСКОГО УЕЗДА
КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В первой половине XIX столетия Россия по-прежнему была аграрной страной с абсолютно преобладающим крестьянским населением, значительная часть которого проживала в помещичьих имениях. Уже современники описывали экономику и быт крепостной деревни, но их работы, строго говоря, не носили научно-исследовательского характера, хотя и содержали порой ценный фактический материал, и потому представляли собой «не столько историографический, сколько источниковедческий интерес» [1, с. 4]. Лишь на рубеже XIX–XX вв. эта тема стала разрабатываться в историко-исследовательском плане в основном усилиями историков народнического направления [2; 3].

Особенно интенсивно социально-экономическое развитие крепостной деревни изучается в 20-х – 30-х гг. XX в., когда советские историки овладевали марксистско-ленинской методологией. Их работы носили тогда преимущественно локальный характер, то есть изучались отдельные помещичьи имения. Среди таких работ видное место занимали исследования, касающиеся Ракитянской вотчины Юсуповых, расположенной в Хотмыжском (с 1838 г. в Грайворонском) уезде [4; 5; 6]. Она относилась к категории крупнейших помещичьих имений Курской губернии. Но эти исследователи практически не использовали такой ценный профильный источник, как подворные описи. В послевоенный период описи стали анализироваться крупным советским историком И. Д. Ковальченко при изучении вопроса о расслоении помещичьих крестьян Европейской России в целом и селян всей Ракитянской вотчины в частности. Однако конкретные данные о ней были приведены исследователем в предельно концентрированном виде [7, с. 117–119]. Один из авторов этих строк исследовал расслоение крестьян не всей вотчины, а лишь слободы Ракитной и не только в 1830-х гг. (как у И. Д. Ковальченко), но и в 1816 г. [8, с. 4–11]. Однако положение крестьян было изучено автором далеко не с исчерпывающей полнотой. Акцент на разработке проблемы расслоения крестьянства по существу заслонил собой другие существенно важные стороны жизни жителей слободы Ракитной.

В дальнейшем материал о расслоении раkitянских крестьян был использован в отредактированном виде в коллективной монографии [9]. В 2017 г. Она вышла вторым изданием. В последней приведены сведения не только о расслоении крестьян слободы Ракитной, но и о помещичьем хозяйстве [10, с. 86, 91, 98–100, 125–126, 130–131, 139, 156, 174–175, 180, 184].

Основными источниками, адекватно отражающими социально-экономическое положение крестьян, являются подворные описи (описания крестьянских дворов) слободы Ракитной за 1816, 1832 и 1837 гг., инструкция князя Б. Н. Юсупова главноуправляющему имениями [11; 12; 13; 14], а также ревизская сказка данного селения за 1816 г. (VII ревизия) [15]. Подворные описи составлялись по распоряжениям владельцев имений с целью выявления хозяйственной состоятельности крестьян, что было необходимо для более точного определения размеров повинностей для каждого двора. Князь Б. Н. Юсупов требовал, чтобы для его барщинных имений подворные описи составлялись ежегодно, а для оброчных – один раз в 3 года [14, л. 56 об.]. К сожалению, время не пощадило подавляющее большинство этих ценнейших источников. По оценке И. Д. Ковальченко, сведения

подворных описей «отличаются большой точностью, ибо хозяйство крестьянина было на виду и ему было трудно что-либо скрыть» [7, с. 34]. В сохранившихся описях слободы Ракитной за 1832 и 1837 гг. названы поименный состав семей с указанием возраста, число налагаемых на двор тягол (служивших единицами обложения и для определения размера надела земли), перечисляются рабочий и продуктивный скот, данные о посевах и запасах хлеба (в 1836 г.) и о занятиях крестьян (в 1832 г.).

Что касается подворной описи за 1816 г., то она страдает существенным изъяном – отсутствием данных о населении крестьянских дворов. По счастью, он может быть частично компенсирован наличием ревизской сказки за тот же 1816 г. [15]. В ней приведены такие же демографические данные, как и в полноценных подворных описях. Правда, идентифицировать в «сказке» подавляющее большинство указанных в подворной описи дворов не удастся, так как многие крестьяне носили одинаковые имена и прозвища. Так, в подворной описи указаны как минимум три Ивана Добродомова, три Ивана Рыбцова, три Ивана Васильченка, два Гаврилы Добродомова, два Афанасия Добродомова, два Григория Рыбцова и т. д. К тому же имели место разделы дворов. К примеру, в подворной описи, составленной после ревизии, указаны отдельно дворы Артема Будянского и Григория Будянского, а в ревизской сказке они фигурируют в одном дворе. В описи они представлены как среднесостоятельные, тогда как объединенный двор входил бы в группу зажиточных крестьян. По этим причинам привлечение ревизской сказки 1816 г. не позволяет использовать ее сведения для углубленного изучения вопроса о расслоении крестьян (для этого в принципе достаточно и данных подворной описи), но содержащиеся в ней демографические сведения обеспечивают получение нескольких значимых показателей по имени (Ракитной) в целом. В частности, мы придаем особое значение средним показателям об обеспеченности крестьян хлебом и о числе рабочего скота, приходящегося на работника мужского пола. В доиндустриальный исторический период без наличия тандемов рабочая лошадь/работник и пара волов/работник функционирование полноценного крестьянского хозяйства невозможно.

Остается добавить, что сведения ревизской сказки 1816 г. о населении слободы Ракитной, по всей видимости, достаточно точны, поскольку подтверждаются данными других источников. Так, в материалах к составлению статистического и топографического описания Курской губернии, датированных 1818 годом, приведена численность населения слобода Ракитной очень близкая к аналогичному показателю из ревизской сказки слободы VII ревизии (1816 г.): в «материалах» – 1 910 мужских и 1 857 женских душ, в ревизской сказке – 1 965 и 1 857 соответственно. По нашим же подсчетам – 1 914 и 1 809 душ соответственно. Понятно, что на фоне тысячных величин о численности населения разница в несколько десятков человек не скажется сколь-нибудь существенно на точности хозяйственных показателей в расчете на мужскую душу или на работника, а потому вполне допустимо такой разницей пренебречь.

Переходим к характеристике слободы Ракитной, экономического положения крестьян и их дифференциации.

Слобода Ракитная была центром не только Ракитянского имения, но и всех «малороссийских» вотчин Юсуповых, расположенных в Курской, Харьковской, Воронежской и Полтавской губерниях, о чем свидетельствует инструкция кн. Б. Н. Юсупова главноуправляющему В. Н. Постникову от 1 июня 1838 г. [14]. По VIII ревизии (1833 г.) в слободе Ракитной насчитывалось 2 592 души мужского пола, что составляло 43,9 % от общей численности мужского населения во всем

Ракитянском имении [17]. В остальных селениях вотчины подобной скученности населения не наблюдалось. Например, в стоявшей на втором месте слободе Мокрушиной проживали только 783 души мужского пола. Сразу отметим, что, несмотря на удовлетворительную обеспеченность ракитянских крестьян пашней, это порождало такое неблагоприятное для занятия земледелием явление, как дальнеземелье, приводившее к недоборам урожаев. Но, с другой стороны, в вотчине было много необрабатываемой степной земли, часть которой арендовали у владельца зажиточные ракитянские крестьяне для выпаса скота, предназначенного на продажу.

До начала 30-х гг. XIX в., особенно до перевода крестьян с оброка на барщину в 1810–1813 гг., в вотчине существовала смешанная форма управления, при которой видное место занимала община-мир. Барщинным хозяйством теперь руководил атаман. Он же обсуждал наряды и время работ. Атаману помогали 4 есаула и 4 сотника (слобода делилась на 4 «сотни», т. е. части – Мещанскую, позже переименованную в Николаевскую, Золочевскую, Холоднрянскую и Томаровскую). Смотритель экономии наблюдал за гумнами, отпуском барского хлеба и полевыми работами. Многие крестьяне, пользуясь слабостью надзора, вообще не ходили на работу [6, с. 505]. Однако в 1830-х гг. Б. Н. Юсупов, получивший от отца Н. Б. Юсупова огромные долги и малоходное Ракитянское имение, начинает переводить его на товарную основу путем интенсификации барщины и действуя по принципу: «Жертвуя рублем должно извлечь два» [6, с. 511]. Б. Н. Юсупов прекрасно понимал причину малоходности, которую метко охарактеризовал А. Н. Насонов: Н. Б. Юсупов «слабо контролировал доверенных лиц в управлении вотчинами... последние, пользуясь этим, не желали утруждать себя контролем над местными управлениями, и местные отношения и хозяйственный распорядок слагались независимо от административного вотчинного центра» [6, с. 501].

В ходе преобразований Б. Н. Юсупова полномочия мира были резко ограничены. Доминирующее положение в управлении стала занимать вотчинная администрация. На сходах по-прежнему избирались атаман, старосты, старшины, гурменные писари, десятские и другие должностные лица, но они находились полностью под контролем администрации. Кандидатуры их подбирались управляющим, который мог по своему усмотрению смещать их с должности и «приказывать крестьянам избрать других» [14, л. 57]. Стало быть, выборы выродились в пустую формальность. Усилился надзор над крестьянским хозяйством. Именно для этого князь потребовал составлять подворные описи ежегодно. Запрещаются самовольные семейные разделы. В вотчине установился режим, по сути дела близкий к полицейскому.

Конечно же, введенные в вотчине порядки, формы крепостнической эксплуатации (оброк и барщина) и их интенсивность при Н. Б. Юсупове и Б. Н. Юсупове должны были оказывать (и действительно оказывали) неординарное, а порой и противоположное воздействие как на состояние хозяйства, так и на процесс расслоения крестьян. Мы в основном разделяем оценку, данную А. Н. Насоновым периоду до 1831 г.: в Ракитной «без присмотра «хозяйского глаза» сложился мир отношений, стихийно направляемый игрой местных интересов и свободно развивающимися социально-экономическими силами» [6, с. 503]. Хотя, по нашему мнению, развитие «социально-экономических сил» все же в известной мере было ограничено крепостническими порядками, особенно после перевода крестьян с оброка на барщину, которая первоначально была для крестьян довольно легкой.

Коснемся вопроса о методике обработки данных подворных описей, что имеет существенное значение для анализа расслоения крестьян. При изучении описей

слободы Ракитной мы применяли при группировке хозяйств критерии, предложенные И. Д. Ковальченко для земледельческих крестьян, в основу которых был положен характер воспроизводства: хозяйства, не осуществляющие его, осуществляющие в основном и осуществляющие расширенное воспроизводство. К беднейшей группе относились безлошадные и однолошадные дворы, к средней – 2-х – 4-лошадные, к зажиточной – дворы с 5 и более лошадьми и имеющие маслобойни, мельницы и другие заведения (даже если скота у них было меньше). Пару взрослых рабочих волов мы приравнивали к одной рабочей лошади [7, с. 41–45]. Однако, по справедливому замечанию Б. Г. Литвака, «подворная опись не обладает требуемой гаммой сведений» [18, с. 100]. Поэтому мы стремились привлекать информацию, содержащуюся не только в подворных описях, но и в непрофильных источниках, а также в других исследованиях. Подавляющее большинство приведенных в них данных публикуется впервые.

Результаты обработки подворных описей представлены в таблице 1 и в Приложениях.

Таблица 1*

Размеры и уровень хозяйства и повинности крестьян
слободы Ракитной

	1816 г.			1832 г.			1837 г.		
	На двор	На душу м.п.	На работника	На двор	На душу м.п.	На работника	На двор	На душу м.п.	На работника
Мужчин	3,1			3,3			3,5		
Работников	1,5			1,7			1,7		
Женщин	3,0						3,4		
Работниц	1,4						1,7		
Тягол:									
конных	1,3		0,9	1,0		0,9	1,50		0,90
пеших	0,5		0,3	0,5		0,3	0,03		0,02
Лошадей:									
рабочих	1,7	0,5	1,1	1,5	0,5	0,9	1,8	0,50	1,1
нерабочих	0,6	0,2	0,4	0,4	0,1	0,3	0,3	0,09	0,2
Волов:									
рабочих	1,1	0,3	0,7	0,60	0,20	0,40	0,40	0,1	0,2
нерабочих	0,4	0,1	0,3	0,06	0,02	0,03	0,01	0,003	0,005
Коров	1,2	0,4	0,8	0,7	0,2	0,4	0,9	0,3	0,5
Подтелков	1,3	0,4	0,8	0,5	0,2	0,3	0,7	0,2	0,4
Овец	4,7	1,5	3,1	3,1	0,9	1,8	3,5	1,0	2,0
Свиней	3,3	1,0	2,2	1,4	0,4	0,8	1,0	0,3	0,6
Ульев пчел				1,8	0,5	1,1	1,1	0,3	0,6
Барской запашки (дес.)		1,0			1,1		5,2	1,5	3,0
Надельной пашни		~ 2,3			2,7		9,0	2,9	5,2
Хлеба копен на едока обоого пола:									
озимого		4,6							
ярового		11,3							
всего в переводе на четверти		8,0							
Мельниц							0,05		

* Составлена по данным Приложений 1–3.

Рассмотрим, прежде всего, динамику средних показателей с целью установления ведущих тенденций в эволюции различных параметров крестьянского

хозяйства в течение изучаемого периода. Вот почему средние значения безусловно важны и не имеют ничего общего с пресловутой «средней температурой по больнице». Данные таблицы 1 показывают, что с 1816 по 1837 г. обеспеченность крестьянских хозяйств рабочей силой возросла: работников в среднем с 1,5 до 1,7 чел. (на 13 %) и работниц с 1,4 до 1,7 чел. (на 21 %). Однако поголовье рабочих лошадей в расчете на работника-мужчину с 1816 по 1832 г. сократилось с 1,1 головы до 0,9 (на 18 %), а к 1837 г. возвратилось к значению 1816 г. Но это было обусловлено не развитием крестьянского хозяйства, а мерами помещичьей администрации, о которых будет сказано ниже. Поголовье рабочих волов сокращалось неуклонно: с 0,7 головы на работника в 1816 г. до 0,4 – в 1832 г. и до 0,2 – в 1837 г. Это должно было сказаться негативно на распашке целинных степных угодий, для чего требовался тяжелый «украинский» плуг, запряженный двумя–тремя парами волов, и на занятиях чумачеством. Например, в Николаевской сотне в 1832 г. чумачеством занималось всего 3 двора из 26 зажиточных хозяйств. Таким образом, поголовье тяглового скота (лошадей и волов взятых вместе) уменьшилось с 1,8 головы в 1816 г. до 1,3 головы в 1832 г., но в 1837 г. оно вновь составляло 1,8 головы. Можно предположить, что без специальных мер владельца обеспеченность крестьян рабочим скотом в 1837 г. была бы даже хуже, чем в 1832 г. Тем не менее, в целом важный, по нашему мнению, критерий: 1 голова рабочего скота, приходящаяся на работника мужского пола, все же выдерживался. Как свидетельствуют данные таблицы 1, в Ракитной происходило сокращение и продуктивного скота в период с 1816 по 1837 г., в частности коров с 1,2 головы на двор до 0,9, подтелков – с 1,3 до 0,7, овец – с 4,7 до 3,5, свиней – с 3,3 до 1,0. Это было связано с усилением барщины и сокращением пастбищных угодий.

Важным индикатором состояния хозяйства и благосостояния крестьян являлась обеспеченность крестьян хлебом («Хлеб – всему голова!»). Согласно подворной описи 1816 г., в среднем на двор приходилось 97,4 копны озимого и ярового хлеба. По мнению И. Д. Ковальченко, в копне содержалось примерно 0,5 четверти зерна [7, с. 119]. Стало быть, в крестьянском дворе запасы зерна в среднем составляли 48,7 четверти. По ревизской сказке 1816 г., семья насчитывала в среднем 6,1 чел. обоюго пола (едоков). Таким образом, на одного едока приходилось 8 четвертей валового сбора или за вычетом зерна для посева 5,3 четверти чистого сбора. Годовая норма продовольствия в дореформенный период оценивалась в 2,5 четверти (минимальная – 2 четв.). Как видим, хлеба крестьянам было более чем достаточно для продовольствия своих семей. Впрочем, возможно, указанные запасы хлеба включали в себя не только текущий урожай, но и страховые запасы, то есть переходящий остаток от урожая прежних лет.

Для 1830-х гг. представим расчетные оценочные показатели обеспеченности крестьян хлебом. Для этого необходимы исходные данные за 1837 г. о количестве дворов (623), тягол (1 245) для исчисления надельной пашни из расчета 6 дес. на тягло (7 410 дес. в 3-х полях и 4 940 дес. в 2-х полях, которые реально засеивались), едоков обоюго пола (5 685), нормы высева озимых (1 четверть на дес.) и яровых (2 четверти на дес.). Несложные арифметические подсчеты дают следующие результаты: при урожайности сам-3 чистый сбор составляет 2,8 четверти на душу обоюго пола, при более реальной, хотя с нашей точки зрения, и заниженной урожайности сам-4 – 4,2 четверти (в этом случае излишки равняются 1,7 – 2,2 четверти). Стоит заметить, что даже занижавшие эти показатели губернаторские отчеты дают среднюю урожайность по губернии за 1842–1850 гг. по озимым сам-4,4, а по яровым – сам-3,8 [9, с. 233].

Приступим к анализу расслоения ракитянских крестьян. Необходимые для этого данные содержатся в таблицах Приложения.

Подворная опись 1816 г. отражает социально-экономическую ситуацию, сложившуюся до перевода крестьян Ракитянского имения с оброка на барщинную повинность, то есть до 1810–1813 гг. Тогда при отсутствии должного надзора в вотчине «сложился мир отношений, стихийно направляемый... свободно развивающимися социально-экономическими силами», – отмечал А. Н. Насонов [6, с. 503], что стало предпосылкой для довольно интенсивного процесса расслоения крестьян, достигшего значительной для того времени глубины. По данным Приложения 1, бедная группа охватывала 41,8 % от общего количества дворов в слободе Ракитной. Причем это не было следствием чрезмерной крепостнической эксплуатации. Судя по тому, что вотчина была мало доходной, величина оброка не могла быть значительной. Доля средней крестьянской группы была такой же – 41,9 %, а зажиточной – 16,3 %. Такие показатели дифференциации больше характерны для земледельческо-промысловых, а не чисто земледельческих крестьян. Например, земледельческо-промысловым было в 1832 г. Будское имение Юсуповых (Обоянский уезд), в котором к бедному слою относилось 48 % дворов, к среднему 44 %, к зажиточному – 8 % [8, с. 15]. В Ракитной между крестьянами имели место не только имущественные и хозяйственные различия, но и элементы социальной дифференциации. В определенной мере последнее, по нашему мнению, соответствовало критериям, принятым не только в отечественной, но и в зарубежной историографии, в которой сущность социального расслоения трактуется как «процесс дифференциации, с течением времени приводящей к появлению различных слоев, имеющих собственные экономические интересы, социальную ориентацию, стратегию выживания и средства сохранения и улучшения своего положения» [19, с. 101].

Между крестьянскими группами имели место существенные хозяйственные различия. На долю многочисленной бедной группы приходилось всего 16 % рабочих лошадей, 16,8 % коров, 18,5 % подтелков (молодые особи в возрасте 1 год), 9 % овец, 23,1 % свиней, 16,9 % озимого и ярового хлеба в переводе с копен на четверть. С другой стороны, малочисленный зажиточный слой (16,3 % дворов) имел 31,2 % рабочих и 52,2 % нерабочих лошадей, 78,9 % рабочих и 60,8 % нерабочих волов, 41,2 % коров, почти столько же подтелков, половину овец, треть свиней, 40,1 % хлеба в переводе на четверть (Приложение 1). Средние крестьяне не занимали доминирующего места ни по своей численности, ни в крестьянском хозяйстве. Единственным исключением была их доля в рабочих лошадях – 52,8 %. Но это только потому, что зажиточные предпочитали лошадям рабочих волов. У этих крестьян было в среднем 5,2 головы волов против 3,2 головы лошадей на двор.

Крестьяне различных групп, естественно, имели далеко не одинаковое количество скота (Приложение 1). В бедном слое на двор приходилось в среднем 0,6 головы рабочей лошади, тогда как в среднем – 2,1, в зажиточном – 3,2. По рабочим волам разница была еще более контрастной: 0,3 головы, 0,5 и 5,2 соответственно, а по коровам: 0,5, 1,2 и 3,1 головы и т. д. (Приложение 1).

Обеспеченность крестьян, относящихся к разным слоям, хлебом также контрастировала. Если в бедной группе на двор приходилось (в переводе с копен на четверти) в среднем 19,7 четверти, то в средней – 49,9, а в зажиточной – 119,5 (Приложение 1). К сожалению, как уже отмечалось, мы лишены возможности распределить население, указанное в ревизской сказке 1816 г., по группам, вследствие чего приходится довольствоваться оценочными показателями. Если использовать среднее значение наличия мужского и женского населения в одном

дворе (6,1 чел.) для бедной группы, то на каждого едока приходится 3,2 валового или 2 четверти чистого сбора зерна. Но на деле бедные дворы были малолюдными. Например, в 1837 г. на двор этой группы приходилось в среднем 5,2 души обоего пола (Приложение 3), а в 1816 г. их должно быть еще меньше. В таком случае бедные крестьяне, несомненно, имели более чем по 2 четверти хлеба на каждого члена своих семей.

В средней группе на каждого едока приходилось 8,2 четверти валового и 5,5 четверти чистого сбора хлеба, то есть двухгодовая норма продовольствия.

Зажиточные дворы располагали еще бóльшими запасами хлеба: на душу обоего пола приходилось в среднем 19,6 четверти валового или 13 четвертей чистого сбора (если в зажиточной семье тоже насчитывалось 6,1 едока). В действительности же зажиточные семьи были бóльшими, например, в 1837 г. в среднем 10 человек, тогда как по слободе в целом 6,9 чел. Если в 1816 г. пропорция была такой же, то зажиточные должны были иметь по 9,2 четверти зерна на каждого члена семьи, то есть более чем трехлетнюю норму продовольствия. Напомним, что в запасы мог входить не только урожай 1816 г., но и страховые запасы хлеба.

Среди крестьян уже как минимум намечались различия во внутреннем строе их хозяйств. Бедные крестьяне, в первую очередь безлошадные (таковых насчитывался 71 двор (28 % от общего количества дворов)) получали жизненные средства не только от своего хозяйства. Они сдавали свои земельные наделы в аренду, вероятно, за долю урожая, поскольку у них имелись запасы хлеба, продавали богачам свою рабочую силу (источник назвал их «обыкновенными работниками» последних) [4, с. 170; 6, с. 507].

Средние крестьяне получали львиную долю средств существования от работы в собственном хозяйстве. Она располагали достаточным числом семейных работников и рабочего скота. Можно предположить, что у них на каждого работника мужского пола должно было приходиться не менее чем по 1 рабочей лошади, а у части дворов имелись еще и рабочие волы (в среднем по 0,5 головы на двор) (Приложение 1).

Зажиточным крестьянам значительную долю жизненных средств давало их собственное хозяйство, но, что касается верхушки, то их хозяйство постепенно приобретало предпринимательские черты вплоть до начала 1830-х гг. Представители верхушки использовали в своих хозяйствах как семейных, так и наемных работников, иногда в значительных масштабах. По сообщению А. Н. Насонова, смотритель экономии Степан Дроботов устроил нечто вроде акционерной компании с ракитянскими крестьянами с целью сбыта хлеба [6, с. 508]. В торговых операциях Дроботова участвовали местные богатые крестьяне. Они покупали хлеб «низкими ценами у тех подданных, кои совершенно его мало имеют». Скупленный хлеб перепродавался приказчикам крупных оптовых хлеботорговцев. С. Дроботов имел в своем хозяйстве 6 наемных работников. Торговые операции приносили ему более 10 000 руб. дохода. Поскольку эти «акционеры» конкурировали в хлебной торговле с помещичьим хозяйством, князь дал С. Дроботову с двумя его взрослыми сыновьями отпускную за 20 тыс. рублей «и как паршивую овцу велел выгнать его из моих имений, чтобы он ни минуты в оных не жил» [4, с. 163–164].

Богатые крестьяне арендовали у владельца довольно много степной земли, на которой устраивали хутора для выпаса скота. В 1805 г. ракитянский крестьянин Николай Дроботов арендовал 1 375 (!) десятин (за которые уплатил 1 719 руб. 85 коп.), Михаил Стронин – 253 дес., Максим Лубок – 156 дес., Василий Крамаров – 118 дес., Павел Кутоманов с двумя товарищами – 280 дес., другие брали в аренду от

11 до 82 дес. [20, с. 42–45]. Некоторые богачи занимались чумачеством, для чего содержали много волов. Например, во дворе № 2 из описи 1832 г. Николаевской сотни насчитывалось 10 рабочих волов. В подворной описи 1816 г. занятия крестьян, равно как и владельцы мельниц, к сожалению, не отмечены, хотя они, несомненно, были. В 1832 г. ракитянские крестьяне имели 40 ветряных мельниц, в 1837 г. – 42. Содержание мельницы было весьма выгодным делом: за помол зерна мельник брал в качестве платы каждый десятый четверик (мерку). Не случайно некоторые мельники имели относительно немного рабочего скота, а во дворе № 118 Николаевской сотни была всего одна рабочая лошадь. У Степана Михайленка из Томаровской сотни были 2 мельницы и только 2 рабочие лошади (двор № 40).

В 1816 г. самым богатым выглядел двор Сидора Кутоманова из Мещанской (позже Николаевской) сотни. В нем насчитывалось 10 рабочих лошадей, 12 нерабочих, 12 волов рабочих и 8 нерабочих, 10 коров, 20 подтелков, 50 овец, 40 свиней, 200 копен озимого и 1 000 копен ярового хлеба. В том же 1816 г. Николай Дробот из Золочевской сотни имел 8 рабочих и 6 нерабочих лошадей, 8 рабочих и 6 нерабочих волов, 8 коров и 8 подтелков, 10 овец и 15 свиней, 300 копен озимого и 720 копен ярового хлеба. А в 1832 г., по сообщению В. Кашина, Кутоманов снимал у экономии 418,5 дес. пашни и покоса [4, с. 164]. В 1832 г. во дворе № 229 из Николаевской сотни семья состояла из 7 душ мужского и 7 душ женского пола, 2-х семейных работников и 2-х работниц. Эта семья имела 5 рабочих лошадей, 18 рабочих и 2-х нерабочих волов, 3-х коров, 4-х подтелков, 7 овец, 10 свиней, 20 ульев пчел и 1 мельницу и занималась хлебопашеством и чумачеством. Тогда же у Ефима Григорьева Путивцова (двор № 58) насчитывалось 8 душ мужского и 8 душ женского пола, 4 работника и 4 работницы, 20 рабочих лошадей, 2 нерабочих вола, 5 коров, 2 подтелка, 12 овец, 10 свиней, 50 ульев пчел, 1 мельница. Также он содержал почту и становой постоянный двор. Остается добавить, что некоторые зажиточные занимались розничной торговлей: в Николаевской сотне, к примеру, дворы №1 и 4 торговали «мелочным товаром».

Таким образом, до преобразований Б. Н. Юсупова в начале 1830-х гг. между крестьянами действительно происходило постепенное формирование не только хозяйственных, но и социальных различий, хотя последние пока еще не достигли значительной глубины.

Б. Н. Юсупов, стремясь сделать Ракитянскую вотчину рентабельной, огромное внимание уделил повышению тяглоспособности крестьян, чтобы они могли производительно исполнять барщинные повинности на помещичьих полях.

В инструкции 1838 г. он предписывал лишних дворовых и «тунеядцев» перевести в категорию барщинных крестьян. Для этого каждому вновь образованному тяглу следовало дать хату со строениями, 2 лошади, 1 корову, 4 овцы, 2 хомута, 2 узды, 2 дуги, 1 пуд пеньки, 1 телегу, 1 сани, 1 соху, 1 борону, 1 косу, семена и на 2 года освободить от барщины. А «трудолюбивых» бывших дворовых полагалось избавить от рекрутской повинности на 15 лет [14, л. 60–60 об.].

Был взят курс на ликвидацию многочисленных «пеших тягол». Сами эти слова для князя были «несносными». С этой целью он приказал наделять крестьян, в первую очередь безлошадных, рабочими лошадьми, но не бесплатно. Они фактически принудительно продавались крестьянам в рассрочку. Это мероприятие приобрело широкий размах: 94 двора из Николаевской сотни получили из «экономии» 144 лошади, в том числе 31 двор – по 2 лошади, 6 – по 3, 1 – 4 и 1 – 5 лошадей.

Таким образом, во всей слободе Ракитянской 326 дворов получили 453 лошади [13, л. 61–62, 113–114, 167–167 об., 218–219]. Подавляющее большинство лошадей было отдано крестьянам бедной группы. В результате как этих, так и других мероприятий владельца, о которых будет сказано ниже, бедная группа в период с 1832 по 1837 г. сократилась с 400 до 299 дворов, а число «несносных» для князя пеших тягол: в той же группе – с 200 до 17, во всех группах – с 411 до 24 (Приложения 2, 3). Это значит, что абсолютно преобладающее число крестьян становилось способным к полноценной работе на барской запашке.

Что касается других мер, направленных на повышение тяглоспособности крестьян на барщине, то это, прежде всего, категорический запрет им продавать лошадей и крупный рогатый скот, «ибо у многих было обыкновение к зиме продавать скотину, дабы не кормить». Чтобы у крестьян не было искушения избавляться от тяглого скота к зиме, а, наоборот, чтобы крестьяне обрабатывали свои наделы, дозволялось выдавать им хлеб из барских закромов «по самой уважительной причине». Особенно важным Юсупов считал запрет самовольных семейных разделов, «ибо соединенное хозяйство, заключая в себе достаточное число работников, цветет, а разделенное нищает». Князь также приказывал взыскивать деньги за лошадей постепенно, чтобы у крестьян не было желания или необходимости их продавать. Кроме того, он требовал «отнюдь не допускать» свою надельную землю крестьянам «отдавать в наймы, как-то делалось прежде и делается. Ибо отдают земли за бесценно и истративши деньги... ленивый сидит без хлеба, разстраивается в своем состоянии и делается бесполезным Господину, вредным самому себе, семейству и целому обществу». Стоит еще упомянуть в контексте рассматриваемого вопроса и о борьбе Юсупова против криминальных проступков своих крестьян. Князь требовал ни в коем случае не допускать среди крестьян кормчества (то есть, запрещенного для них изготовления и продажи водки), так как правительство ввело за это такие громадные штрафы, что за них не сможет расплатиться и целое общество. И он предписывает ссылать крестьян за кормчество в Сибирь, упоминая в связи с этим о ссылке туда по его приказу в 1836 г. шести крестьян. Понятно, что разорительные штрафы за кормчество должны были приводить к полной потере крестьянами способности к исполнению крепостнических повинностей [14, л. 50–55 об.]. Приведенные сведения, касающиеся расчетливого помещичьего патернализма, базировались на следующих постулатах, которыми руководствовался Б. Н. Юсупов: «Прозорливый помещик тогда богат, когда крестьяне в хорошем состоянии»; «благосостояние крестьян составляет и благосостояние владельца» [21, с. 345, 351].

Охарактеризованные нами весьма радикальные преобразования Б. Н. Юсупова не могли не сказаться на процессе расслоения раkitянских крестьян. Если в 1832 г. в слободе Ракитной бедная группа охватывала 46,4 % крестьянских дворов, средняя 42,2 %, зажиточная – 11,4 %, то в 1837 г. – 36,3 %, 52,9 % и 10,8 % соответственно (Приложения 2, 3). Ставшая доминирующей средняя крестьянская группа в 1837 г. стала играть еще бóльшую роль в крестьянском производстве: в 1832 г. ей принадлежало 59,3 % рабочих лошадей, 48,6 % коров, 53,8 % овец, 49 % свиней, а в 1837 г. уже, соответственно, 68,5 %, 59,6 %, 64,1 % и 58,7 %. Доля зажиточных крестьян в производстве, наоборот, понизилась: по рабочим лошадям с 21,6 % до 18,7 %, по коровам – с 30,9 % до 25,1 %, по овцам – с 27,2 % до 23 %, по свиньям – с 31,7 % до 25,2 % (Приложения 2, 3).

Однако, как и следовало ожидать, обеспеченность работников тягловой силой несколько улучшилась (таблица 2).

Таблица 2*

Количество рабочих лошадей, приходящихся на работника мужского пола

Годы	Бедные	Средние	Зажиточные	Всего
1832	0,46	1,10	1,11	0,88
1837	0,46	1,21	1,19	1,06

* Составлена по данным Приложений 2 – 3.

Итак, как свидетельствуют данные таблицы 2, с 1832 по 1837 г. средний по слободе показатель повысился с 0,88 до 1,06 головы рабочей лошади в расчете на работника. У бедных крестьян он остался на прежнем уровне, но их число сократилось с 1 013 до 778 душ мужского пола, а число зажиточных и средних крестьян возросло с 1 858 до 2 089 мужских душ. Следовательно, в 1837 г. почти 73 % крестьян в достаточной мере были обеспечены тягловым скотом. Небольшое превосходство средних крестьян над зажиточными в лошадях не должно смущать, поскольку последние имели еще и рабочих волов (по 2,7 головы на двор и 1 голове на работника). Приравнивая пару волов к рабочей лошади, получаем в зажиточной группе значение 1,7 головы рабочего скота на работника-мужчину (подсчитано по данным Приложений 2, 3). Однако в целом к 1837 г. зажиточные крестьяне обеднели, особенно если сравнивать с их положением в 1816 г. (см. Приложения 1 и 3). Еще больше обеднела верхушка слободы, так как Б. Н. Юсупов повел с ней настоящую борьбу, считая, что «добродетельный бедняк лучше, чем злой богач» [6, с. 519]. В подворной описи 1837 г. уже не встречались такие богачи, как Сидор Кутоманов или Ефим Путивцов.

Преобразования Б. Н. Юсупова привели к росту крепостнической эксплуатации ракитянских крестьян. Если в 1831 г. размер барской запашки составлял 1,08 дес. на мужскую душу, то в 1837 г. – 1,5 дес. [21, с. 346].

Важным показателем благосостояния крестьян являлась степень обеспеченности их хлебом. Выше уже приводились соответствующие данные по слободе Ракитной в целом. Теперь рассмотрим аналогичные данные по группам, которые получены точно таким же образом, как и предыдущие. Судя по стабильным размерам надела (6 десятин пашни на тягло), их можно считать среднегодовыми оценочными показателями в рассматриваемый период.

Итак, при урожае сам-3 в бедной группе на одного едока должно приходиться 3,8 четверти валового сбора озимого и ярового хлеба или 2,5 четверти чистого сбора. Последнее значение является годовой нормой продовольствия. При урожае сам-4 чистый сбор должен составить 3,8 четверти. В средней группе при урожае сам-3 на едока приходится 3 четверти, а при сам-4 – 4,5 четверти. В зажиточной группе следует ориентироваться на урожайность сам-5. У них было больше затыгловых (не включившихся в тягло) работников – 0,34 на двор (у средних – 0,21, у бедных – 0,28), больше рабочих лошадей, наличие рабочих волов, которых даже в средних дворах практически не было. Следовательно, в зажиточных хозяйствах поля должны были лучше удобряться, обрабатываться и, как следствие, давать более высокие урожаи. В нашем случае при урожае сам-5 у них на едока должно приходиться не менее 5,8 четверти чистого сбора. Тем не менее, предпринимательские элементы в зажиточных хозяйствах в 30-х годах были в значительной мере уже подавлены, правда, оставались еще 42 ветряные мельницы (пожалуй, последний сохранившийся признак предпринимательства).

Подведем общие итоги. Привлечение подворной описи 1816 г. ревизской сказки VII ревизии позволило получить данные о количестве скота, приходящегося на мужскую душу и на работника, и проследить изменения не только в размерах, но и в уровне крестьянского хозяйства слободы Ракитной вплоть до 1837 г. Эти данные

свидетельствуют о том, что состояние крестьянского хозяйства ухудшилось. Если количество рабочих лошадей не изменилось, в связи с патерналистическими мерами помещика, то количество продуктивного скота, а также молодняка значительно сократилось в расчете как на двор, так и на душу мужского пола. Причинами таких изменений явились перевод крестьян с денежного оброка на барщину и ее усиление, ужесточение вотчинного режима, сокращение пастбищно-сенокосных угодий, давление помещика и его администрации на зажиточных крестьян, приведшее к их обеднению, что значительно понизило не только групповые, но и общие параметры крестьянского хозяйства.

В начале изучаемого периода, когда существовали относительно благоприятные условия для крестьянского хозяйства (весьма невысокая степень эксплуатации, слабость контроля со стороны помещичьей администрации, достаточная обеспеченность крестьян земельными угодьями, небольшой размер денежного оброка и т. п.) в слободе Ракитной намечалась тенденция к социальному расслоению крестьян. Однако в дальнейшем эта тенденция не получила своего развития и, более того, оказалась обратимой. С начала 1830-х гг. в связи с усилением барщины и мерами, сковывающими хозяйственную инициативу крестьян, наблюдается весьма ощутимая нивелировка их хозяйств. Сокращается число беднейших дворов. Растет средний слой, становящийся преобладающим, размывается зажиточная группа, хозяйства которой все более приближаются к хозяйствам средней группы. Тенденция к социальному расслоению была по существу отброшена назад к простому имущественному и хозяйственному неравенству, безраздельно господствовавшему в отдаленном прошлом.

Приложение 1

Хозяйство крестьян слободы Ракитной князей Юсуповых в 1816 г. (по группам)*

	Бедные			Средние			Зажиточные			Всего	
	Всего	% к итогу	На двор	Всего	% к итогу	На двор	Всего	% к итогу	На двор	Итого	На двор
Дворов	254	41,8		255	41,9		99	16,3		608	
Населения:										1914	3,1
мужчин										1809	3,0
Работников:										915	1,5
мужчин										877	1,4
Тягол:											
конных	167	21,7	0,7	380	49,4	1,5	223	28,9	2,3	770	1,3
пеших	182	55,3	0,7	116	45,5	0,5	31	9,2	0,3	329	0,5
Лошадей:											
рабочих	162	16,0	0,6	535	52,8	2,1	316	31,2	3,2	1013	1,7
нерабочих	40	10,6	0,2	140	37,2	0,5	196	52,2	2,0	376	0,6
Волов:											
рабочих	2	0,3	0,30	135	20,8	0,5	513	78,9	5,2	650	1,1
нерабочих	5	1,8	0,02	102	37,4	0,4	166	60,8	1,7	273	0,4
Коров	126	16,8	0,5	315	42,0	1,2	309	41,2	3,1	750	1,2
Подтелков	141	18,5	0,6	303	39,8	1,2	317	41,7	3,2	761	1,3
Овец	258	9,0	1,0	1178	41,2	4,6	1420	49,8	14,3	2856	4,7
Свиней	459	23,1	1,8	854	43,0	3,3	671	33,9	6,8	1984	3,3
Хлеба (коп.):											
озимого	3406	20,1	13,4	7750	45,7	30,4	5802	34,2	58,6	16958	27,9

ярового	6617	15,7	26,1	17693	42,0	69,4	17856	42,3	180,5	42166	69,4
Четвертей: озимого	1701,2	20,0	6,7	3876,0	45,5	15,2	2900,8	34,5	29,3	8512	14,0
ярового	3302,0	15,7	13,0	8848,5	42,0	34,7	8929,8	42,3	90,2	21080,3	34,7
Всего четвертей	5003,8	16,9	19,7	12724, 5	43,0	49,9	11830,5	40,1	119,5	29558,8	48,7

* РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4884; ГАКО. Ф. 184. Оп. 3. Д. 19.

Приложение 2

Хозяйство крестьян слободы Ракитной князей Юсуповых в 1832 г. (по группам)*

	Бедные			Средние			Зажиточные			Всего	
	Всего	% к итогу	В среднем на двор	Всего	% к итогу	В среднем на двор	Всего	% к итогу	На двор	Итого	В среднем на двор
Дворов	400	46,4		364	42,2		98	11,4		862	
Населения мужчин	1013	35,3	2,5	1350	47,0	3,7	508	17,7	5,2	2871	3,3
Работников мужчин	509	34,5	1,3	718	48,6	2,0	250	16,9	2,6	1477	1,7
Тягол:											
конных	196	23,9	0,5	452	55,1	1,2	172	21,0	1,8	820	1,0
пеших	200	48,7	0,5	163	39,7	0,4	48	11,6	0,5	411	0,5
Лошадей:											
рабочих	254	19,1	0,6	788	59,3	2,2	286	21,6	2,9	1328	1,5
нерабочих	79	21,1	0,2	195	52,1	0,5	100	26,8	1,0	374	0,4
Волов:											
рабочих	4	0,8	0,01	128	24,2	0,40	397	75,0	4,0	529	0,60
нерабочих	7	14,6	0,02	9	18,8	0,02	32	66,6	0,3	48	0,06
Коров	128	20,5	0,3	304	48,6	0,8	193	30,9	2,0	625	0,7
Подтелков	117	26,2	0,3	209	46,9	0,6	120	26,9	1,2	446	0,5
Овец	509	19,0	1,3	1442	53,8	4,0	729	27,2	7,4	2680	3,1
Свиной	230	19,3	0,6	585	49,0	1,6	379	31,7	3,9	1194	1,4
Пчел (ульев)	144	9,1	0,4	491	31,2	1,3	939	59,7	9,6	1574	1,8
Мельниц	-	-	-	-	-	-	40	100,0	0,4	40	0,05

* РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5076.

Приложение 3

Хозяйство крестьян слободы Ракитной князей Юсуповых в 1837 г. (по группам)*

	Бедные			Средние			Зажиточные			Всего	
	Всего	% к итогу	В среднем на двор	Всего	% к итогу	В среднем на двор	Всего	% к итогу	На двор	Итого	В среднем на двор
Дворов	299	36,3		436	52,9		88	10,8		823	
Населения:											
мужчин	778	27,1	2,6	1645	57,3	3,8	444	15,6	5,0	2867	3,5
женщин	768	27,2	2,6	1605	56,9	3,7	445	15,9	5,0	2818	3,4
Работников:											
мужчин	376	26,1	1,3	835	58,1	1,9	227	15,8	2,6	1438	1,7
женщин	381	27,0	1,3	816	57,9	1,9	213	15,1	2,4	1410	1,7

Тягол:												
конных	283	23,2	0,90	741	60,7	1,7	197	16,1	2,20	1221	1,50	
пеших	17	70,8	0,06	3	12,5	0,007	4	16,7	0,05	24	0,03	
Лошадей:												
рабочих	188	12,8	0,6	1009	68,5	2,3	275	18,7	3,1	1472	1,8	
нерабочих	47	17,5	0,2		60,6	0,4	59	21,9	0,7	269	0,3	
Волов:												
рабочих	-	-	-	82	25,9	0,20	235	74,1	2,70	317	0,40	
нерабочих	-	-	-	4	50,0	0,01	4	50,0	0,05	8	0,01	
Коров	114	15,3	0,4	445	59,6	1,0	188	25,1	2,1	747	0,9	
Подтелков	85	14,9	0,3	332	58,2	0,8	153	26,9	1,7	570	0,7	
Овец	367	12,9	1,2	1830	64,1	4,2	655	23,0	7,4	2852	3,5	
Свиней	134	16,1	0,4	489	58,7	1,1	210	25,2	2,4	833	1,0	
Пчел (ульев)	34	3,7	0,1	345	37,6	0,8	538	58,7	6,1	917	1,1	
Мельниц	-	-	-	-	-	-	42	100,0	0,5	42	0,05	

* РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5209.

Источники и литература

1. Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. М., 1974.
2. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в. Т. I–II. СПб., 1888.
3. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. СПб., 1902, 1910.
4. Кашин В.Н. Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX веке // Звезда. 1926. № 1–2.
5. Насонов А.Н. Юсуповские вотчины в XIX в. // Доклады АН СССР. Серия В. № 1–2. М. – Л., 1926.
6. Насонов А.Н. Из истории крепостной вотчины XIX века в России // Известия АН СССР. Серия 6. Т. 20. № 7–8. Л., 1926.
7. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967.
8. Рянский Л.М. Расслоение помещичьего крестьянства Курской губернии по данным подворных описей первой половины XIX в. // Проблемы аграрной истории Центрально-Черноземного района России в XIX – начале XX века. Научные труды. Т. 188. Курск, 1978.
9. Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. Курск, 2009.
10. Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX века. 2-е изд., исп. и доп. Курск, 2017.
11. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4884.
12. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5076.
13. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5209.
14. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 5244.
15. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 184. Оп. 3. Д. 19.
16. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 18816.
17. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 887.
18. Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979.
19. Хок С.Л. Крепостной право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии / Пер. с англ. М., 1993.
20. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 3. Д. 4776.
21. Насонов А.Н. Хозяйство крупной вотчины накануне освобождения крестьян в России // Известия АН СССР. Отдел гуманитарных наук. № 4–7. Л., 1928.

А. И. Раздорский

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ ЗАПИСКИ КУРСКИХ ГУБЕРНАТОРОВ МИНИСТРУ ВУТРЕННИХ ДЕЛ ЗА 1860-е – 1880-е гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Губернаторы Российской империи были обязаны представлять в вышестоящие инстанции различные отчетные документы о состоянии дел во вверенных их управлению губерниях. Из них наибольшей известностью пользуются всеподданнейшие ежегодные отчеты, которые губернаторы с 1804 г. sporadически,

а с 1837 г. систематически представляли на высочайшее имя вплоть до 1916 г. (подробнее об этих документах см.: [3; 6, с. 142–205; 7, с. 195–301; 9, с. 12–40]).

В XIX – начале XX в. губернаторы являлись, с одной стороны, личными представителями императора на местах, а с другой – чиновниками Министерства внутренних дел (МВД), которому были также подотчетны (назначения губернаторов производились императором по представлению министра внутренних дел). Поэтому наряду со всеподданнейшими отчетами, копии которых в обязательном порядке поступали в МВД, губернаторы направляли министру внутренних дел и другие отчетные материалы. Так, они были обязаны представлять в МВД донесения о разного рода происшествиях и особо значимых событиях, случившихся в губерниях. Такого рода донесения высылались либо в виде отдельных конфиденциальных представлений на имя министра, либо в виде срочных ведомостей, составленных по определенным законом формуляру (такие ведомости два раза в месяц помимо МВД направлялись губернаторами также в Третье отделение Собственной е. и. в. канцелярии) [10, с. 89].

В срочных ведомостях, формировавшихся на основе донесений, поступавших губернаторам от городничих и уездных исправников, которые в свою очередь получали информацию от частных и становых приставов, отражались далеко не все заслуживающие внимания центральных властей события и происшествия. В ряде случаев сведения о них представлялись несвоевременно и с недостаточной полнотой. Негативная информация нередко утаивалась губернаторами, стремившихся выставить себя перед начальством в выгодном свете. В результате осведомленность высших столичных чиновников о подлинном положении дел в различных регионах огромной страны оставляла желать лучшего [10, с. 90].

После того, как в 1864 г. о некоторых случившихся на местах громких происшествиях в МВД узнали не от губернаторов, а из газет и писем частных лиц, министр внутренних дел П. А. Валуев секретным циркуляром от 10 октября того же года обязал губернаторов представлять на его имя краткие еженедельные записки [10, с. 92]. Устанавливались две формы такого рода документов. Форма 1 включала сведения о разного рода происшествиях, скандалах, сплетнях, слухах; недоразумениях в губернском дворянском собрании; сообщения о пожарах, стихийных бедствиях, уголовных преступлениях, несчастных случаях, неповиновении властям, с указанием мер, предпринятых для исправления положения. Форма 2 использовалась при отсутствии значимой для МВД информации и состояла из формулы «в течение минувшей недели ничего, заслуживающего особого внимания, не произошло» [4, с. 63].

Еженедельные записки носили секретный характер, их следовало адресовать непосредственно министру в конверте с надписью «в собственные руки». Губернаторы в записках должны были «изъясняться без всяких редакционных предосторожностей, с полной откровенностью». Сведения, о которых не следовало знать даже писарю губернаторской канцелярии, губернатор должен был вписывать в документ собственноручно [10, с. 92, 94]. В отсутствие губернатора записку подписывал вице-губернатор, а когда на месте не оказывалось и его – управляющий казенной палатой.

На практике далеко не все губернаторы аккуратно соблюдали установленный циркуляром от 10 октября 1864 г. порядок представления еженедельных записок. Постепенно цикличность их подачи стала все чаще и чаще нарушаться. Одни губернаторы присылали эти документы лишь от случая к случаю и со значительно большими чем неделя интервалами, другие считали возможным их вовсе не подавать, третьи ограничивались представлением отписок, уведомлявших министра

внутренних дел об отсутствии в губернии сколько-нибудь значимых событий и происшествий. Такая ситуация не должна удивлять, ведь губернаторы XIX в. буквально тонули в море всевозможных бумаг. Историк И. Блинов отмечал, что в 1840-е годы губернатор подписывал за год до 100 тыс. различных документов (или по 270 бумаг в день). Если предположить, что на ознакомление с каждым документом и его подписание губернатор тратил всего одну минуту, то за день только на эту работу ему приходилось тратить не меньше 4,5 часов [1, с. 161].

4 ноября 1883 г. в МВД в обстановке чрезвычайной секретности был подготовлен и разослан всем губернаторам новый циркуляр, требовавший от них неукоснительного соблюдения положений циркуляра от 10 октября 1864 г. [10, с. 98]. Согласно этому документу, губернаторы в еженедельных записках должны были сообщать министру внутренних дел «обо всех явлениях общественной жизни, о характере деятельности должностных лиц всех ведомств, об общественном их положении, взаимных отношениях, о заслуживающих внимания постановлениях общественных и сословных учреждений, о происходивших прениях, о готовившихся заявлениях, суждениях, о взглядах общественных деятелей и вообще лиц, имеющих влияние в той или другой сфере или местности на современное положение дел, на те или другие мероприятия правительства, состоявшиеся или предполагаемые, о существующих партиях, их отношениях между собой и к правительственной власти, о сколько-нибудь замечательных происшествиях и тому подобное» (цит. по: [10, с. 99]). Однако и циркуляр 1883 г. был проигнорирован большинством губернаторов. К концу 1880-х Гг. рассматриваемые документы фактически изжили себя, их бесполезность, по мнению М. М. Шумилова, посвятившего еженедельным запискам губернаторов специальную статью, стала для всех очевидной [10, с. 98].

* * *

Еженедельные губернаторские записки хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде 1282 (Канцелярия МВД). Надо полагать, что копии этих документов, учитывая их особую секретность, на местах не оставались, и поэтому в региональных архивах они, по-видимому, отсутствуют.

В указанном фонде РГИА находятся два дела (оп. 3, ед. хр. 132, 200), в которых имеются еженедельные записки курских губернаторов. В первом деле (№ 132), насчитывающем 292 листа, содержится 263 записки с 21 октября 1864 г. по 12 августа 1878 г., во втором деле (№ 200), состоящим из 214 листов, — 183 записки с 13 ноября 1883 г. по 28 октября 1889 г. Всего в двух делах, таким образом, имеется 446 записок. Количество этих документов по годам указано в приведенной ниже таблице:

Год	Количество записок	Год	Количество записок
1864	6	1875	3
1865	16	1876	3
1866	44	1877	2
1867	31	1878	2
1868	34	1883	7
1869	43	1884	28
1870	25	1885	38
1871	18	1886	21
1872	16	1887	31
1873	12	1888	29
1874	8	1889	29

Определить насколько полон состав еженедельных записок курских губернаторов, имеющих в РГИА, мы не беремся. Также затрудняемся объяснить отсутствие этих документов за 1879–1882 гг. Возможно, они были в отдельном деле, которое не сохранилось.

Помимо губернаторских записок в указанных делах в небольшом количестве имеются черновые делопроизводственные бумаги МВД, касающиеся некоторых изложенных в записках вопросов.

Имеющиеся в РГИА еженедельные записки поданы в период пребывания в должности пяти курских губернаторов. К ним относятся:

– П. А. Извольский (губернатор с 11.9.1863 по 28.1.1866) – 22 записки с 21.10.1864 по 18.12.1865 (в том числе подписано лично – 12; вице-губернатором К. П. Бутковым – 10);

– А. Н. Жедринский (28.1.1866–16.4.1881) – 241 записка с 9.2.1866 по 12.8.1878 (в том числе подписано лично – 202; вице-губернаторами А. А. Ливеном – 11, С. И. Грацинским – 22, Л. А. Тришатным – 3, А. Д. Краснопольским – 1; управляющим казенной палатой – 2);

– И. А. Звегинцов (27.4.1881–14.2.1885) – 36 записок с 13.11.1883 по 12.1.1885 (в том числе подписано лично – 26; вице-губернатором А. Ф. Анисьиным – 10);

– П. П. Косаговский (14.2.1885–25.2.1889) – 118 записок с 2.3.1885 по 17.12.1888 (в том числе подписано лично – 77; вице-губернаторами А. Ф. Анисьиным – 5, П. М. Лазаревым – 32; управляющим казенной палатой – 4);

– В. В. фон Валь (25.2.1889–4.5.1892) – 29 записок с 25.3.1889 по 28.10.1889 (в том числе подписано лично – 17; вице-губернатором П. М. Лазаревым – 11; управляющим казенной палатой – 1) (сведения о датах нахождения указанных лиц на губернаторстве в Курске приведены по: [2, с. 150–156]).

Еженедельные записки обычно невелики по объему. Как правило, их текст расположен либо на одной стороне листа формата *in folio*, либо заходит на его оборот. Записки, состоящие из двух и более листов, встречаются сравнительно редко. В правом верхнем углу листов стоит гриф: «Секретно». Ниже указан адресат («Господину министру внутренних дел»), адресант («Курского губернатора»), тип документа, его дата и номер (например, «Еженедельная записка 25 июня 1888 г. № 376»). В верхнем левом углу листов имеются пометы, содержащие дату получения записки в МВД и ее входящий номер. До постройки железной дороги от Москвы до Курска записки доставлялись в Петербург примерно через неделю после отправки, после открытия железнодорожного сообщения срок доставки сократился до 3–4 дней.

Каждая записка собственноручно подписана губернатором или замещавшим его лицом. В ряде записок после основного текста, написанного писарем губернаторской канцелярии, имеются собственноручные приписки, сделанные губернатором. Обычно это те самые сведения, которые писарю знать не следовало. Так, например, в записке А. Н. Жедринского от 9 апреля 1866 г. после написанного писарем сообщения о выявленных в губернии случаях холеры (довольно «стандартного» для такого рода документов) имеется собственноручная приписка губернатора: «Известие о покушении на жизнь государя императора произвело сильное волнение. Желательно бы было опубликовать подробности во избежание ложных слухов и толкований» [11, л. 43] (речь идет о неудавшемся покушении Д. В. Каракозова на жизнь Александра II, совершенном 4 апреля 1866 г.).

Какие либо пометы внешнего характера, относящиеся к тексту записок, встречаются в них довольно редко. Например, в записке Жедринского от 29 августа 1870 г., в которой сообщается о сбежавшем прямо из зала заседаний Курского

окружного суда курском мещанине Полилове, имеется помета «Разве не было конвоя при нем?», принадлежащая, по-видимому, министру внутренних дел А. Е. Тимашеву [11, л. 209].

Треть сохранившихся записок курских губернаторов содержит лишь стандартную формулировку «В течении прошедшей недели ничего особенного, заслуживающего внимания, не произошло». При этом, например, А. Н. Жедринский во многих случаях стремился на уже подготовленную к отправке записку с таким текстом все же внести какую-либо приписку, чтобы документ не выглядел формальной отпиской. Другие же губернаторы смотрели на такие вещи проще. Так, из 17 записок, подписанных В. В. фон Валем, фактическая информация присутствует лишь в одной.

Сведения, приведенные в еженедельных губернаторских записках, отличаются значительной пестротой. При этом какие-либо из ряда вон выходящие события и происшествия в них фиксировались сравнительно редко. Губернаторы сообщали в основном о случившихся в губернии пожарах (в том числе произошедших в результате поджогов), эпидемических заболеваниях (холера, оспа), эпизоотиях (сибирская язва, чума), стихийных бедствиях (град, бури, наводнения), о ходе рекрутского набора, а позднее воинского призыва, об итогах дворянских выборов, о деятельности земских органов, о резонансных убийствах и самоубийствах, громких кражах и грабежах, об авариях на железной дороге и промышленных предприятиях.

В записках отмечены такие события как проезды через Курск императора и членов императорской семьи (например, «государь император благополучно изволил проехать Курск сегодня 22-го числа [июля 1867 г.] в половине одиннадцатого часа вечера» [11, л. 98]), крестные ходы с чудотворной иконой Знамения Курской Коренной (губернатор П. П. Косаговский сообщал, что в день выноса иконы 24 мая 1885 г. насчитывалось свыше 50 тыс. иногородних богомольцев, преимущественно женщин [12, л. 61–61 об.]), открытие железнодорожного сообщения между Орлом и Курском 7 сентября 1868 г. [11, л. 135].

К числу наиболее интересных, на наш взгляд, частных случаев, зафиксированных в записках курских губернаторов, отнесем следующие.

В записке губернатора П. А. Извольского от 22 декабря 1864 г. сказано, что 21 декабря по оплошности командира Курской арестантской роты бежали шесть польских мятежников (участников незадолго до этого подавленного восстания в Западном крае). Четверо из них в тот же день были пойманы (двое других, как сказано в записке от 29 декабря, были пойманы позднее). При возвращении беглецов в роту содержащиеся там «инсургенты» оказали непокорность, что вынудило 12 из них по приказу губернатора подвергнуть «исправительному телесному наказанию». Извольский потребовал от местного губернского батальона выделить роту военной команды, которая при исполнении наказания находилась во дворе здания арестантской роты. После этого 54 польских арестанта были переведены в курский тюремный замок, а на их место помещено столько же русских арестантов, которые «по случаю тесноты в роте» ранее были переведены в тюремный замок. Командир арестантской роты, при котором случился побег, был смещен с должности [11, л. 8–9]. В находящейся в том же деле «Записке для памяти» от 4 января 1865 г. указано, что в курской арестантской роте числилось в это время до 500 польских уроженцев.

О побегах арестантов (как русских, так и поляков) говорится и в ряде других записок. Чаще всего эти попытки оканчивались для беглецов неудачно – их ловили и водворяли обратно на место заключения. А. Н. Жедринский дважды (в 1867 и

1869 г.) информировал министра внутренних дел об обнаружении подкопов в курском тюремном замке. В 1873 г. два арестанта, находившиеся в обоянском тюремном замке, через подкоп смогли не только выбраться наружу, но и похитили из уездного казначейства, располагавшегося в одном здании с тюремным замком (!), 10 тыс. руб. Вскоре их поймали, причем основную сумму денег они растратить не успели [11, л. 271, 272].

В документах за 1866 и 1869 гг. отмечено четыре случая кражи из сельских церквей (в одном случае – в с. Верхосемье Тимского уезда – с убийством). Из храмов похищали церковные деньги и церковные вещи. В 1867 г. из кассы Спасского волостного правления Курского уезда был украден сундук с деньгами, который отыскиали во дворе государственного крестьянина Жердева.

Неоднократно в записках упоминаются лица, занимавшиеся сбытом фальшивых денег. Так, вице-губернатор С. И. Грацинский сообщал 26 октября 1868 г. о занятом на постройке Курско-Киевской ж. д. французском подданном Августе Жуэ, который сбывал фальшивые ассигнации [11, л. 141–141 об.]. А. Н. Жедринский 25 октября 1869 г. докладывал об обнаружении фальшивых кредитных билетов в Грайвороне, которые распространяли приезжие евреи [11, л. 186–186 об.].

В записке от 14 сентября 1868 г. Жедринский известил министра внутренних дел о появлении в губернии скупщиков медных пятикопеечных монет чекана 1862 г., предлагавших за монету от 20 до 30 коп. Это было связано с распространившимся слухом о якобы наличии в этих монетах примеси золота. Губернатор сообщил, что при проведении провизором аптеки в сл. Борисовке «испытаний» монеты «через раствор в сернистой кислоте» действительно был обнаружен тонкий слой окиси золота. Однако ручаться за достоверность этого исследования Жедринский отказался, указав, что по другим данным выкуп монет 1862 г. является мошенничеством [11, л. 136]. При специальном отношении губернатора один из пятикопеечников чекана 1862 г. был препровожден министру внутренних дел [11, л. 139].

В 1872 г. был зафиксирован случай, чем-то напоминающий по сюжету чеховский рассказ «Злоумышленник». По сообщению и. д. вице-губернатора Л. А. Тришатного, 21 июля товарный поезд, отправленный со станции Будановка на Москву, наехал на шпалы, умышленно положенные на железнодорожное полотно. Поезд удалось вовремя остановить, крушения не произошло. Выяснилось, что шпалы были положены на рельсы и в других местах. По подозрению в совершении этого преступления был задержан государственный крестьянин Щигровского уезда Яков Горяинов (о мотивах, толкнувших его на этот шаг, а также о дальнейшем ходе следствия сведений в записках нет) [11, л. 256].

Особым образом в рассматриваемых документах отмечались разного рода антиправительственные действия и революционная пропаганда.

17 февраля 1868 г. А. Н. Жедринский известил министра внутренних дел о том, что до него дошли слухи о политической неблагонадежности управляющего именем графа Толстого в с. Деревеньки Львовского уезда поляка Пакульского, в доме которого постоянно собирались уроженцы Западного края. По данному делу было проведено секретное расследование по линии жандармского управления (о его результатах в деле сведений нет) [11, л. 116].

28 сентября 1868 г. губернатор доложил о том, что бывший дворовый человек Яков Глушков в с. Красниково Белгородского уезда произнес в присутствии местного волостного начальства «неприличные выражения против особы государя

императора». О случившемся было донесено прокурору Харьковской судебной палаты [11, л. 138–138 об.].

10 июня 1878 г. Жедринский сообщил в Петербург, что на улицах Курска замечены и сняты полицией несколько листовок «преступного содержания» от имени «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии». 12 августа того же года вице-губернатор А. Д. Краснопольский доложил о получении по почте некоторыми жителями Курска еще одной листовки этой партии, на которой имелась печать «с изображением топора, кинжала и револьвера» [11, л. 291, 292]. В данных случаях речь идет о листовках террористической фракции народнической организации «Земля и воля». Известно, что подобные прокламации они распространяли и в других городах Российской империи, в частности, в Киеве.

Вице-губернатор П. М. Лазарев 21 марта 1887 г. отчитался об обысках среди учащихся Корочанской Александровской гимназии. Повод к ним дало обнаружение у одного из воспитанников брошюры «Материалы для биографии С. Г. Нечаева» (лидера «Общества народной расправы» и автора «Катехизиса революционера»). В ходе обысков, впрочем, ничего особо предосудительного найдено не было. Лазарев отметил только, что у одного учащегося были обнаружены две фотографические карточки Н. Г. Чернышевского, а также некая «памятная книжка с изображением неизвестных знаков для шифрованных рукописей и заметок, относящихся до социальных вопросов». Дело об этом происшествии было передано начальнику Курского губернского жандармского управления [12, л. 120–121].

В некоторых записках говорится о крестьянских волнениях в губернии. Об «открытом сопротивлении полицейскому начальству» временно-обязанных крестьян с. Большие Угоны Львовского уезда писал в записке от 18 марта 1867 г. А. Н. Жедринский. После подавления беспорядков зачинщики числом до 20 чел. были подвергнуты телесным наказаниям [11, л. 86, 87]. 8 апреля того же года губернатор сообщал, что государственные крестьяне с. Каменка Обоянского уезда не допустили землемера к размежеванию их земли, оказав «буйство и неповиновение властям» [11, л. 88]. И. А. Звегинцов в записке от 12 мая 1884 г. указывал, что «случаи столкновения из-за земли крестьян с помещиками и крестьян между собою повторяются нынею весною чаще, чем прежде». Губернатор отмечал, что причины конфликтов разнятся. В случае с помещичьими землями «крестьяне основывают свои мнимые права на прежних документах» (оспоренных в судах завещаниях владельцев, ничем не доказанных дарственных, уставных грамотах, замененных впоследствии выкупными договорами на меньший надел). Такие столкновения, писал Звегинцов, пока не имеют серьезных последствий, крестьяне идут на попятную после вмешательства местных полицейских властей, «но за будущее ответить трудно». Между собой же крестьяне враждовали преимущественно из-за переделов земли на наличные души [12, л. 26–26 об.]. 17 июля 1887 г. крестьяне с. Брусовое Фатежского уезда, по словам П. М. Лазарева, оказали сопротивление местным властям и полиции, не допустив рабочих, нанятых владелицей имения Никитиной, до уборки хлеба с принадлежащей ей земли. В село были введены две роты Козловского полка, после чего беспорядки улеглись [12, л. 130–131 об.].

О беспрецедентном случае, произошедшем осенью 1888 г., говорится в записке П. П. Косаговского от 8 октября того года. После того, как в с. Линец Фатежского уезда было доставлено тело умершего прусского подданного Похвадта, являвшегося управителем имения местного помещика Струкова, здесь вспыхнули беспорядки. Гроб, который везли в Курск для погребения, с разрешения священника

был поставлен в ограде сельской церкви. Это вызвало взрыв негодования жителей Линца. Церковный и сельский старосты привели с собой несколько крестьян (Лазарев пишет, что они были пьяны) и стали требовать убрать гроб за пределы церковной ограды. Ударили в набат, к церкви «собралось с шумом и ругательствами все население села Линца, угрожая разбить гроб и выкинуть тело, называя Похвадта “собачьим мясом”». При этом звучали возгласы, что все власти «подкуплены господами», которых нужно «всех передушить и перевешать». Увещения станowego пристава не действовали, крестьяне угрожали избить его. Волнения прекратились только после того, как пристав распорядился вывезти гроб из церковной ограды и поставить на усадьбе помещика Струкова [12, л. 179–180].

В ряде записок губернаторы поднимали вопросы борьбы с коррупционными проявлениями. А. Н. Жедринский 29 апреля 1867 г. сообщил, что направил министру юстиции конфиденциальное письмо о взяточничестве и «пристрастном решении дел» в местных судебных палатах, в особенности гражданской [11, л. 89–89 об.]. Он же в записке от 7 ноября 1870 г. докладывал, что курский полицмейстер фон Франк обложил сбором в свою пользу биржевых извозчиков и булочников [11, л. 214]. В записке от 1 декабря 1884 г. И. А. Звегинцов, констатировав успешное проведение призыва на военную службу по 14 уездам губернии из 15, особо остановился на ситуации, сложившейся в Рыльском уезде. По его словам, Рыльское уездное по воинской повинности присутствие необоснованно давало освобождения и острочки от службы разным лицам. При этом, как особо отметил губернатор, большинство забракованных составляли люди зажиточные. Особое возмущение у Звегинцова вызвало освобождение от воинской повинности двух сыновей рыльского городского головы. Старший сын, признанный негодным не только к воинской службе, но и к труду, оказался, как пишет Звегинцов, «совершенно здоровым, весьма видным и красивым молодым человеком». Данное дело должно было стать предметом особого доклада по губернскому присутствию, а затем представлено на рассмотрение в Сенат [12, л. 41–43 об.].

П. П. Косаговский вскоре после вступления в должность посетил в Курске дом призрения нищих и нашел его в полном беспорядке. Так, по словам губернатора, одна из больных содержалась временами на цепи и подвергалась истязаниям, о чем Косаговский сообщил прокурору Курского окружного суда. В записке от 31 мая 1885 г. губернатор указывает, что дознание выявило в отношении дома призрения массу других преступлений и поэтому в отношении его заведующего – председателя городской исполнительной комиссии по призрению бедных Евдокимова должно быть открыто судебное дело [11, л. 62–62 об.].

Важное место в записках занимает информация о деятельности земских органов местного самоуправления и об их взаимоотношениях с губернской администрацией. Губернаторы сообщали министру внутренних дел об открытии земских собраний, о выборах гласных, о назначении должностных лиц земских управ. В нескольких записках А. Н. Жедринский ведет речь о курском городском голове П. А. Устимовиче, личность и деятельность которого вызывали у губернатора неприкрытое раздражение. Результаты первых выборов городского головы, состоявшиеся 2 декабря 1870 г., по требованию Жедринского были аннулированы, поскольку Устимович на тот момент являлся товарищем председателем Одесского окружного суда, а избрание членов судебных присутствий на земские должности запрещалось законом. После отставки с указанной должности Устимович был снова избран на пост городского головы [11, л. 218–220].

Конфликты между ним и губернатором начались с самого начала. Жедринский писал, что в действиях городского головы «заметно проявляется стремление к присвоению не принадлежащей власти и противодействию администрации» [11, л. 225–225 об.]. Устимовичу ставилось в вину то, что он «не оставляя пропаганды своей против полиции, перенес ее ныне в заседания городской думы» [11, л. 244]. В мае 1872 г. губернатор направил министру внутренних дел А. Е. Тимашеву две докладные записки, направленные против городского головы (обе они имеются в деле № 132). Устимовичу вновь инкриминировалось стремление противопоставить земские и государственные органы местной власти: «Такое крайнее направление в действиях Устимовича, видимым образом клонящееся к присвоению себе особенного авторитета и вместе с тем к подрыву законного авторитета и власти администрации, может повести за собою весьма грустные последствия, ибо пользуясь неразвитостью простого народа, он, Устимович, употребляет все средства, чтобы поставить его в явно враждебные отношения к административной власти вообще и полиции в особенности». Особое недовольство губернатора вызвала принятая Курской городской думой по инициативе Устимовича резолюция об участии земства в назначении полицмейстера и других чинов городской полиции, поскольку их служба субсидировалась за счет средств города [11, л. 245–247 об., 248–250].

В записке вице-губернатора П. М. Лазарева от 7 октября 1889 г. описываются беспорядки на заседании Щигровского уездного земского собрания, которые по словам автора документа, были вызваны «неуважительным выражением гласных братьев Евгения и Ростислава Марковых» (оба, особенно старший, были весьма известными людьми в губернии и за ее пределами) по отношению к губернскому предводителю дворянства, состоявшим гласным собрания [12, л. 211–211 об.].

Заслуживает также внимания история, освещенная в двух записках П. П. Косаговского от 13 и 20 декабря 1886 г. Губернатор сообщал о выходе в свет книги «Курская губерния. Итоги статистического исследования», подготовленной губернским земским статистическим бюро. Издание было рассмотрено губернским земским собранием, которое после «горячих прений» усмотрело в нем «не только бесполезность, вследствие неверности представленных цифр, но даже и некоторую злостность, истекающую, по мнению гласных, из стремления унижить дворян-помещиков, которые выставлены ленивыми, неспособными и несправедливо пользующимися преимуществами в количестве обладаемой земли». Появление этого труда, по выражению одного из гласных, «составляет статистический скандал». Собрание постановило книгу, напечатанную без просмотра лицами, уполномоченными земством, «признать трудом недобросовестно выполненным», а сам сборник «не пускать в обращение» [12, л. 113–115 об.].

Вызывает интерес сообщение С. И. Грацинского от 26 октября 1868 г. Вице-губернатор писал, что по донесению путивльского уездного исправника государственный крестьянин д. Святое Озеро Путивльского уезда Герасим Савельев объявил односельчанам об обретении им в лесу, именуемом «Затлище», явленной будто бы иконы Успения Божьей Матери. Икона священником г. Путивля Александром Кирилловым была взята в церковь (в документе не сказано, в какую именно) и перед ней «совершается молебное пение». Об этом факте было сообщено курскому епископу [11, л. 141–141 об.].

О примечательной старинной традиции, обернувшейся трагедией, говорится в записке А. Н. Жедринского от 3 мая 1869 г. Губернатор писал, что в слободе Голубина Новооскольского уезда издревле существовал обычай на Пасху делать во время богослужения несколько холостых выстрелов из пушки, находившейся при

церкви (сам по себе факт весьма любопытный). 20 апреля, вылетевший при выстреле из пушки забытый в ней пыж, ранил прохожего, который в тот же день от полученного ранения умер. На будущее губернатор запретил подобную стрельбу [11, л. 163–163 об.].

В некоторых записках губернаторы сообщали о разного рода слухах, связанных с отставкой или назначением тех или иных чиновников. Например, А. Н. Жедринский в записке от 11 сентября 1866 г. сделал приписку (то есть эти сведения носили совершенно конфиденциальный характер): «В городе носятся слухи о увольнении жандармского штаб-офицера Герасимова; слухи эти возбуждают всеобщее сожаление, так как г. Герасимов пользуется здесь общей любовью и уважением» [11, л. 66]. В другой записке, направленной 16 октября того же года, губернатор (также в приписке) пишет о пронесшемся слухе о назначении в Курск прокурором некоего Бахматского, бывшего здесь прежде секретарем судебной палаты, «репутацией он пользуется не совсем хорошей» [11, л. 71–71 об.].

Время от времени в губернаторские записки попадали истории о разного рода скандалах, случившихся в местном обществе. Вице-губернатор К. П. Бутков в записке от 26 октября 1865 г. жаловался, например, на поведение отставных поручиков братьев Анатолия и Аркадий Пожидаевых: «дерзость их в последнее время дошла до того, что ни один из жителей Курска не вправе считать себя огражденным от наглых их выходок». Братья затеяли ссору в буфете дворянского собрания с губернским инженером, закончившуюся дракой, учинили скандал на обеде общества курских врачей [11, л. 32–33]. А. Н. Жедринский в записке от 14 октября 1872 г. описывает ссору, произошедшую на заседании Белгородского уездного земского собрания, в результате которой гласный Стремоухов вызвал на дуэль двух других гласных – Борщева и Говоруху-Отрока, «но дуэль эта за принятыми мерами по всей видимости не состоится» [11, л. 257]. П. П. Косаговский в записке от 23 апреля 1888 г. счел необходимым уведомить министра внутренних дел о том, что смотритель Староокольского духовного училища Оболенский проиграл двум знакомым дамам в карты 2500 руб., а затем в общественном клубе устроил «грубое объяснение на этот счет» [12, л. 154–154 об.].

Таким образом, в еженедельных записках курских губернаторов 1860-х – 1880-х гг. получили отражение самые разные стороны жизни Курского края пореформенной эпохи. Эти документы включают, в частности, сведения по истории земства, крестьянского движения, здравоохранения, пожарного дела, тюремной системы, содержат информацию для характеристики быта и нравов различных социальных слоев населения указанного периода.

По характеру приведенных данных, объему и структуре, а также периодичности представления еженедельные записки губернаторов 1860-х – 1880-х гг. можно в какой-то степени уподобить губернаторским донесениям, подававшимся на высочайшее имя в 1760-е – 1790-е гг. (см. о них: [8]).

Источники и литература

1. Блинов И. А. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905.
2. Губернии Российской империи: История и руководители, 1708–1917. М., 2003.
3. Дятлова Н. П. Отчеты губернаторов как исторический источник // Проблемы архивоведения и источниковедения: Материалы научной конференции архивистов Ленинграда. 4–6 февраля 1964 г. Л., 1964. С. 227–246.
4. Карнишина Н. Г. Институт губернаторства в Российской империи во второй половине XIX века // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6-2 (37). С. 63–64.
5. Курская губерния: Итоги статистического исследования / Курское губернское земское статистическое бюро. Курск, 1887.

6. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979. С. 142–205.
7. Минаков А. С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного Центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел, 2011.
8. Раздорский А. И. Всеподданнейшие донесения правителя Курской губернии А. Н. Зубова за 1783–1790 гг. как исторический источник // События и люди в документах курских архивов: Сборник статей. Вып. 20. Курск, 2021. С. 152–158.
9. Раздорский А. И. Печатные всеподданнейшие отчеты наместников, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников Российской империи, 1845–1916: Сводный каталог. СПб., 2020.
10. Шумилов М. М. Ежедневные записки как форма делопроизводственных взаимоотношений губернаторов с Министерством внутренних дел // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 21. Л., 1990. С. 88–99.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 132.
12. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 132.

И. А. Долженков, Н. Н. Черкасова

РОЛЬ ЗЕМСТВА В РАЗВИТИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ВЗГЛЯД ИЗ СОВРЕМЕННОСТИ

Проблема распространения грамотности среди населения всегда стояла остро в нашей стране. Вслед за появлением первых университетов в XVIII веке неизбежно должен был встать вопрос о развитии сети начального и среднего образования. Великие реформы Александра II дали мощный импульс к повышению образовательного уровня низших слоев населения, в первую очередь крестьянства.

На провинциальном уровне этот нелегкий труд взяло на себя земское самоуправление, созданное реформой 1864 г. Бюджеты земств были невелики, однако вклад их в дело просвещения народа весьма заметен. Рассмотрим основные аспекты просветительской деятельности Курского губернского земства в пореформенный период.

Важным показателем успешной работы земств был рост количества школ в губернии – 40 начальных школ в 1865 г. против 1 593 в 1915 г. Соответственно росли и расходы на образование в процентном соотношении. Если в 70-е годы XIX в. земский бюджет тратил на образование 13,93 %, то в 1886–1890 гг. – уже 16,61 % [1, с. 67–68].

На средства Курского земства смогли получить образование многие одаренные дети. Так, в 1868 г. на содержание 1 стипендиата в пансионе при Курской гимназии Курского губернского земского собрания было потрачено 215 руб., а на 1 воспитанника губернского земства в Харьковском университете – 180 руб. [2, с. 181–183].

Земствами финансировались многие учебные заведения. Так, в 1901 г. на содержание земских школ было выделено: а) для начальных – 2 965 руб., б) для профессиональных – 8 475 руб. (Кучеровской сельскохозяйственной школе. – *И. Д. и Н. Ч.*) [3, с. 541].

Сверх того, оказывалась финансовая помощь и учебным заведениям, содержащимся за счет частных и общественных средств. Так, в 1901 г. частной женской гимназии, открытой Красовской в Курске, было отпущено 2 тыс. руб., а также на пособие частному учебному заведению Фон Рутцена – 3,7 тыс. руб.

Деятельность по поддержке системы образования развивали и уездные земства. Так, постановлением Курского уездного земского собрания от 29 сентября 1869 г. на содержание 9 сельским училищам было выделено 1 500 рублей. Корочанское уездное земское собрание в марте 1881 г. приняло решение о ремонте за свой счет помещения для местной городской прогимназии [4, с. 12].

Однако в силу ограниченности земского бюджета даже этих расходов было недостаточно. Тяжелое положение начального народного образования, ярко характеризуют постоянные просьбы уездных земских собраний, о выделении субсидий на строительство сельских школ. Проиллюстрируем на примере переписки губернского земского собрания с уездными собраниями в 1911 г.

1) Белгородское уездное земское собрание просило выделить Мизикинскому сельскому обществу 2 000 руб. ссуды и 1 500 руб. пособия; Шляховскому – 2 000 руб. ссуды и 2 000 руб. пособия; Шишинскому – 1 000 руб. ссуды и 1 500 руб. пособия; Краснянскому – 2 000 руб. ссуды и 2 000 руб. пособия и т. д. Всего на уезд было запрошено 9 000 руб. на ссуды и 10 000 руб. на пособия.

2) Корочанское уездное земское собрание (просило о выдаче 1-му и 2-му Вознесенским сельским обществам 2 000 руб. ссуды и 2 000 руб. пособия; Больше-Яблоневскому обществу – 500 руб. на ссуду и 2 000 руб. на пособия; Лесковскому и Ивановскому обществам – по 2 000 руб. на ссуду и 2 000 руб. на пособия и т. д.

3) Путивльское уездное земское собрание – на финансирование строительства школы Глушецкому сельскому обществу 1 000 руб. ссуды и 1 500 руб. пособия.

4) Тимское уездное земское собрание – о выделении 3-м Пахонским сельским обществам 1 000 руб. ссуды и 2 000 руб. пособия на постройку школы; Больше-Сетинскому обществу – 750 руб. ссуды и 1 500 руб. пособия; Субботинскому сельскому обществу – 2 000 руб. ссуды и 2 000 руб. пособия; Шумаковскому сельскому обществу – 2 000 руб. ссуды и 2 000 руб. пособия, Каменногорскому сельскому обществу – 1 500 руб. пособия; Овсянниковскому и 2-му Никольскому обществам – 700 руб. ссуды и 1 500 руб. пособия. Всего на уезд запрашивалось разрешение на выделение на 6 450 руб. ссуды и 10 500 руб. на пособия.

5) Щигровское уездное земское собрание просило о выделении средств на постройку школ Сныткинскому сельскому обществу – 2 000 руб., Есеньковскому – 2 000 руб., Нижнее-Дайменскому – 2 000 руб., Ново-Слободскому обществу – 2 000 руб., Шалимовскому сельскому обществу – 2 000 руб.

К сожалению, из-за ограниченности финансовых средств, губернское земское собрание не всегда могло удовлетворить данные просьбы уездных собраний. Так, в 1910 г. оно отклонило просьбу Суджанского уездного собрания о выделении 500 руб. на содержание Миропольской женской прогимназии.

Выделялись суммы и на выписку учебников и учебных пособий (в 1880 г. на эти цели было потрачено 236 руб. 47 коп.) [5, л. 2–10]. В 1881 г. Курское губернское земское собрание приняло решение о единовременном выделении 7 500 руб. уездным училищным советам (по 500 руб. каждому) на открытие учительских библиотек [4, с. 57].

Пристальное внимание уделялось повышению квалификации педагогических кадров. В 1869 г. Курская губернская управа предложила открыть летние учительские курсы. В 1869/70 учебном году Новооскольское уездное земство начало проводить подготовку учителей с приглашения на совещание училищного совета педагогов существовавших тогда в уезде училищ. На совещании были рассмотрены и оценены учебные пособия для начальных школ, а также методы преподавания. Подобное мероприятие в дальнейшем успешно повторилось. В 1871 г. губернское земское собрание превратило эти встречи в учительские съезды и разработало Положение об устройстве аналогичных мероприятий в каждом уезде. До 1875 г. они проходили в форме совещательных мероприятий для учителей и в виде своеобразных практикумов для новичков в учительском искусстве.

Разрабатывался проект устава о пенсиях учителям народных земских училищ. На эти цели было выделено в 1880 г. 7 250 рублей. В 1891 г., бывшим учителям

народных училищ Суджанского уезда Бурдыкину и Матохину было выделено единовременное пособие в размере 50 руб., а вдове бывшего учителя Тимского уезда Степанова выплачено 75 руб. Важной мерой к стимулированию работы педагогов в сельской местности были и прибавки к жалованью. Так, в 1901 г. учителя сельских школ получили надбавку к зарплате в общем размере 31 926 руб.

Земская образовательная комиссия сравнительно часто результативно решала вопросы социальных нужд учителей. В частности, в уездах, где учительское жалованье достигало 300 руб., губернское земство делало прибавку к зарплате по 25 руб. ежегодно в случае, если учитель прослужил земству Курской губернии 5 и более лет. Земство проявляло внимание и к детям учителей земских школ, которые не платили за обучение.

Таким образом, документы курских архивов ярко иллюстрируют разноплановую деятельность органов земского самоуправления Курской губернии в сфере образования. Основными направлениями просветительской работы земств было оказание финансовой поддержки учебным заведениям и учительскому персоналу, выплата стипендий учащимся, забота о подготовке учительских кадров и т.п. Земства стремились к улучшению материальной обеспеченности учебных заведений, строительству новых школ. Тем самым они способствовали подъему культурного уровня народа.

Источники и литература

1. Амоскин А.С. Земство и народное образование Курской губернии // Педагогический поиск. 2005. № 1–2.
2. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1868 г. Курск, 1869.
3. Журналы заседаний Курского губернского земского собрания 1901 г. Курск, 1902.
4. Журналы заседаний Корочанского уездного земского собрания 1881 г. Курск, 1882.
5. Государственный архив Курской области. Ф. 39. Оп. 1. Д. 29.

В. П. Чаплыгин

ЭВОЛЮЦИЯ КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Актуальность темы исследования эволюции кустарной промышленности определяется ее ролью в становлении крупной промышленности. Здесь всегда была заметна деятельность предпринимателей. Они занимали значительное место в экономическом развитии страны, решении социальных и культурных проблем, обеспечении национально-государственной безопасности и устойчивого развития в условиях усиливающихся геополитических вызовов. Опыт деятельности предпринимателей по укреплению экономической мощи государства, накопленный в пореформенной России, в настоящее время весьма востребован. Кроме того, актуальность данного исследования определяется важностью реконструкции исторически правдивой картины жизни всех социальных слоев российского общества во второй половине XIX – начале XX вв. Целью работы является анализ трансформации кустарной промышленности после отмены крепостного права и до начала XX века. Работа написана на материалах Государственного архива Курской области.

В Курской губернии уровень развития кустарной промышленности являлся своего рода отражением структуры хозяйственного развития региона. Ее низкий уровень развития определялся тем, что она в основном занималась переработкой сельскохозяйственного сырья и природных богатств, что не создавало значительных

стимулов для появления крупной промышленности. Специфика региона того времени мало отличалась от специфики иных земледельческих губерний европейского центра Российской империи и являлась классическим примером аграрной провинции, в которой основной доход и занятость людей были связаны с ведением сельского хозяйства. Промышленность преимущественно была представлена мелким кустарным производством. На фабриках и заводах часто работало не более 10 рабочих. В основном предприятия специализировались на переработке сельхозпродукции.

Наша губерния, вместе с Рязанской, Тульской, Орловской и Тамбовской, продолжала оставаться оплотом барщины. Это неоспоримо свидетельствовало о наличии пережитков феодализма, тормозивших развитие более прогрессивных капиталистических отношений. В подтверждение данного вывода достаточно привести тот факт, что даже в 1881 г., то есть спустя двадцать лет после отмены крепостного права, 43,8 % губернские крестьяне считались временнообязанными: они выполняли не только государственные повинности, но и помещицы. Барщина в селах края составляла «до 39 мужских и 33 женских рабочих дней в году» [1, с. 6–15].

Реализация реформ 60-х – 70-х гг. XIX в. стимулировала развитие предпринимательской активности жителей Курской губернии. Ее население стало активно включаться в рыночные отношения путем развития кустарных промыслов. Во многом это было связано с таким фактором, как отмена крепостного права. Ведь ускоренными темпами предпринимательский слой стал формироваться только после Крестьянской реформы 1861 г., которая стала отправной точкой для интенсивного формирования частного или индивидуального предпринимательства.

Этому способствовали сами условия отмены крепостного права. Крестьянин должен был совершить выкупную операцию. Она была различной из-за ряда факторов, но довольно высокой и выплатить ее, работая только на своего бывшего помещика или занимаясь отходом, было сложной и трудновыполнимой задачей. Поэтому земледельцы вынуждены были брать ссуды в банке или кредиты у собственного помещика. Как правило, в счет погашения долга они работали на него. С появлением Государственного Крестьянского поземельного банка в 1882 г. у крестьян появилась возможность взять у него ссуду. Для этого надо было доказать свою платежеспособность. Поэтому Крестьянский банк становится самым популярным источником для получения кредита, тем более что к концу XIX в. проценты по кредитным операциям значительно снизились. При ведении предпринимательской деятельности выплатить выкупные платежи можно было сравнительно быстрее, чем заниматься земледельческим трудом, хотя сохранялась опасность банкротства. Естественно это объективно способствовало количественному росту кустарной промышленности.

Отмена крепостного права, как известно, изменила всю систему хозяйствования российских предпринимателей. Во-первых, бывшие крепостные крестьяне, получив права сельских обывателей могли заниматься предпринимательством, то есть возрастала конкуренция. Во-вторых, теперь на первое место выдвигался, по крайней мере, формально, добровольный принцип найма рабочих, как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Это и многое другое способствовало ускорению приобщения крестьян и жителей уездных городов к занятию кустарными промыслами.

Ко времени отмены крепостного права особенностью развития кустарной промышленности в крае являлась ее очевидная неравномерность. На основе проведенного исследования мы выделили три группы уездов, различающихся по

развитию кустарной промышленности. В качестве критерия их классификации мы избрали уровень развития кустарной промышленности в каждой группе, оснащенность ее техникой и использование наемного труда.

К первой группе мы отнесли такие уезды, как Щигровский, Тимский, Курский, Путивльский и отчасти Обоянский. Здесь производство было представлено главным образом кустарной промышленностью и ремеслом. Это свидетельствовало о его невысоком уровне развития. Ведь они, неразрывно связаны с патриархальным земледелием, представляла собой домашнюю выработку изделий из культур регионального прорастания. В Курской губернии это конопля, лес, торф и т. п. Большая часть произведенных изделий шла на внутреннее потребление. В качестве аргумента мы хотели бы привести наблюдения современников. В земской подворной переписи 1880 г., в частности отмечалось, что в таких хозяйствах, если «понадобится крестьянину веревка – он сам ее и приготовит из своей пеньки, не поедет за нею на базар в город или в соседнюю слободу; нужен ему кирпич для печки, сани, телега и это сделает сам, не прибегая к базару, к изделиям специалиста-кустаря». Почти в каждой крестьянской семье женщины ткали для домашнего потребления «рубашки, порты, сарафаны, рушники, скатерти...» [2, с. 84, 85]. Проведенный нами анализ развития кустарного производства в первой группе уездов показывает значительные изменения к началу XX в. Это особенно заметно на примере домашнего ткачества. Ведь оно было наиболее распространенным и стало традицией ведения семейного хозяйства в селах. Об изменении тенденции свидетельствуют статистические данные. Уже к новому столетию «совершенно оставили» домашнее ткачество только 35 % крестьянок Обоянского уезда [3, с. 289]. Обследование 1904 г. показало, что «почти все крестьянки, работающие на сахарных и винокуренных заводах, на возделывании и уборке свеклы и картофеля... одеваются в покупные бумажные ткани и разучиваются ткать, а таких в Обоянском уезде не более 30 % всего женского рабочего населения...» [3, с. 288].

Это наглядно свидетельствует о том, что ткачество на дому прекращают даже бедняцкие хозяйства, которые начинают тоже входить в сферу рыночных отношений. А в конце XIX в. данная тенденция была характерна в основном для зажиточных слоев курской деревни. Уже с 80-х гг. XIX в. зажиточное крестьянство активно начинает пользоваться ткацкими изделиями фабричного производства [3, с. 252].

Аналогичная ситуация происходит и с ремесленным производством, которое, как и домашнее производство, тоже стоит вне рынка. Ведь ремесленник работает на заказ, а в селах изучаемого региона ремесло по-прежнему глубоко входило в сферу натурального хозяйства из-за недостаточного развития товарно-денежных отношений. Как показывают архивные материалы, изученные нами в пореформенный период в первой группе уездов Курской губернии местные ремесленники уже перестают удовлетворять растущий спрос населения в изделиях, изготовленных узкими специалистами. В источниках отмечается, что уже в 1880-х гг. они не в состоянии удовлетворить все нужды и потребности даже своей деревни, своей волости. Например, в селе Никольском и деревне Прилепы Фатежского уезда на 300 дворов не было ни одной кузницы. Для того чтобы подковать лошадь или наварить сошник, нужно было ехать в уездный город Малоархангельск Орловской губернии [3, с. 21]. Он располагался в 15 верстах от указанных населенных пунктов.

Дефицит самих ремесленников и их изделий определил другую тенденцию в первой группе уездов. Здесь большинство кузнецов, портных, шерстобитов, овчинников, бондарей были «отхожими» ремесленниками из соседних регионов, в основном из Калужской, Орловской, Рязанской и Смоленской губерний, позже

переселившимися в Курскую [4]. Подобная ситуация способствовала распространению нового опыта, появлению новых ремесел, которые осваивали куряне и соответственно перенимали секреты мастерства. Они часто сами начинали заниматься новым видом промысла, то есть открывали собственное дело, что расширяло предпринимательскую инициативу и способствовало росту кустарной промышленности в целом по губернии. Эта тенденция прослеживается и в начале XX в. Источники указывают, что «родоначальниками здешних овчинников были калужские овчинники, передавшие тайны своего промысла местным жителям, а местами и поселившиеся тут по деревням на постоянное место жительства с припиской к тому либо другому крестьянскому обществу» [2, с. 18–21].

Кроме количественных изменений происходили и качественные. В первую очередь следует отметить усиление процесса перехода от ремесленного к мелкотоварному производству. Это процесс постепенно усиливался из-за развития товарно-денежных отношений в губернии, и деревня просто не могла стоять от него в стороне. Лучше всего эту тенденцию отражают результаты обследования Щигровского уезда. Здесь в 1904 г. еще многие кустари работали в основном на заказ, то есть они формально являлись ремесленниками. В материалах по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии от 1904 г. исследователи отмечают процесс зарождения кустарничества. В этом архивном документе прямо говорится о том, что «ремесленник, раньше работавший исключительно на заказчиков, в виду или хорошего спроса на изделия..., или наплыва заказов к одному времени, или в силу случайных причин (случайная покупка материала по дешевой цене и т. п.) начинает готовить изделия для продажи. Такие попытки по большей части бывают довольно робкими» [3, с. 141].

В данной группе уездов ремесленники и те, кто сочетал ремесло с производством изделий на продажу, нередко занимались ведением земледельческого хозяйства, которое для них, как правило, было главным занятием, оно же давало основные средства к существованию.

Промышленное производство, будучи всего лишь «подспорьем» в земледелии, позволяло им в условиях роста малоземелья, налогов восполнять дефицит финансовых средств. Они представляли собой ту категорию крестьян среднего достатка, хозяйства которых имели в основном натуральный, отчасти мелкотоварный характер. В исследуемое время происходит расслоение крестьянских хозяйств. Часть из них переходит в зажиточные слои деревни, другие окончательно разоряются. Однако этот процесс не породил более развитых форм общественно-экономической организации крестьянской промышленности на территории первой группы уездов, но зато тысячи крестьян, главным образом плотников, кирпичников, каменщиков и т. д., были вовлечены в орбиту рынка, например, в систему найма за пределами своего края в качестве отхожих неземледельческих рабочих. Часть из них поселилась в местах отхода навсегда, став постоянными наемными рабочими, другие разбогатели и открыли собственное дело. Таким образом, процесс развития кустарной промышленности первой группы уездов Курской губернии выражался в упадке домашнего производства, определенном росте численности ремесленников из местных крестьян, медленном переходе от ремесла к мелкому товарному производству.

Во вторую группу, по нашей классификации, входили Старооскольский, Корочанский, Рыльский и Львовский уезды. Для них было характерно более развитое мелкое товарное производство и высокая степень специализации, часто она носила более узкий характер. Изготовление отдельных видов товарной продукции соответствующими специалистами способствовало повышению

производительности труда. Продукция становилась качественнее и, как правило, дешевле по сравнению, например, с изделиями тех производителей (отчасти ремесленников, отчасти мелких товаропроизводителей), которыми была в основном представлена крестьянская промышленность первой группы уездов.

Здесь была более развита крестьянская промышленность, в которой шел процесс перехода от ремесла к мелкому товарному производству. Иллюстрацией этого вывода может служить то, что в селах Старооскольского уезда, например, широкое распространение получила деревообработка: производство телег, саней, дуг, прялок, бондарных изделий и т. п. Уже в первое пореформенное двадцатилетие в ней в основном произошел переход от ремесленного к мелкотоварному производству. В 1886 г. изготовлением деревянных изделий на продажу занималось 500 крестьянских дворов. В 1904 г. численность товаропроизводителей составила уже 900 дворов, или 1 600 человек, а сумма произведенной ими продукции – 330 тыс. руб. [3, с. 19–23, 33–35]

Среди этой группы в исследуемый период в среде мелких товарных производителей ускоренными темпами шел процесс специализации. Это можно наглядно показать на примере деревообработки. Так, в едином тележном производстве, все операции – от «гнутья ободьев» для колес до изготовления тележного ящика и сборки – выполнялись одним мастером, для чего каждый из них имел полный комплект оборудования и инструментов («парницы и колоды для гнутья ободьев» и т. д.). В результате процесс производства значительно затягивался. К началу XX в. он раздробилось на ряд самостоятельных производств. Часть крестьян изготавливала колеса, закупаая для этого на стороне почти готовый обод. Остальные специализировались на изготовлении других частей телеги, а также производили сборку. В главных центрах тележного производства появились мастерские, специализировавшиеся исключительно на выделке обода. В селе Глушково Рыльского уезда из крестьян, занимавшихся ранее «изготовлением оконных рам, сундуков, столов, шкафов, диванов и т. п. мебели», к 1907 г. выделилась группа специалистов по изготовлению сундуков. Вскоре «глушковский сундук» стал пользоваться особым спросом в Рыльском и соседних уездах.

В конце XIX – начале XX вв. в кустарной промышленности второй группы уездов шел неуклонный процесс социальной дифференциации мелких товаропроизводителей. В первое десятилетие XX в. многие из них попали в зависимость от торгового капитала. Так произошло, например, с гончарами Львовского уезда, которые, по выражению исследователей этого промысла в 1904 г. оказались, «в полной зависимости от скупщиков». Не имея средств на приобретение материалов, необходимых для производства посуды, почти 100 гончаров сел Кожля и Н. Дроняева пользовались кредитом, причем достаточно дорогим. Он составлял до 200 % у нескольких «скупщиков» [3, с. 16]. Кроме того, за предоставленный кредит они же были вынуждены сбывать и готовую продукцию. При этом скупщики сотню горшков у гончара покупали за 3 руб., а продавали на рынке уже за 5–6 руб. Для этого они обычно нанимали торговцев (развозчиков) и организовали сбыт гончарных изделий в Львовском, Рыльском, Обоянском, Фатежском и Курском уездах. Приведенный пример представляет собой типичную картину кустарного промысла в крае, который находился на стадии мелкого товарного производства, причем в значительной мере подчиненного торговому капиталу скупщиков, эксплуатировавших производителей.

В ряде случаев разложение мелких товаропроизводителей приводило к складыванию централизованной капиталистической простой кооперации, то есть к образованию крупных мастерских с наемными рабочими. Так, в сундучном

производстве с. Глушково Рыльского уезда в 1904 г. более половины товарной продукции было изготовлено в сравнительно крупных заведениях, в каждом из которых трудилось 4–5 наемных работников. Их владельцы являлись также представителями торгово-ростовщического капитала. Почти вся продукция мелких сундучников скупались ими (вдвое ниже ее стоимости) для перепродажи на Дону, Северном Кавказе, в Екатеринославской и в других губерниях [3, с. 214–216].

Проведенное нами исследование позволяет сделать вывод о том, что в конце XIX – начала XX вв. крестьянская промышленность не достигла еще в рассматриваемом районе стадии капиталистической мануфактуры – капиталистической кооперации, основанной на разделении труда. Основная масса крестьян, занятых в промышленном производстве (как в простом товарном, так и в капиталистическом), не порвала еще связи с ведением земледельческого хозяйства. Таким образом, в исследуемое время в кустарной промышленности второй группы уездов в основном произошел переход от ремесленного к мелкому товарному производству. Оно в конце XIX – начале XX веков было в значительной степени подчинено торгово-ростовщическому капиталу, а в ряде случаев переросло в капиталистическую промышленность, находящуюся на стадии простой кооперации.

К третьей группе мы отнесли Новооскольский, Грайворонский, Суджанский, Белгородский и Дмитриевский уезды. Ее отличительной чертой было то, что здесь к изучаемому периоду уже господствовало мелкотоварное производство. В этом регионе кустарное промышленное производство получило наибольшее развитие. Оно даже переросло в крупную капиталистическую домашнюю промышленность на стадии простой кооперации.

Особенностью этой группы было еще и то, что только здесь было развито иконописание. В других уездах Курской губернии мы этого не наблюдаем. Причем данный кустарный промысел был в основном сосредоточен в сл. Борисовка Грайворонского уезда и в некоторых селах Белгородского уезда. Такое точечное расположение, на наш взгляд, связано с тем, что еще в 1710 г. недалеко от вышеуказанного села началось возведение Богородице-Тихвинского женского монастыря. Он возводился в память Полтавской битвы генерал-фельдмаршалом Б. П. Шереметевым. Граф прислал из Петербурга в сл. Борисовку живописца А. Игнатьева, а позднее других мастеров для иконописных работ в строящихся монастырских церквях и обучения этому ремеслу местных жителей. Новое дело не только прижилось, но и окрепло настолько, что уже в первой четверти XVIII в. эта школа иконописания получила широкую известность в России, а борисовские иконы имели хороший сбыт далеко за пределами родных мест [5, с. 15]. В архивах мы нашли упоминание о том, что в этом селе в свое время учился живописи будущий известный художник В. Л. Боровиковский [5, с. 15]. В 1889 г. иконописанием в селе занимались до 500 кустарей. Работали иконописцы в основном по заказу монастырей Курской и Харьковской губерний. Здесь иконы «обряжались» монахами и сбывались верующим. Значительная часть борисовских икон попадала в руки скупщиков. Ежегодно в сл. Борисовке изготовлялось до 300 тыс. икон на общую сумму до 100 тыс. руб. Среднегодовой заработок мастера составлял до 120 руб. [5, с. 19]. Эти и другие данные позволяют нам классифицировать этот промысел как мелкий кустарный, с редким использованием наемных работников, но при широком привлечении учеников, которыми в основном были дети местных крестьян.

Из указанной нами группы выделялись Новооскольский, Грайворонский, Суджанский, Белгородский уезды. Они располагались к югу и юго-востоку от Курска, и сливались по существу в единый район. В нем исстари особенно широкое

распространение получила кожевенно-сапожная промышленность. Ее главным центром стала слобода Велико-Михайловка Новоокольского уезда. В 1850-е – 1860-е гг. в этом районе ежегодно производилось сапог на сумму в 1,5 млн руб., а к середине 1880-х гг. ежегодное производство достигло 1 млн пар сапог на сумму 2,2 млн руб. В конце века этим промыслом было занято 4 тыс. крестьян. В основном это были мужчины рабочего возраста [3, с. 52, 57, 98]. Уже в эти годы значительная часть наименее состоятельных производителей работала сдельно на «крупных подрядчиков», которые «не имея у себя на дому кожевенных и сапожных заведений, привозили сюда сырые кожи, закупая их целыми партиями в далекой Украине, в Екатеринославской, Херсонской губернии, в Земле Войска Донского и т. д. и затем, по приезде домой, отдавали их производителям в работу». Эти же «подрядчики» осуществляли массовую скупку готовых сапожных изделий у самостоятельных мелких производителей [3, с. 60].

Проведенное нами исследование кожевенно-сапожной промышленности данного района позволяет сделать вывод о том, что она основывалась на первой, в целом еще не устоявшейся, ступени разложения промыслового крестьянства, а также на технике мелких производителей. Для большинства из них было характерно отсутствие даже простейшей специализации. Кожевенное и сапожное производство сливалось у них в единое целое. Поэтому вполне закономерно, что данная форма общественно-экономической и технической организации кожевенно-сапожного промысла Курской губернии не устояла при первых же признаках конкуренции со стороны более развитых в промышленном отношении районов. Здесь в начале XX в. усиливается тенденция со стороны торгового капитала по подчинению себе кустарной промышленности.

Приведенный нами материал показывает, что переход от ремесла к мелкому товарному производству шел повсеместно в губернии. Эту тенденцию наглядно демонстрирует и данные статистики. Например, в конце XIX века различными кустарными промыслами занимались 14 922 чел. при среднем заработке 46 руб. в год. В то время как ремесленников было 8 098 чел., то есть почти в два раза меньше. Для объективности следует отметить, что их среднегодовой доход составлял около 73 руб. [5, с. 3]. Однако этот показатель не включал в себя подсчет по г. Курску. Тогда бы среднегодовой доход был бы еще выше. Данные цифры свидетельствуют о том, что, во-первых, в крае сокращается число ремесленников. Во-вторых, растет количество кустарей, которые больше ориентируются на запросы рынка. В-третьих, себестоимость изделий кустарной промышленности ниже соответствующей продукции, произведенной в ремесленных мастерских, которая в основном ориентировалась на заказ.

Несмотря на эти и другие проблемы кустарное производство постепенно развивалось. Об этом свидетельствуют статистические данные, найденные нами в архивах. Например, в 1896 г. в губернии было 18 607 кустарей. Их суммарный заработок за год составлял 1 093 386 руб. [7, с. 13]. К 1902 году их численность увеличивается более чем на 2 тыс. и достигает 20 692 чел. Общий заработок составил 1 млн 300 тыс. руб. [7, с. 30]. К 1913 году их численность падает до 16 356 чел. А общий доход составил 1 млн 752 тыс. руб. [8, с. 46]. Причинами такого роста кустарей в условиях постоянно расширяющегося количественного и качественного ассортимента товаров мы видим в том, что: а) происходит развитие товарно-денежных отношений, что оказывает влияние на развитие кустарничества на селе; б) кустарные промыслы дают дополнительный заработок крестьянину; в) в годы неурожая становятся весомым дополнением семейного бюджета и помогают

легче перенести кризис; г) в условиях переизбытка рабочей силы в аграрном секторе позволяют найти постоянный источник дохода.

Таким образом, мы видим, что при переходе не только к более высокой форме общественно-экономической, но, как правило, и к технической организации труда, происходит дальнейшая специализация мелких производителей. На основе этой специализации рождается единичное разделение труда (в начале в семейной форме), а проникновение его в капиталистическую кооперацию делает ее мануфактурой.

Подведем основные итоги. Процесс уничтожения остатков феодально-крепостнической эпохи, который шел в курской деревне в конце XIX – начале XX вв., переживало и крестьянское промышленное производство. В первую очередь это было связано с упадком домашней промышленности, которую В. И. Ленин, наряду с отработками, относил в пореформенной России к обломкам средневекового хозяйственного режима. [8, с. 368]. Упадок домашней промышленности происходил на всей территории Курской губернии. Особую значимость этот процесс приобрел в первой группе уездов, где домашняя промышленность занимала наиболее крепкие позиции. Одним из проявлений названного процесса следует, видимо, считать изживание сельского ремесленного производства: переход от него к мелкому товарному производству, превращение ремесленников в отхожих наемных рабочих и т. п.

На основе развитого мелкого товарного производства и, как правило, через подчинение производителей представителями торгового капитала в кустарной промышленности Курской губернии укреплялись капиталистические отношения, развитие которых вело к образованию простой капиталистической кооперации, а в ряде крупных промышленных селений некоторых уездов они достигли стадии капиталистической мануфактуры.

Источники и литература

1. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. XX. Курская губерния. СПб., 1899.
2. Сборник статистических сведений по Курской губернии. Курск, 1900.
3. Материалы по исследованию кустарной промышленности в Курской губернии. Вып. I. Курск, 1901.
4. Курцев А.Н. Земледельческое переселение крестьян Курской губернии во второй половине XIX века // Проблемы аграрной истории Центрально-Черноземного района России в XIX – начале XX века. Научные труды. Т.188. Курск, 1978. С.62–86.
5. Обзор Курской губернии за 1902 год. Курск, 1903.
6. Обзор Курской губернии за 1896 год. Курск, 1897.
7. Обзор Курской губернии за 1904 год. Курск, 1905.
8. Обзор Курской губернии за 1914 год. Курск, 1915.
9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. Изд. 5. М., 1971.
10. Обзор Курской губернии за 1890 год. Курск, 1891.

И. О. Рожковская

КИНОПОКАЗЫ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1897–1917 гг.

Культурно-досуговая деятельность Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. была по-своему интересна и многогранна. И кинематограф как вид досуга в те времена, да и сегодня, занимал и занимает лидирующее положение.

Первый киносеанс состоялся в Курске 14 мая 1897 г. и вызвал небывалый интерес зрителей. Эту дату можно считать началом курского кинопроката. Показу фильмов предшествовала реклама в газетах и на афишных тумбах. В номере

«Курских губернских ведомостей» от 14 мая (26 по новому стилю) 1897 г. было размещено необычное по своему содержанию объявление: «Приехал! И даст только три представления знаменитый и единственный в мире аппарат движущейся живой во весь рост фотографии Синематограф Люмиэра. Везде громадный успех» [1, с. 45–47].

Куряне еще не предполагали, что новое зрелище захватит их целиком и навсегда. Первые сеансы проходили в городском театре Курска на Херсонской улице (ныне – Центр духовной культуры и кинематографии им. М. С. Щепкина Госфильмофонда России на ул. Дзержинского). Программа отличалась разнообразием. Она состояла из трех отделений и 50 картин важнейших торжеств и событий: полное церемониальное торжество Священного коронования Его Императорского Величества Императора Николая II в Москве в 1896 г., торжественный въезд Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны (в царской карете), коронационные шествия в Кремле, иностранные посланники, видовые ленты о крупных европейских городах и обеих столицах России. Каждая картина длилась от двух до 10 минут. Яркое впечатление произвело бушующее море, когда «волны, казалось, выплеснутся прямо на сидящих в зале», некоторые зрители не выдерживали, срывались с мест, убегая от бушующего экрана. Шумное ликование и неопикуемый восторг вызвало у курян обратное прокручивание пленки, когда киноперсонаж вдруг начинал «идти пятками назад» [2, с. 21].

Кино пришлось курянам по душе, изумило всех и казалось настоящим чудом. Событие было широко освещено в газетах: «Лица, посетившие театр, получили высокое эстетическое удовольствие. Перед ними проходила картина за картиной с такой поразительной точностью, что зрителям казалось, что перед ними живые лица».

18 мая того же года администратор кинематографа Г. Аксенов дал бесплатное дневное представление специально для детей из приютов и малообеспеченных родителей. Радость детей была безграничной. Молодая публика еще более живо и восторженно принимала демонстрацию картин.

Восторги газетных откликов и рецензий дословно совпадают во всех городах, несмотря на то, что фильмы имели только заглавные титры, а самые первые сеансы не сопровождалась даже музыкой. Лишь с развитием стационарных площадок и залов появилось и музыкальное сопровождение с пианистом или тапером.

Однако стационарный кинематограф обосновался в городе и губернии значительно позднее, так как из-за отсутствия российской кинопромышленности фильмы были в подавляющем большинстве заграничными и не всегда доступными. Сеансы в курских кинотеатрах начинались обычно в 16 часов и шли с интервалом 1,5 – 2 часа. Последний сеанс бывал достаточно поздно, в 22 часа. Билеты в кино были достаточно дорогими, а также, чем известнее была картина, тем выше цена [3, с. 31].

Регулярное русское фильмопроизводство началось только в 1907 г. С этого момента кинотеатры в России стали расти, словно грибы после дождя. Не избежал этого явления и Курск. С тех пор походы в кино стали одним из любимых видов проведения досуга.

Самыми первыми кинотеатрами в Курске стали «Иллюзион» на Московской улице в доме Грота (многие помнят его как кинотеатр «Комсомолец», который находился на ул. Ленина, 22), «Мираж» на Херсонской в доме Лавровой (ныне – угол Дзержинского и А. Невского) и биоскоп «Био» в доме Озерова (ул. Дзержинского, 17). По мере нарастания кинематографического бума

открывались новые кинотеатры, а некоторые из них, поменяв владельца, меняли и названия. Так, Иллюзион стал «Чарами», «Мираж» – просто «Кино». В слободе Ямской в доме Сапуновых в 1908 г. открылся синематограф Сапуновых. «Курские губернские ведомости», идя навстречу кинозрителю, начали публиковать рекламу о фильмах и новинках.

В 1913 г. в городе начал работать биоскоп «Гигант», который в газетных рекламах преподносился как грандиознейший электрокинотеатр, хотя представлял собой одноэтажное ангарообразное сооружение. Несмотря на поиски краеведов, историков, любителей старины фотографии исторического здания обнаружить до сих пор не удалось. Старожилы Курска художники-любители Н. Н. Каменев и А. Г. Каминский независимо друг от друга по памяти воссоздали «Гигант». Рисунки очень похожи, и поэтому можно считать обе акварели достоверным изображением самого большого кинотеатра Курска. Он был оборудован на самом современном уровне, имел просторное фойе, в котором перед сеансами играл духовой оркестр, зрительный зал, новейшие проекционные аппараты [4, с. 3].

Период с 1913 по 1917 годы считается расцветом кино в Курске и губернии. Его крутили не только в кинотеатрах, но и в городских садах. К вечеру Курск оживал. Гул оркестров в городских садах, граммофон в кинотеатрах приглашал жителей города в кино.

В Купеческом саду Н. Н. Чернышев содержал кинематограф, который работал лишь в летнее время. Интересовало кино и выдающегося изобретателя А. Г. Уфимцева. В своем доме на Семеновской он показывал некоторые игровые и документальные фильмы для друзей и знакомых.

Возможность смотреть фильмы появилась и в других городах Курской губернии. Открывались кинотеатры в Рыльске в 1911 г., в 1913 г. в Путивле, Судже, Старом Осколе, Щиграх. Электрический театр «Прогресс» в городе Обоянь встречается в адресах нескольких открыток, отправленных в период с 1910 по 1917 г. [5, с. 3].

В дореволюционные годы курский кинопрокат, как повсеместно в России, был заполнен зарубежными картинками. Но постепенно, с великим трудом русское игровое кино пробивало дорогу к зрителю. Появляются интересные русские фильмы с замечательными пионерами отечественного кино. Русский кинорежиссер В. Р. Гардин в селе Винниково снял две игровые ленты с участием Н. В. Плевицкой.

Несмотря на тяжелые годы Первой мировой войны кинотеатры процветали, зрительные залы были забиты развлекающейся публикой. В Ямской слободе был открыт электротheater «Комета».

В 1917 г. в Курске не хватало топлива, снизилась выработка электрической энергии, к ночи город погружался во тьму, и только фасады зданий кинематографов сияли яркими призывными огнями. Горожанин, теснимый невзгодами военного времени, с жадностью набрасывался на иностранные и отечественные киноленты, погружавшие его ненадолго в сказочный мир грез. Пустых мест в зрительном зале почти не бывало [6, с. 3].

С победой Великой Октябрьской социалистической революции и утверждением власти большевиков в Курске и губернии начинается новый этап жизни кинопоказа, в котором государство играло уже значительно более важную роль.

Источники и литература

1. Бугров Ю.А. Свет Курских рамп. Кн. 3. Курск, 2002.
2. Раков В. Первый синематограф в Курске // Открытый музей. Курск. 2016. № 1(7).

3. Бугров Ю.А. Великий Кинома идет по Курску // Толока. Курск. 2001. № 4.
4. Степанов В. От Иллюзиона до Сказки // Курская правда. 1992. 8 февр.
5. Озеров Ю. Обоянские кинотеатры // Обоянская газета. 2019. 16 окт.
6. Болотников Ф. Какие фильмы смотрели куряне в начале века // Молодая гвардия. 1995. 23 дек.

Р. В. Коровин, А. Н. Манжосов

**КУРСКИЙ ЭТАП БИОГРАФИИ ПЕРВОГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ МИНИСТРА
ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ СССР (К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, ПОЧЕТНОГО
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА Н. А. ГУНДОБИНА)**

*Юность! Над тобою знамена.
Не устанешь ты Отчизне служить.
Счастье – это город зеленый,
Кто построил, тот и будет жить.
М. Лиснянский*

Курская земля – родина многих выдающихся железнодорожников, которые внесли значительный вклад в становление и развитие отечественного транспорта. В их числе один из руководителей строительства железной дороги Санкт-Петербург – Москва (1843–1851 гг.), русский инженер и ученый в области мостостроения Д. И. Журавский (1821–1891) [1, с. 22–23]; заведующий кафедрой и декан механического факультета Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, доктор технических наук (1947), профессор П. А. Слитиков (1903–1972) [2, с. 49]; руководители управлений Министерства путей сообщения СССР, почетные железнодорожники – заместитель начальника Главного управления движения МПС – начальник управления регулировки и организации работы вагонных парков А. Н. Григоров (1916–2000) [3, л. 4–5; 4, л. 1–4]; заместитель заведующего транспортным отделом ЦК КПСС (1952–1962 гг.), начальник Главного управления учебных заведений МПС СССР С. А. Аристов (1904–2000) [5, л. 1–4]; начальник отдела ремонта паровозов Главного управления паровозного хозяйства МПС (1945–1955 гг.) П. И. Смушков (1905–1978) [6, л. 1–4] и другие командиры транспорта. Но самую большую роль в развитии и реконструкции железных дорог Советского Союза, массовом переводе транспорта на электрическую и тепловую тягу, внедрении систем автоматизированного управления движением поездов в 1950-е – 1970-е гг. сыграл первый заместитель Министра путей сообщения Н. А. Гундобин (1904–1980).

Отмечая деятельность Н. А. Гундобина, в развитии железнодорожного транспорта, министр путей сообщения СССР (1982–1991 гг.) Н. С. Конарев писал: «В числе “звезд первой величины” надо отметить ... Николая Алексеевича Гундобина (1904–1980 гг.). Он прошел путь от конторщика и запасного агента по движению станции Курск до первого заместителя Министра. В трудные военные годы он возглавлял коллективы Забайкальской (сентябрь 1938 – август 1942), Свердловской (август 1942 – январь 1943), Южно-Уральской (август 1943 – сентябрь 1944) дорог [7, с. 121]. Позднее, в 1944–1945 гг. он работал заместителем начальника, а в июне 1945 – сентябре 1948 гг. – начальником Московско-Донбасской магистрали. В должности первого заместителя Министра путей сообщения Н. А. Гундобин работал почти 27 лет (июнь 1951 – январь 1978), был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Мне довелось сменить Н. А. Гундобина в 1978 г. на посту первого заместителя министра. Я сохранил

память о его высоком профессионализме, незаурядных организаторских способностях» [8, с. 176].

К сожалению, о жизни и профессиональной деятельности, Н. А. Гундобина историками написано до обидного мало. Местными краеведами практически не изучался ранний период в жизни своего земляка Николая Алексеевича Гундобина.

Но благодаря подготовке Календаря знаменитых и памятных дат Курской области на 2024 год [9] заместителю директора по научно-исследовательской работе Государственного архива Курской области, кандидату исторических наук О. Н. Аргунову удалось обнаружить ранее не изученные документы и материалы о семье, родных и годах детства Николая Гундобина.

О. Н. Аргунов установил точную дату рождения Н. А. Гундобина. Это 1 декабря (14 декабря по н. ст.) 1904 г. [10, л. 53 об. – 54]. Ранее, в краеведческой литературе эта дата, указывалась ошибочно как 18 ноября.

Н. А. Гундобин родился в Курске, в семье ревизора материальной службы Управления Московско-Киево-Воронежской железной дороги (МКВж.д.) располагавшегося в Курске, Алексея Михайловича Гундобина (1856–1926).

По записям, приводимым в метрической книге Покровской церкви города Курска о крещении 4 декабря младенца Николая. Его отец происходил из мещан Могилевской губернии, а мать – Александра Дмитриевна (в девичестве Райская) из богатой купеческой семьи. В то время, когда родился сын Николай, семья имела сносный материальный достаток. А. М. Гундобину выплачивалось годовое содержание в размере 2 325 руб. (то есть более 190 руб. в месяц) [12, с. 5].

В семье воспитывалась пять детей – старшая сестра Софья (1899 г. р.), дочь от первой жены – М. П. Гундобиной; Валентина (1903 г. р.); Николай (1904 г. р.), Владимир (1908 г. р.) и самая младшая сестра – Тамара (1910 г. р.) [13, л. 234 об.; 14, л. 53 об. – 54; 15, л. 175 об.; 16, л. 76 об.]. Кстати говоря, старшие сестры Николая Алексеевича – Софья и Валентина – в период с 1918 по 1924 г. работали счетоводами в управлении МКВж.д.

На всех детей, кроме Валентины Алексеевны, в Государственном архиве Курской области, его сотрудники обнаружили метрические записи о рождении и крещении в Покровской церкви.

В одну из юбилейных дат младшей сестры Николая Алексеевича – Т. А. Сугак (Гундобиной) – курская газета «Городские известия» опубликовала ее воспоминания. Приведем отрывки из них: «... Мама была моложе отца на 25 лет. До знакомства с ней он пережил трагедию: у него умер трехлетний сын, а в 1902 г. от чахотки ушла из жизни его первая жена [Мария Петровна Гундобина]. Наша мать – Александра Дмитриевна происходила из купеческой семьи, у которой в Киеве был свой магазин.

...Семья жила в достатке. Был даже приходящий садовник. Мама занималась воспитанием пятерых детей. Родители воспитывали их в строгости. Особенно придирчиво за учебной следили отец и мать.

...В семье была замечательная традиция: каждое воскресенье в доме собирались гости. Одни декламировали, другой пел, а родители аккомпанировали. Отец хорошо играл на скрипке, а мама – на фортепиано... Сейчас в доме бережно хранятся вещи, напоминающие о том времени [воспоминания Т. Сугак – 2010 г. – *прим. авт.*]. Старинный обеденный стол с фигурными ножками, украшенными резьбой... Его подарили отцу друзья, когда он завершил строительство дома [1907 г. – *прим. авт.*]. Зеркало в роскошной деревянной раме с особо прочным стеклом... Его покупали на свадьбу Александры Дмитриевны, которая в

18 лет решила открыть свою мастерскую для пошива дамских шляпок, но вместо этого вскоре вышла замуж...» [17; 18, с. 403]

В документах Государственного архива Курской области сохранились и сведения о недвижимой собственности Гундобиных.

Так, в общем списке плательщиков государственного инвентарного налога по имуществу IV части гор. Курска за 1902 г. значится первая супруга Алексея Михайловича – М. П. Гундобина [19, л. 16 об. – 17]. В заявлении, направленном А. М. Гундобиным в присутствие, выражена просьба о разрешении ему на постройку домовладения [20, л. 73–74].

В материалах городского по квартирному вопросу присутствия за январь 1913 и январь 1915 гг. имеются заявления, написанные лично А. М. Гундобиным. Они свидетельствуют о том, что в 1901 г. семьей Гундобиных был приобретен за 105 руб. земельный участок у купца Н. Пуговишника, предназначавшийся под строительство дома по ул. 2-я Мещанская, 50 (ныне ул. Ломоносова, 52). Позднее, этот участок был заложен в Московском земельном банке за 1 500 руб. [21, л. 208–211; 22, л. 112–113].

Прежде чем перейти к характеристике юношеских лет Н. А. Гундобина и начала его трудовой деятельности, сообщим о судьбе его родителей и близких. Отец – А. М. Гундобин умер в 1926 г. и был захоронен на Всехсвятском (Херсонском) кладбище Курска. Александра Дмитриевна пережила мужа на 45 лет и скончалась от болезни 29 сентября 1971 г. в возрасте 90 лет. Была захоронена рядом с могилой мужа. Старшая сестра – Софья Алексеевна в 1932 г. переехала в Ленинград, пережила блокаду и была захоронена в городе на Неве.

Со слов родных Николая Алексеевича, Валентина Алексеевна долгие годы проживала в Москве.

Брат – Владимир Алексеевич, работник станции Курск Московско-Киево-Воронежской дороги, в послевоенные годы тяжело болел. 26 сентября 1952 г. он скончался в Курске и был захоронен рядом с могилой отца [23, с. 64]. Тамара Алексеевна Сугак (Гундобина), окончив трехгодичную медицинскую школу, до войны работала лаборантом на станции переливания крови. Участница Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.), старший лейтенант медицинской службы, была отмечена боевыми наградами. После демобилизации в сентябре 1946 г. возвратилась в Курск и до ухода на пенсию работала на станции переливания крови, заготавливая кровезамещающие жидкости. Т. А. Сугак в возрасте 104 лет умерла в Курске 9 мая 2014 г. [18, с. 405–406].

Свою трудовую деятельность Н. А. Гундобин начал в 1921 г. курьером губернского продовольственного комитета в Курске, когда ему еще не исполнилось 17 лет. В 1922 г. началась его трудовая биография рабочего-железнодорожника. До 1924 г. он работал конторщиком, списчиком вагонов на ст. Курск-II Московско-Киево-Воронежской железной дороги [24, л. 37–37 об.].

Документы Ямского райкома РКСМ г. Курска позволили установить, что в 1922 г. Н. А. Гундобин вступил в члены российского комсомола. На учете он состоял в ячейке тяги МКВ железной дороги, которая в 1923 г. объединилась с ячейкой школы ученичества [25, л. 42, 78 об.].

Его первым и главным комсомольским поручением стала работа пионерским вожатым в 9-м отряде пионеров [25, л. 91]. В июле 1923 г. произошло слияние детских отрядов с Ямской организацией РКСМ. Выступая на собрании, член райкома РКСМ А. В. Снимщиков отметил роль комсомола в важной задаче воспитания юных пионеров [25, л. 6].

В 1958 г., в дни подготовки к 40-летию Курской областной комсомольской организации, ветеран КПСС А. В. Снимщиков (1904–1980), вспоминал: «Начальниками дружин райком комсомола назначил лучших комсомольцев. В свою очередь, пионеры предложили на посты вожатых наиболее авторитетных ребят. Первыми вожатыми отрядов были – Сережа Аристов – ныне работник отдела транспорта ЦК КПСС, Коля Гундобин – первый заместитель Министра путей сообщения и др.» [26, с. 169]

В 1924 г. на одном из городских собраний комсомольского актива Николай Гундобин встретился с учащимся Курского землеустроительного техникума Леонидом Брежневым. Это учебное заведение находилось на улице Троцкого (ныне Дзержинского), неподалеку от дома Гундобиных. Молодые люди подружились и часто гуляли по улицам вечернего города, проводя время в спорах о делах комсомола.

Много лет позднее, вспоминая о Николае Алексеевиче, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в мемуарах «Целина» отметил его организаторский талант как руководителя транспортной системы Советского Союза. В январе 1955 г. «я связался с заместителем Министра путей сообщения СССР Н. А. Гундобиним и рассказал ему об остроте проблемы [заклучавшейся в трудностях с перевозками хлеба по железной дороге. – прим. авт.]. Он в ту пору находился на Целине, возглавляя главный диспетчерский пункт в Целинограде. Днем и ночью он следил за продвижением грузов, за оборотом вагонов с хлебом. <...> На все просьбы руководителя ЦК компартии Казахстана он откликался достаточно быстро, оперативно разрешая все трудности и проблемы», – писал Л. И. Брежнев [27, с. 140, 146–147].

В 1924 г. Н. А. Гундобин был переведен на работу помощником начальника станции Рышково МКВ железной дороги, с 1928 г. он трудится в должности помощника начальника Курска МКВ железной дороги, а с 1929 г. – заместителем начальника этой же станции.

19 мая 1930 г. узловая газета «Свободный путь» опубликовала приказ № 1 начальника станции Курск А. В. Гайдука о слиянии всех служб Курского железнодорожного узла в единую хозяйственную единицу, именуемую объединенной станцией Курск.

В связи с ликвидацией в 1929 г. Московско-Киевско-Воронежской железной дороги и передачей ее участков в распоряжение руководства Западной железной дороги все службы Западной дороги в пределах станции Курск (в том числе станции Курск-II, Курск-Город и пост Кривец) были переданы с имуществом и личным составом в ведение начальника станции Курск Московско-Курской железной дороги. Согласно пункту 8 вышеуказанного приказа, состоялось назначение Н. А. Гундобина дежурным по станции Курск Западного направления.

Как позднее вспоминал начальник бюро по рационализации и изобретательству Курского железнодорожного узла С. И. Супрун (1898–1973), к достоинствам территориального руководства деятельностью всех служб узла можно было отнести то, что руководители отдельных служб тяги, движения, пути и связи, находясь под единым руководством, имели больше контактов, лучше понимали друг друга, ликвидируя трудности в работе. Это создавало возможность для более слаженной работы.

В то же время все службы узла потеряли прямое квалифицированное отраслевое руководство со стороны дирекции дороги. В результате заметно снизилась дисциплина работников станции, которую длительное время пришлось

восстанавливать после упразднения не оправдавшей себя системы руководства узлом.

После ликвидации территориального централизованного управления производством всех служб железнодорожного узла через начальника станции, руководство отраслевыми службами было передано в ведение 2-го Орловского эксплуатационного района.

В 1930 г. Н. А. Гундобин был переведен на должность заместителя начальника станции Курск. На этой должности стали проявляться его организаторские способности как железнодорожника-движенца.

В государственном архиве общественно-политической истории Курской области сохранился интересный документ. Это протокол заседания бюро ячейки ВКП(б) № 4 службы движения ст. Курск от 11 марта 1931 г. На заседании бюро ячейки был заслушан отчет заместителя начальника станции Н. А. Гундобина о работе коллектива по выполнению партийных решений о перестройке работы железнодорожного транспорта.

Обсудив сообщение Н. А. Гундобина о выполнении указаний ноябрьского (1930 г.) Пленума ЦК ВКП(б) по активизации работы транспорта, бюро ячейки приняло постановление, в котором указывалось: «начальнику ст. Курск [И.А. Платонову. – прим. авт.] до 20 марта 1931 г. закончить перестройку руководящего состава и передовых работников на основе принятых ячейкой решений;

- создать маневровые «треугольники» из машиниста, составителя и сцепщика, требуя от них выполнения всех измерителей маневровой работы;

- поставить вопрос перед начальником дороги о принятии решительных мер к диспетчерам, дающим неверные сведения о местах нахождения составов и местах их назначения;

- за все случаи нарушения специализации и маршрутизации поездов принимать самые решительные меры, вплоть до предания [виновных] суду» [28, л. 26].

С 15 октября 1931 г. по 5 января 1932 г. Н. А. Гундобин проходил в Ленинграде курсы по подготовке старших инструкторов противовоздушной обороны на отделении ПВО транспорта, получил звание старшего инструктора ПВО.

Весной 1932 г. приказом директора Московско-Курской железной дороги А. С. Андрейчика Н. А. Гундобин был переведен в Орел на должность заместителя начальника Орловского узла [29, л. 13].

Но после отъезда из Курска на долгие годы Н. А. Гундобин бережно сохранил теплые отношения с теми, с кем в молодые годы был близко связан по работе в коллективе ст. Курск. В их числе были З. Ф. Анненков, в предвоенные годы занимавший должность начальника 6-го Курского отделения движения железной дороги им. Ф. Э. Дзержинского; П. А. Шубин – начальник станции Курск (1939–1958 гг.), Герой Социалистического Труда (ноябрь 1943 г.); И. П. Буднов – заместитель начальника Курского отделения движения по грузовой работе.

14 августа 1933 г. начальник станции Орел А.И. Зайцев в характеристике на Н. А. Гундобина указал: «Тов. Гундобин Николай Алексеевич работает на станции Орел в должности заместителя начальника станции с 1932 года. Проявил себя хорошим организатором, настойчив, требователен, дисциплинирован. Активно участвует в профсоюзной и массовой работе... Добился выполнения заданий измерителей и хороших показателей по всем видам работы... Имеет большое

стремление повысить свою квалификацию. Трижды премирован за ударную работу в [дорожных] конкурсах...»

16 августа 1933 г. председатель месткома службы движения ст. Орел П. В. Казанцев подтвердил выводы А. И. Зайцева о том, что Н. А. Гундобин «проявил себя активным участником профсоюзной работы в борьбе за выполнение и перевыполнение измерителей... Как ударник трижды премирован за получение первенства в проводимых на дороге конкурсах».

И еще несколько важных деталей биографии Н. А. Гундобина, связанных с родным городом. 11 ноября 1929 г. Курская городская партийная организация приняла его кандидатом в члены партии с двухлетним кандидатским стажем.

С Курском связан также и самый важный эпизод личной жизни Н. Гундобина. В 1932 г. Николай Алексеевич и Зоя Антоновна Карпенко, 1910 г. р., багажный кассир ст. Курск, стали мужем и женой почти на полвека связав свои судьбы.

Отметим, что родители Зои Антоновны А. С. и М. А. Карпенко также проживали в закурной части города Курска, где жила семья Гундобиных. В 1933 г. в Курске родилась у них дочь Маргарита, а в г. Чите, где работал Н. А. Гундобин дорожным ревизором НКПС по безопасности движения Забайкальской дороги, родился сын Вячеслав.

Их дети продолжали семейные традиции, выбрав профессию железнодорожника. М. Н. Лобачёва (Гундобина) работала в Главном управлении электрификации и энергетического хозяйства МПС СССР, В. Н. Гундобин – на предприятиях Московской железной дороги. Он рано ушел из жизни, возглавляя Московско-Ярославское отделение МЖД.

Завершая изложение биографии выдающегося руководителя транспортной системы Советского Союза, первого заместителя Министра путей сообщений (1951–1978) Н. А. Гундобина, приведем цитату из книги «Самые знаменитые железнодорожники России» (2004): «Эффективность системы распределения обязанностей между министром путей сообщения Б. П. Бещевым и другими руководителями МПС во многом обеспечивалась высочайшей оперативностью, неумной энергией и требовательностью первого заместителя министра Николая Алексеевича Гундобина. Именно он являлся основным организатором выполнения решений коллегии и указаний министра. Деловой “тандем” Бещев – Гундобин на протяжении их тридцатилетней совместной работы действовал последовательно и весьма результативно» [30, с. 298].

Огромный вклад Н. А. Гундобина был высоко оценен руководством страны. В августе 1959 г. он был удостоен звания Героя Социалистического Труда, награжден 4 орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Отечественной войны I ст. (1945 г.), пятью орденами Трудового Красного знамени, знаком «Почетному железнодорожнику» (25 марта 1943 г.) [31, л. 1–4].

Н. А. Гундобин ушел из жизни 3 июля 1980 г. и был похоронен рядом с могилой сына Вячеслава на Введенском кладбище Москвы.

В Курске бережно сохраняют память о своем выдающемся земляке. 2 августа 2000 г. на доме по ул. Ломоносова, 52, в котором с 1907 по 1932 г. жил Н. А. Гундобин была установлена мемориальная доска. Решением Курского городского собрания № 365-5-ос от 23 мая 2017 г. его имя было присвоено проезду в Железнодорожном округе города Курска [32, с. 118]. 2 августа 2017 г. на проезде был открыт памятник видному руководителю железнодорожного транспорта. В музее истории Курского железнодорожного узла большой раздел посвящен жизнедеятельности Н. А. Гундобина.

Источники и литература

1. Аргунов О.Н., Гончаров А.С, Манжосов А.Н. «Мосты, построенные под его руководством, оказались необычайно прочными...» // События и люди в документах курских архивов. Вып. XX / под ред. В. Л. Богданова. Курск, 2021. С. 22–38.
2. Большая Курская Энциклопедия (далее – БКЭ). Т. 1. Кн. 3. Курск, 2009.
3. Центральный архив Министерства путей сообщения РФ (далее – ЦА МПС РФ). Ф. 1. Оп. 18-ЛД. Д. 5220
4. Архив Управления Московской железной дороги. Ф. 1. Оп. 18-ЛД. Д. 101.
5. ЦА МПС РФ. Ф. 1. Оп. 18-ЛД. Т. 11. Д. 3951.
6. ЦА МПС РФ. Ф. 1. Оп. 18-ЛД. Д. 7026.
7. Уральский исток Транссиба: История Южно-уральской ж.д. / ред.-сост. А. Л. Казаков. Челябинск, 2004.
8. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3. 1945–1991. М., 2004.
9. Календарь знаменательных и памятных дат Курской области на 2024 год / под ред. Э.А. Кудрявцева. Курск, 2023.
10. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 217. Оп. 3. Д. 414.
11. БКЭ. Т. Кн. 1. Курск, 2007.
12. Справочная книга по личному составу служащих Московско-Киево-Воронежской железной дороги на 1917 год. М., 1916.
13. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 445.
14. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 447.
15. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 448.
16. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 449.
17. Городские известия. 2010. 3 апр.
18. Славные дочери Отчизны. Кн. вторая / под ред. проф. А. Ю. Друговской. Курск, 2010.
19. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 9799.
20. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 149.
21. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 259.
22. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 292.
23. Бугров Ю.А. Курский некрополь. Изд. 2-е. Курск, 2003.
24. ГАКО. Ф. Р-307. Оп. 3. Д. 148.
25. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1672. Оп. 1. Д. 2.
26. В боях и в труде. Из истории Курской областной комсомольской организации (Воспоминания, статьи, очерки, документы). Курск, 1959.
27. Брежнев Л.И. Целина. Пермь, 1979.
28. ГАОПИКО. Ф. П-1324. Оп. 1. Д. 7.
29. ЦА МПС РФ. Ф. 1. Оп. 27. Д. 9864.
30. Самые знаменитые железнодорожники / сост. Т. Л. Пашкова, В. А. Михайлов. М., 2004.
31. ЦА МПС РФ. Ф. 1. Оп. 18-ЛД. Д. 5236.
32. Административно-территориальное деление и улицы города Курска. Справочное издание. Изд. 2-е, испр. и доп. / ред. колл.: В. Л. Богданов (гл. ред.). Курск, 2018.

А. В. Тилинин

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализ научной литературы по различным проблемам исторического развития показывает, что многие аспекты, процессы и явления истории России в исторической ретроспективе изучались и рассматриваются в настоящее время неравномерно, а отдельные темы и вовсе остаются практически не изученными по различным причинам.

Проблема военного строительства и функционирования органов военного управления привлекает внимание исследователей на протяжении длительного периода времени. В то же время, со стороны ученых наблюдается недостаточное внимание к процессу становления местных органов военного управления и их

мероприятиям по созданию и управлению РККА на местах. Необходимо отметить, что и по настоящее время данная тематика так и не получила должного и всестороннего освещения. Внимательный подход к рассмотрению темы показывает сложность и важность научно-практической проблематики, связанный с дискуссиями о путях развития Вооруженных сил России. В контексте данного вопроса в первую очередь рассматривалось военное строительство с точки зрения центрального аппарата военного управления, а история строительства военно-административного аппарата на местах в годы Гражданской войны стала темой «второго плана», которая очень слабо освещалась в отечественной исторической науке.

К сожалению, курская региональная историография также не стала исключением и военное строительство в Курской губернии в годы Гражданской войны практически не рассматривалось. Тем не менее, несмотря на всю скудность публикаций, ряд вопросов, связанных с указанной проблематикой, получили некоторое освещение в научной литературе. В этой связи, историографию данного вопроса можно условно разделить на два периода: советский (1917–1991 гг.) и современный (с 1991 г. по настоящее время). Однако сразу необходимо оговориться об их значительной неравнозначности по числу публикаций и качеству проведенных исследований.

В советский период историографии краеведческие труды характеризуются тем, что вопросы военного строительства в Курской губернии получили достаточно «бедное» освещение, что отразилось в виде очень малого количества опубликованных исследований. За период первой половины XX в. отсутствуют какие-либо работы, в которых в той или иной степени затрагивались вопросы данной проблематики. В качестве единственного исключения можно упомянуть статью А. А. Комарова, в которой военное строительство как таковое не рассматривалось и получило лишь краткое упоминание в контексте проблемы становления советской власти [1].

Не изменилась ситуация в региональной историографии и после Великой Отечественной войны, несмотря на то что исследования по истории Красной армии и ее строительства получили новый размах в советской историографии в послевоенный период. Количество работ по-прежнему немногочисленно и освещение указанной темы идет очень кратко и в контексте рассмотрения иной проблемы. Например, к таковы можно отнести работы авторов Ю. А. Солнышко [2], М. Н. Матвеевко [3] и М. Н. Черникова [4], которые упоминают об организации вооруженных формирований Красной гвардии в губернии, проведение мобилизационных мероприятий для отражения иностранной военной интервенции и о вербовке добровольцев в Красную армию, однако непосредственного анализа упомянутых аспектов не проводилось. На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что конкретных специализированных исследований, монографических изданий или освещение данного вопроса в очерках местных партийных организаций в данный период опубликовано не было.

Современный период историографии положил начало более глубокому исследованию вопросов, связанных с военным строительством в Курской губернии в годы Гражданской войны, что получило отражение в увеличении количества исследований. Необходимо отметить, что благодаря «архивной революции» и отказа от устоявшихся стереотипов освещения истории строительства РККА, в данный этап, а именно начиная с 1990-х гг., историки получили возможность объективно и достоверно проанализировать становление и реформирование

военной организации советского государства в годы Гражданской войны в целом. Характеризуя данный этап сразу стоит выделить несколько его особенностей:

– в эти годы постепенно начинает рассекречиваться огромный пласт архивных документов, посвященных, в том числе, и проблемам строительства Красной армии, что значительно отразилось на круге исследуемых вопросов;

– в данный период историографии военное строительство стали гораздо активнее рассматриваться в региональных масштабах;

– не менее важным фактором современной историографии стал отказ от марксистско-ленинской методологии понимания истории, что также отразилось на более объективном подходе изучения проблемы военного строительства в РСФСР.

Говоря о развитии региональной историографии изучаемого вопроса на современном этапе, необходимо подчеркнуть, что в данный период начинают публиковаться работы, которые непосредственно рассматривали важные аспекты, непосредственно касающихся военного строительства. В этой связи, стоит выделить ряд авторов, которые внесли свой вклад в изучение данной темы. В частности, некоторые вопросы военно-мобилизационной работы были освещены Н. А. Постниковым, а именно проведение мобилизационных мероприятий, в том числе партийных мобилизаций, и формирование воинских подразделений на территории Курской губернии [5].

В своих работах В. В. Раков рассматривал процесс создания местного военно-административного аппарата на территории губернии, его внутреннюю структуру и основные положения по управлению Красной армией [6]. В трудах Н. В. Ракова были затронуты такие вопросы, как формирование воинских частей на территории губернии, а также впервые в региональной историографии был поднят вопрос об отношении военных властей к проблеме дезертирства с конкретными статистическими данными [7].

Значительный научный интерес для понимания процесса местного военного строительства имеет работа О. М. Цукановой и Г. Г. Карповой «Всеобщая и допризывная подготовка населения Курского края в 1918–1921 годах» [8]. На сегодняшний день исследования по вопросам деятельности военных комиссариатов по организации всеобщего военного обучения населения в губернии как таковые отсутствуют. В этой связи, данная статья представляет значительную ценность для дальнейшего изучения заданной темы. Более того, необходимо упомянуть диссертацию О. М. Цукановой, которая касается важного вопроса допризывной подготовки молодежи к несению военной службы в период Гражданской войны в России [9].

Интерес также представляет работа И. Е. Хлоповой, которая проанализировала опыт строительства армии на милиционных началах, а также их структуру и основные положения по организации. Автор подчеркивает, что опыт формирования милиционных частей имел место уже в первые месяцы советской власти, но так и не принес ожидаемого успеха [10].

Деятельность частей особого назначения (ЧОН) в Курской губернии затрагивала в своих работах А. В. Крыжан, акцентируя в ходе анализа внимание на проблемы, возникшие в процессе формирования ЧОН, а также их особенностям нормативно-правового регулирования [11, 12].

Отдельно стоит упомянуть большое монографическое исследование «Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг.», в которой военному строительству посвящены отдельные параграфы. Однако, в монографии значительное внимание уделяется мобилизационным мероприятиям и пополнением Красной армии, а

многие иные аспекты деятельности местных органов военного управления не были рассмотрены [13].

Резюмируя вышеизложенный материал, следует отметить, что история местного военного строительства привлекает все больший интерес среди исследователей и краеведов. Как советская, так и российская общегосударственная и региональная историография на протяжении уже долгого времени продолжает изучение истории строительства Красной армии. Вместе с тем региональный историографический обзор показывает, что исследование процесса становления местных органов военного управления в большей степени упоминалось как часть общегосударственной системы или рассматривалась в контексте иных региональных проблем.

Тем не менее, современный период историографии в определенной степени «открыл» местные военные органы как объект исторического исследования, в отличие от советского периода, когда исследователи в большей степени в своих трудах делали акцент на центральный аппарат военного управления. Однако, значительная часть вопросов долгое время не были освещены в работах советских ученых и лишь на современном этапе развития историографии историки начинают обращать внимание на те аспекты проблематики, которые не затрагивались в советские годы. Следовательно, отсутствие комплексных работ по истории становления местных органов военного управления Курской губернии в годы Гражданской войны, выполненных на региональном материале, открывает простор для исследователей.

Источники и литература

1. Комаров А.А. Советская власть в Дмитриевском уезде Курской губернии в 1918 году // Известия Курского губернского общества краеведения. 1928. № 6. С. 11–23.
2. Солнышко, Ю.А. Октябрь в Курской области Курск: Курская правда, 1947.
3. Черников М.Н. Октябрь в Тимском уезде Курской губернии // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963. С. 82–120.
4. Матвеевко М.Н. Борьба трудящихся Курской губернии против немецких захватчиков в 1918 году // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963. С. 120–144.
5. Постников Н.А. Курский край в годы интервенции и гражданской войны // Курский край: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. Курск, 1995. С. 112–131.
6. Раков В.В. Военное строительство и РККА в 1918 г. (по материалам Курской губернии) // События и люди в документах курских архивов. Выпуск XVII: 100-летию архивной службы России и 115-летию архивной службы Курской области посвящается / под ред. В. Л. Богданова. Курск, 2018. С. 79–87.
7. Раков Н.В. Уклонение от призыва и дезертирство из РККА в годы Гражданской войны (на материалах Курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 2-3 (19) [Электронный ресурс] // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17250600_35894448.pdf (дата обращения: 28.06.2024).
8. Цуканова О.М. Всеобщее и допризывная подготовка населения Курского края в 1918–1921 годах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2015. № 3 (16). С. 141–149.
9. Цуканова О.М. Становление и развитие физической культуры и спорта в Курском крае (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012.
10. Хлопова И.Е. Первый опыт формирования милиционных частей в Курской губернии. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 91–94.
11. Крыжан А.В. Особенности нормативного регулирования деятельности частей особого назначения в 1919–1924 годы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2024. № 1. С. 106–113.
12. Крыжан А.В. Формирование и деятельность частей особого назначения Курской губернии в 1921–1922 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 2(70). С. 34–40.
13. Емельянов С. Н., Зорин А. В., Шпилев А. Г. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг.: (очерк военно-политической истории). Курск, 2013.

А. Р. Конищев

**ЛОКАЛЬНОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО
И МИКРОИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Отечественная практика микроисторических исследования имеет существенные отличия от того, что изначально предлагалось западной историографией. В классических работах зарубежных историков – К. Гинзубр «Сыр и черви» [1] и Э. Ле Руа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня (1294–1344)» [2] внимание ученых было сосредоточено на изучении индивидуальности, межличностных отношений, образа мышления и т. п. Если говорить об отечественных работах по микроистории, объектом исследования которых становятся социальные группы или локальные образования, то спектр изучения в большей степени затрагивает объективные факторы [3]. По нашему мнению, указанное противоречие возникает по причине того, что в центре отечественного делопроизводства никогда не стоял человек. В большинстве документов содержится социально-экономическая, нежели антропологическая информация.

В настоящей статье указанная специфика демонстрируется на основе анализа и характеристика архивных документов, ставших фактологической базой исследования с. Фентисова Щигровского уезда Курской губернии первой четверти XX века в контексте микроисторического подхода.

В работе использовано более 50 дел разных архивных фондов, которые предлагаем разделить на 3 группы:

- учетная документация;
- материалы судебных дел;
- делопроизводственная документация административных и сословных органов управления.

Указанные группы источников позволили нам изучить несколько аспектов существования села в первой четверти XX в. – характер и специфику управления селом, его взаимоотношение с разноуровневыми органами власти, социально-хозяйственную жизнь и социокультурное пространство населенного пункта.

Первая группа источников – учетная документация, представлена документами объединенного архивного фонда «Церкви Курской губернии», архивным фондом «Курский губернский статистический комитет», и некоторыми делами фонда «Николаевский волостной исполнительный комитете Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Щигровский уездный отдел управления». В условиях недостатка источников антропологического характера, мы попытались спуститься на уровень индивида путем изучения количественных показателей, что позволило выявить не только социально-экономические и демографические тенденции развития, но и провести просопографическое исследование – создать коллективный портрет жителей как в дореволюционный, так и советский периоды.

Составлению просопографического портрета жителей села в дореволюционный период поспособствовали первичные учетные документы – подворные карточки сельскохозяйственной переписи 1911 г. по с. Фентисово [4]. Отметим, что подворная карточка весьма информативный источник, содержащий 223 графы, с разнообразной социально-экономической информацией. Что позволило не только составить просопографический портрет, но и детально проанализировать такие показатели как уровень образование, количество отходников (наиболее

популярные профессии, места работы), обеспеченность землей и скотом, наличие торгово-промышленных предприятий, участие крестьян в рентных отношениях и др. Подробные результаты работы были представлены в другом нашем исследовании [5].

Анализ хозяйственного положения села в советский период проводился при помощи списков социально-экономического характера, составленных Николаевским волисполкомом для Щигровского уездного отдела управления, в целях выполнения продразверстки и фискальных мероприятий [6]. Они не настолько информативны, как данные переписи, однако в комплексе, позволили проследить основные социально-экономические показатели: возраст домохозяев, количество детей, занятия жителей, обеспеченность скотом и землей.

Метрические Дмитриевской церкви с. Фентисова за 1901, 1905–1906, 1915 гг., имеющих на хранении в объединенном архивном фонде «Церкви Курской губернии» [7], легли в основу анализа демографических показателей за указанные годы, и способствовали выявлению тенденций. Так, например, в среднем рождалось 95 человек в год: 49 детей женского пола и 47 детей мужского пола. Смертность же составила в среднем 75 человек в год: 38 женщин и 37 мужчин. Самый высокий показатель в каждом из годов приходится на младенческую и детскую смертность (возраст до 5 лет). В среднем – это 44 ребенка в год: 24 мужского пола и 20 женского пола.

Вторая группа источников позволила нам «разбавить» наше исследование тем необходимым «антропологическим» нарративом, к которому так тяготеет микроисторические исследования. Так, при анализе повседневности, нами были использованы материалы судебных дел, которые продемонстрировали как бытовые случаи из жизни крестьян, так и примеры их девиантного поведения. В архивном фонде «Курский окружной суд министерства юстиции», на хранении имеются четыре дела, касающиеся с. Фентисова и соответствующие выбранным хронологическим рамкам:

1. «Дело по обвинению членов Николаевского суда крестьянином с. Фентисова А. Я. Боевым» [8];

2. «Дело по обвинению крестьянина с. Фентисова А. Г. Боева в подстрекательстве» [9];

3. «Дело об убийстве крестьянина с. Коронино Фатежского у. Б. У. Бурцева крестьянином с. Фентисова М. М. Боевым» [10];

4. «По иску крестьян: Петр и Николая Николаевичей Чаплыгиных к крестьянам Ивану, Федору и Егору Какуриных о земле» [11];

Дела изобилуют не только интересным описанием разных событий из жизни крестьян, но и дают косвенную информацию о самом селе. Так, например, из материалов дел по обвинения крестьянина А. Г. Боева к подстрекательству, узнаем, что волостной старшина с. Фентисова был из крестьян и оставил хорошие отношения о себе среди жителей села [9, л. 14]. На основе же четвертого дела об иске крестьян Чаплыгиных к Какуриным, можно сделать выводы о давних противоречивых отношениях между указанными семьями. Опросы истцов и ответчиков указывают, что недопонимание по земельному вопросу было еще у их отцов [11, л. 1 об.].

Фактический материал из третьего дела об убийстве крестьянин Б. У. Бурцева крестьянином М. М. Боевым помог сопоставить данные и написать фрагментарную биографию М. М. Боева, который после революции был дважды председателем Фентисовского сельсовета [12, л. 45; 13, л. 16].

Рассмотренные дела в совокупности с другими источниками позволяют значительным образом расширить сведения по истории исследуемого села. Кроме того, стоит еще раз отметить, что в условиях ограниченности источников личного происхождения, которые позволили бы сделать акцент на индивиде, представленные документы частично помогли восполнить этот пробел и позволили сделать исследовательскую работу более «живой».

Третья группа – делопроизводственная документация административных и сословных органов управления является наиболее обширным источниковым пластом исследования.

В нее вошли документы нескольких архивных фондов дореволюционного и советского периодов: «Курское губернское правление», «Курская губернская земская управа», «Курские губернские присутствия», «Николаевский волостной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Щигровский уездный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Щигровский уездный отдел управления», «Курский губернский административный отдел Курского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Курский областной исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

Данные документы стали скелетом исследования и в комплексе с другими источниками позволили реконструировать административно-политическую систему дореволюционного и советского периодов. Каким образом, село становилось актором и объектом влияния разноуровневых органов власти, и как непосредственно осуществлялось управление на сельском уровне. Например, для советского периода и вовсе удалось реконструировать модель выбора сельских Советов, определить состав избирательной комиссии, лиц лишенных избирательных прав, восстановить сведения (возраст, партийность, классовое положение) о председателях двух сельсоветов в период с 1919/1920–1925 гг.

Кроме того, источники также способствовали анализу некоторых аспектов культурно-бытовой жизни села. Наиболее информативным в этом плане стал архивный фонд Николаевского волисполкома. В структуре данного органа власти существовал отдел, а затем стол народного образования, дела которого позволили изучить быт крестьян в контексте, проводившейся политики ликвидации безграмотности.

Вместе с тем, источники третьей группы, ставшие по объективным причинам (так как органы власти наиболее тесно взаимодействовали с населенным пунктом, который становился как актором, так и объектом этих отношений) фактологической основой работы, и создали указанную ранее специфику и проблемы исследования. Несмотря на то, что делопроизводственные источники, по своей природе очень информативны, в исследовании они позволили реконструировать по большей части объективные аспекты существования села, нежели взглянуть на жизнь Фентисова глазами обычного крестьянина.

Таким образом, проведенный источниковый обзор, на конкретном примере демонстрирует специфику подобного рода микроисторических исследований. В большинстве своем, объектом исследования в них является не сам человек, а социальная группа, или же село, деревня. Тогда как предметом выступает их социально-экономическое и культурное развитие в заданный промежуток времени. В связи с этим, нам представляется, верным предложение, выдвинутое итальянским историком Симоной Черрути, которая, видя большую разницу в подходах и темах исследований, предложила делить микроисторию на два направления. Одно

занималось бы «желудками» (социальные связи, объективные условия, экономическая составляющая), а другое – «головами» (внутренний мир) [14, с. 266–267].

Источники и литература

1. Гинзбург К. Сыр и черви: картина мира одного мельника, жившего в XVI в. М., 2000.
2. Ле Руа Ладюри Э. Монтаю, окситанская деревня (1294–1344). Екатеринбург, 2001.
3. Адамчик М.С. Российское село во второй половине XVII – начала XX века в парадигме микроистории (на примере с. Унуевский Майдан): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2012.; Филев М.В. Повседневная жизнь переселенческого колхоза: опыт микроисторического исследования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2023.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1139.
5. Конищев А.Р. Жители села Фентисово Щигровского уезда Курской губернии: просопографический портрет по материалам сельскохозяйственной переписи 1911 г. // Люди и судьбы. XX век: материалы Всероссийской научной конференции. (Курск, 17 февраля, 2023 г.) / под ред. Э. А. Кудрявцева. Курск, 2023. С. 35–42.
6. ГАКО. Ф. Р-699. Оп. 1. Д. 18, 42, 61; Ф. Р-545. Оп. Д. 138, 139.
7. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 1799.
8. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8573.
9. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 8065.
10. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6080.
11. ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5766.
12. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1-л. Д. 5. Л. 45.
13. ГАКО. Ф. Р-545. Оп. 1-л. Д. 8. Л. 16.
14. Леонова Т.А., Шутелева И.А. «Новая локальная история»: теория и медиа проекты в историческом образовании педагогического вуза // Историко-педагогические чтения. 2015. № 19–1. С. 263–271.

П. С. Потапенко

СОЗДАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СЕКЦИИ ВЕТЕРАНОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что Гражданская война стала одним из противоречивых и знаковых событий в ранней истории Советского государства. Ее интерпретация и в настоящее время, вызывает неоднозначную оценку специалистов и диаметрально противоположное мнение общественности. В связи с этим возникает необходимость беспристрастного научного осмысления не только связанных с этой войной исторических фактов, но и судеб ее основных участников, не всегда объективно отражаемых в различных научных публикациях. Одним из наименее изученных аспектов указанной темы является деятельность региональных секций ветеранов Гражданской войны, как объединения людей, прошедших трагические испытания двумя войнами, и сумевших внести достойный вклад в дело патриотического воспитания на боевых традициях старших поколений, пронесших через многие годы своей жизни преданность идеалам революционного романтизма и беззаветной преданности своему Отечеству.

Цель исследования – на основе архивных документов раскрыть особенности создания и работы Курской секции ветеранов Гражданской войны при Военно-научном обществе Курского гарнизонного Дома офицеров. Для достижения поставленной цели автор поставил исследовательские задачи характеризовать основные этапы деятельности организации и отразить роль ветеранов в патриотическом воспитании подрастающего поколения. В основу исследования были положены принципы объективности и историзма. Для решения поставленных задач автором использованы историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный, типологический, ретроспективный методы.

Исследование опыта деятельности одной из специфических секций ветеранского сообщества позволяет оценить вклад курян-участников Гражданской войны в формирование у подрастающего поколения патриотических чувств, показать работу по увековечению памяти борцов за социальные преобразования, направленные на создание достойных условий жизни людей труда, а также необходимость формирования таких организаций для решения социально-бытовых вопросов ветеранов.

27 января 1965 г. по инициативе ветеранов во главе с генерал-майором З. Н. Алексеевым и бывшим комиссаром 78-го стрелкового полка 9-й стрелковой дивизии А. А. Сагайдаком было проведено первое собрание ветеранов Гражданской войны, проживающих в городе Курске. В собрании приняли участие 28 человек, единогласно принявших решение образовать секцию ветеранов Гражданской войны при Совете Военно-научного общества Курского гарнизонного Дома офицеров [1, л. 1].

Необходимость создания организаций для изучения опыта войн, локальных конфликтов и участия в военно-патриотическом воспитании граждан возникла еще в годы Гражданской войны, в 1919 г. при клубе Академии Генерального штаба РККА была основана военно-историческая секция, главная цель которой состояла в том, чтобы организовать самостоятельную работу слушателей по изучению военной истории в соответствии с утверждавшимися в исторической науке принципами марксизма. Лишь в 1920 г., когда Гражданская война и подходила к концу, появилась возможность поднять вопрос о создании постоянной военно-научной организации. 13 октября 1920 г. состоялось совещание актива Академии. На совещании был сделан доклад о необходимости создания самостоятельной военно-научной организации, которая в центр внимания поставила бы изучение опыта Гражданской войны. Там же была выделена комиссия, начавшая работу по вовлечению слушателей в эту организацию.

На региональном уровне вопрос о создании подобной структуры актуализировался лишь после Великой Отечественной войны. И в числе активных сторонников научного осмысления военно-исторического опыта стал ветеран двух войн Зиновий Нестерович Алексеев. Его биография заслуживает особого внимания, поскольку является значимой частью военной истории советского государства.

Зиновий Алексеев родился 12 ноября 1899 г. в городе Харькове. Службу в Красной армии начал в 1919 г. В составе 37-го Украинского полка воевал под Луганском и Белгородом, а также в составе 217-го стрелкового полка 25-й Чапаевской дивизии участвовал в боях с белоказаками на Уральском фронте. В 1920 г. на Южном фронте воевал с белополяками.

В межвоенный период Зиновий Нестерович занимал должности политрука в различных воинских формированиях. С октября 1925 г. учился в Киевской объединенной военной школе имени С. С. Комарова, по окончании которой был назначен в 135-й полк 45-й стрелковой дивизии, где занимал должности помощника командира роты, командира и политрука роты.

С мая 1931 г. З. Н. Алексеев проходил учебу в Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе. В 1934 г. он был назначен заместителем военного коменданта станции «Ленинград-Варшавский» и железнодорожного участка Балтийской линии Октябрьской железной дороги. Позднее руководил штабом Управления начальника военно-транспортной службы, а с октября 1937 г. возглавил это Управление. В декабре 1938 г. переведен помощником начальника штаба – начальником 1-го отдела штаба 56-го стрелкового корпуса в городе Петрозаводске.

Во время Советско-финской войны начальник штаба 18-й стрелковой дивизии майор З. Н. Алексеев в сложных условиях окружения, находясь в районе Леметти Южное, являлся организатором и руководителем обороны гарнизона, проявил храбрость и выдержку. При выходе из окружения командовал южной группой 18-й дивизии. Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Красного Знамени. В августе 1940 г. полковник З. Н. Алексеев назначен начальником штаба 71-й стрелковой дивизии в городе Петрозаводске.

Участвовал в Великой Отечественной войне. Неоднократно проявлял профессионализм и личное мужество при командовании войсками. Так, из наградного листа к ордену Суворова II степени следует, что, являясь командиром 272-й стрелковой дивизии, с первым эшелоном форсировал реку Свирь и лично руководил захватом плацдарма и боем преследования. При преследовании в глубине и захвате Свирской Слободы и других населенных пунктов умело и своевременно применил обходной маневр, достиг неизменного успеха.

При преодолении второй укрепленной полосы противника З. Н. Алексеев умело провел дивизию через непроходимые болота и блестяще выполнил поставленную задачу. При этом лично показывал войскам примеры выносливости, мужества и храбрости. На дальнейших этапах боев генерал-майор Алексеев проявлял те же черты личной храбрости, обдуманного смелого маневра и решительности в выполнении поставленной задачи, являясь примером для всех. За эти бои командующим войсками 4-го стрелкового Свирского корпуса и командующим 7-й армией был представлен к званию Героя Советского Союза [2, л. 92–92 об.].

В марте 1946 г. генерал был назначен начальником Курского Суворовского военного училища. Военная служба З. Н. Алексеева отмечена орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова II степени и Кутузова II степени, медалями.

Соратник генерала Алексеева по ветеранской работе Александр Андреевич Сагайдак родился в 1895 г. С 1904 г. работал батраком, затем шахтером. В 1917 г. принял участие в Февральской революции. В 1919 г. Александр Сагайдак был избран ответственным секретарем Курской красноармейской организации большевиков, возглавлял боевой отряд.

В 1919 г. боевые отряды из Белгорода, Обояни, Суджи, а также 1-й Волчанский революционный батальон объединились в 1-й Грайворонский революционный полк, насчитывавший к 1 июля 2 720 штыков. Первый Грайворонский, переименованный в 78-й стрелковый полк, вошел в состав 9-й стрелковой дивизии под командованием А. Н. Борисенко. Комиссаром этого полка был назначен А. А. Сагайдак.

9-я стрелковая дивизия была сформирована из красногвардейских и партизанских отрядов Курской и Белгородской губерний еще 20 июля 1918 г. как 1-я Курская советская пехотная дивизия. В октябре того же года получила наименование 9-я стрелковая дивизия. В составе этого соединения А. А. Сагайдак участвовал в боях с белогвардейцами за Орел и Курск. В боях на Дону был тяжело ранен.

По окончании Сельской академии Сагайдак перешел на парторботу, являясь активным организатором первых колхозов. С 1927 по 1952 г. работал директором совхоза, уполномоченным по заготовкам и управляющим областной конторы «Заготзерно». Как активный общественник являлся председателем секции ветеранов Гражданской войны. Умер в Курске в 1969 г.

Руководящим органом Курской секции ветеранов Гражданской войны стало Бюро, в состав которого были избраны А. А. Сагайдак, И. Л. Готкало,

П. М. Дмитриенко [3, л. 2]. В состав секции входили люди, прошедшие не только Гражданскую, но и Великую Отечественную войну. Особое внимание в своей общественной работе они уделяли патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Каждый активист секции, не считаясь с личным временем, стремился провести как можно больше встреч с молодежью. Любимый ветеран, доверительно общавшийся с молодыми людьми, воспринимался ими в качестве не просто современника, но и живого участника исторических событий. Именно такой человек на личном примере мог объяснить, что такое любовь и преданность Отчизне, сориентировать на формирование личных качеств, необходимых для построения светлого будущего.

В числе таких активистов ветеранского движения необходимо выделить А. А. Толмачева. Только за 1966 г. он провел и принял участие в массе воспитательных и просветительских мероприятий. Так, 23 февраля, в день празднования 46-й годовщины Советской армии, ветеран выступил в Доме офицеров перед учащимися школы № 26 г. Курска. В туристическом поезде с красными следопытами из 11 областей РСФСР и УССР совершил поездку по местам боевой славы 9-й стрелковой дивизии, а затем выступил с отчетным докладом перед ветеранами Гражданской войны об итогах этой поездки.

В ходе встречи с учащимися школы № 10 города Курска А. А. Толмачев передал своих воспоминания о боевых эпизодах службы в 77-м стрелковом полку и очерк «В битве за Донбасс». Подобные материалы были отправлены и для штаба красных следопытов во Дворец пионеров города Орла, школы № 19 поселка Новоэкономическое и в поселок Мирный Волновахского района Донецкой области. Фотографии и личные воспоминания о ратных подвигах бойцов и командиров 77-го стрелкового полка в годы Гражданской войны ветеран подготовил для отправки совету дружины школы № 68 поселка Каменка города Ростова-на-Дону; пионерам школы № 15 города Шахтерска и Андреевской средней школы № 1 станции Карань Донецкой области [4, л. 7–9]. Но и приведенный выше список получателей и адресатов не отражает масштабов той переписки, которую вел А. А. Толмачев, пропагандируя подвиги боевых товарищей, боровшихся за народное счастье.

В 1966 г. секцией ветеранов Гражданской войны совместно с Военно-научным обществом была разработана лекция «Боевые традиции – могучее средство патриотического воспитания советской молодежи» [6, л. 1–14]. Подводя итоги работы за год, Курский областной комитет ВЛКСМ отметил, что в области была проделана большая работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Собран большой материал о боевом пути 9-й стрелковой дивизии, проведено много встреч с ее ветеранами [5, л. 21].

Представление о масштабах просветительской деятельности Курской секции ветеранов Гражданской войны можно получить из отчетных данных за 1-е полугодие 1967 г., приведенных ниже в таблице [7, л. 17].

Учреждения, места проведения	Количество мероприятий	Учреждения, места проведения	Количество мероприятий
Образовательные учреждения	173	Дом офицеров	4
Учреждения культуры	18	Домоуправления	2
СМИ	63	Районы области	33
Воинские части	5	Общежития институтов	5
Предприятия	28	Всего	331

В 1967 г. наиболее активно в работе секции проявили себя ветераны С. В. Васильев и Г. Т. Маслов. А член секции ветеранов Гражданской войны П. Н. Перелыгин в феврале 1968 г. выступил с лекциями на темы «25 лет

освобождения города Курска» (в областной детской библиотеке, школах № 1, 2, 20, 31, интернатах № 1 и № 2, в/ч 42300); «50 лет Вооруженных Сил СССР» (в школах № 1, 7, 42, КГПИ, на ТЭЦ-1) [4, л. 22–25, 41].

В планах секции на 1969 г. было проведение лекций, нацеленных на подготовку к 100-летию юбилею В. И. Ленина. Об этом свидетельствует разработанная ветеранами тематика: «В. И. Ленин во главе обороны советского государства в годы Гражданской войны»; «В. И. Ленин – организатор и вождь Коммунистической партии Советского Союза»; «В. И. Ленин – вождь Октября» [7, л. 1; 8, л. 2].

В 1970 г. работа секции была ориентирована на использование уже успешно апробированных форм и методов патриотического воспитания. В их числе выделялись: организация и проведение докладов, лекций и бесед на военно-патриотические темы; встречи ветеранов с воинами гарнизона и молодежью города; пропаганда боевых традиций Советских Вооруженных Сил и работа с молодежью по подготовке их к службе в Советской Армии; разработка лекций, докладов, воспоминаний, очерков и статей для периодической печати на военно-патриотические темы [9, л. 4].

В год 25-летия победы в Великой Отечественной ветераны провели для молодежи 320 бесед и лекций, на которых присутствовали около 27 тыс. чел. С ними выступили более 26 членов секции. Тематика бесед и лекций были разнообразной, но главной была о героизме советских людей в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, о преданности своей Родине, о советском патриотизме [10, л. 5].

Выступления проводились среди учащихся школ, техникумов, профтехучилищ, студентов ВУЗов, рабочей молодежи, воинов гарнизона и призывных пунктах. Ряд ветеранов вели переписку с пионерами и комсомольцами школ области и за ее пределами [10, л. 6].

Работа секции приводила к положительным результатам в деле воспитания молодежи на боевых и трудовых традициях старших поколений. Ветераны личным примером прививали верность к государству, любовь к родному краю, способствуя воспитанию патриотических чувств.

Еще одним направлением патриотической деятельности секции можно выделить работу по увековечению памяти участников Гражданской войны. По инициативе ветеранов при Военно-научном обществе и при непосредственном участии активистов секции в июне 1965 г. была организована работа по поиску фамилий 29 партийных и советских работников, расстрелянных в ночь на 17 ноября 1919 г. белогвардейцами и захороненных в братской могиле в парке Героев гражданской войны. («Бородино поле»). Обосновывалась эта работа тем, что на протяжении почти 50-ти лет могила оставалась безымянной. Скромный обелиск, мало что говорил о людях, отдавших свои жизни в борьбе за советскую власть.

В результате ознакомления с материалами различных источников представилось возможным документально установить 26 фамилий погибших. В целях увековечения памяти 29 героев, павших от белогвардейского террора в городе Курске и в ознаменовании 50-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Военно-Научное общество совместно с секцией ветеранов гражданской войны просило включить в план первоочередных мероприятий по сооружению исторических памятников – сооружение на братской могиле в парке Героев Гражданской войны монументальной скульптуры как символа борьбы за Советскую власть и мемориальную доску с именами погибших.

Данный вопрос был положительно решен в 1934 году. Однако это решение не было осуществлено [11, л. 31]. Тогда же секция обратилась с ходатайством к Курскому городскому Совету депутатов трудящихся с просьбой увековечить память погибших земляков, освободивших Курск от белогвардейцев [12, л.3].

В марте 1965 г. председатель секции ветеранов Гражданской войны при Военно-научном обществе А. А. Сагайдак обратился с письмом к ветерану 9-й стрелковой дивизии, однополчанину из 78-го Грайворонского полка Е. М. Гожиенко, в котором рассказал о том, что секцией составлен и реализуется план работ по обобщению материалов и пропаганде боевого пути 9-й стрелковой дивизией в годы Гражданской войны: читаются доклады, проводятся беседы на производствах, в школах, в воинских частях. организуются выступления по радио, телевидению и в печати.

В Военно-историческом музее Курской битвы, решением Министра обороны СССР в 1963 г. в зале пропаганды боевых традиций советских Вооруженных Сил был оформлен стенд, посвященный ветеранам 9-й стрелковой дивизии, бывшей 1-й Курской пехотной дивизии.

В Грайворонском районе проживало много ветеранов 78-го стрелкового полка, бывшего 1-го Грайворонского. Секция ветеранов просила Евгения Михайловича взять на себя инициативу встретиться с однополчанами, проживавшими в Грайвороне, рассказать о подготовке такого материала и выслать его начальнику Военно-исторического музея Курской битвы [11, л. 1–1 об.].

В письме к начальнику Локомотивного депо Курск Московской железной дороги, секретарю партийного комитета и председателю местного комитета секция ветеранов Гражданской войны обратилась с просьбой в ознаменование 50-й годовщины Великого Октября увековечить память погибшего в 1919 г. от рук белогвардейцев А.Г. Козлова, установив ему памятник на Привокзальной площади Курска, который содействовал бы патриотическому воспитанию молодежи [8, л. 17–18].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что секция ветеранов Гражданской войны внесла большой вклад в увековечение памяти всех ветеранов войны, способствуя сохранению имен каждого ее участника.

Еще одним важным направлением деятельности секции необходимо считать работу по улучшению жилищно-бытовых условий ветеранов Гражданской войны. Так, удалось решить проблему с жильем для ветерана П. С. Усова [9, л. 1–2]. В Центральный аппарат КПСС и на имя председателя Ленинского райисполкома было направлено письмо об улучшении жилищных условий ветеранов: К. М. Пашкова, Е. С. Лиштванова, Н. И. Дубяго, И. В. Щеголева, А. Ф. Сафонова, Н. Г. Калининкова, Н. Я. Аксентьева, В. Н. Щурова, П. И. Козлова, С. Ф. Франковского [9, л. 5–10, 27]. Бюро секции ветеранов направило письмо начальнику Горжилуправления с просьбой дать распоряжение о проведении капитального ремонта квартиры ветерана Гражданской войны С. Ф. Франковского [13, л. 15].

Председатель бюро секции П. С. Усов и председатель Курской областной секции ветеранов войны А. Д. Федосюкин обратились к председателю Курского горисполкома с просьбой обеспечить квартирой П. М. Котельникова, являющегося членом бюро секции [21, л. 19]. В целом, результаты работы секции свидетельствуют о том, что данное объединение способствовало улучшению социально-бытовых проблем ветеранской общественности.

Ветераны Гражданской войны активно взаимодействовали с предприятиями и общественными учреждениями. Например, 9 июля 1968 г. председатель секции

обратился на Курский электроаппаратный завод с просьбой о выделении автобуса для поездки ветеранов на экскурсию по местам Курской битвы, планируемой на 27 июля [14, л. 14].

Военно-научное общество при Курском гарнизонном Доме офицеров 15 июля 1968 г. обратилось в редакцию газеты «Курская правда» с просьбой поместить извещение о проведении 20 июля 1968 г. тематического вечера, посвященного 50-летию 9-й стрелковой дивизии [14, л. 16].

В октябре 1974 г. председатель секции П. С. Усов обратился с поздравительным письмом к Эстонским Красным стрелкам, в котором отметил их особую роль в боях с белогвардейцами на курской земле [15, л. 21]. В мае 1975 г. Петр Семенович обратился с аналогичным письмом к Латышским Красным стрелкам [15, л. 19–20]. Подобное общение укрепляло межнациональные связи курян, содействовало укреплению сотрудничества с представителями союзных республик.

О росте авторитета секции среди ветеранской общественности свидетельствует неуклонный рост ее численности. Так, в 1965 г. секция ветеранов Гражданской войны насчитывала 80 чел., в 1967 г. – 118 чел. [16, л.16–21; 17, л. 1–44 об.]. По состоянию на 1 июля 1971 г. секция насчитывала 122 чел. [20, л. 2–37].

Таким образом, секция ветеранов Гражданской войны при Военно-научном обществе Курского гарнизонного Дома офицеров как объединение людей, прошедших трагические испытания двумя войнами, внесла особый вклад в развитие ветеранского движения на территории Курской области. Члены организации проводили большую работу по патриотическому воспитанию молодежи на боевых традициях старших поколений, что дало положительный отклик в служении Отечеству будущими поколениями. Внесли большой вклад в увековечение памяти красногвардейцев в годы Гражданской войны, в том числе в освобождении города Курска от белого террора. Секция выстраивала постоянное взаимодействие с общественными организациями, органами власти и местного самоуправления, что способствовало решению многих социальных проблем ветеранов.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 1.
2. Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33. Оп. 686043. Д.70.
3. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 5.
5. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 18.
6. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 7.
7. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 21.
8. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 35.
9. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 40.
10. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 41.
11. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 6.
12. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 16.
13. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 12.
14. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 32.
15. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 48.
16. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 11.
17. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 28.
18. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 46.
19. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 50.
20. ГАОПИКО. Ф. П-5576. Оп. 1. Д. 51.
21. Официальный сайт «Память народа» [Электронный ресурс] // URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 14.10.2024).

Н. Г. Кононов

**КУРСКАЯ ВЫСШАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ШКОЛА
(1932–1938 гг.)**

В связи с завершением в основном коллективизации крестьянских хозяйств и организацией крупных коллективных хозяйств возникла острая потребность в сельскохозяйственных кадрах, способных руководить крупными социалистическими сельскохозяйственными предприятиями.

Именно в связи с этим 21 сентября 1932 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) «Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ». «Громадный рост крупного социалистического земледелия и животноводства, задача организационно-хозяйственного укрепления колхозов и совхозов, наконец, – задача поднятия урожайности в земледелии и улучшении качества работы животноводческих совхозов и ферм, – говорится в постановлении ЦК ВКП(б), – настоятельно требуют наличия таких квалифицированных руководящих работников для колхозов, МТС, совхозов и районных партийно-советских организаций, которые обладали бы, наряду с широким политическим развитием, достаточными специальными знаниями как в области сельскохозяйственной техники, так и в области агрономии и животноводства» [1, л. 21].

В целях подготовки таких кадров ЦК ВКП(б) постановил реорганизовать коммунистические университеты (за исключением КУТВ, КУНЗ) в Высшие коммунистические сельскохозяйственные школы. В создаваемых ВКСХШ организовывалось 2 отделения:

а) первое отделение, готовящее руководящих работников для машинно-тракторных станций, совхозов и колхозов (с двухгодичным курсом обучения);

б) второе отделение, готовящее руководящих работников для районных партийных и советских организаций (с трехгодичным курсом обучения) с тем, чтобы программа специального образования для второго отделения была та же, что и для первого отделения, но с более развернутым курсом ленинизма.

Рекомендовалось обеспечить достаточную специальную подготовку студентов с уклоном в области животноводства или полеводства в зависимости от основного направления хозяйства области, края, республики. 20 % учебного времени слушателей должно было посвящено производственной практике в совхозах, колхозах, МТС.

Учебная работа в ВКСХШ должна была построена таким образом, чтобы обеспечить индивидуальную ответственность учащихся за выполнение учебных работ, руководящую роль преподавателей, проверку знаний студентов при переходе с курса на курс и при окончании школы и ведение курса лекций по всем основным дисциплинам наряду с семинарскими и лабораторными работами. Как правило, в ВКСХШ принимались:

а) на двухгодичное отделение члены ВКП(б), имеющие одногодичный партийный стаж, комсомольцы, имеющие двухгодичный стаж, а также беспартийные рабочие и колхозники, имеющие не менее двух лет стажа работы в колхозах, МТС и совхозах (председатели колхозов, члены правлений, бригадиры, директора и помощники директоров МТС, заведующие отделениями совхозов и т. п.). Считалось желательным общеобразовательная подготовка в объеме школы первой ступени и общественно-политическая – в объеме совпартшколы первой ступени;

б) на трехгодичное отделение члены ВКП(б), имеющие двухгодичный партстаж, двухгодичный стаж руководящей низовой партийной или советской работы (секретари райкомов, председатели райисполкомов, зав. отделами райкомов и райсоветов и пр.) и обладающие общественно-политической подготовкой в объеме совпартшколы второй ступени и общеобразовательной подготовкой в объеме пятилетки.

В постановлении ЦК ВКП(б) рекомендовалось создать ВКСХШ в городе Тамбове. Однако в соответствии с постановлением бюро обкома ВКП(б) ЦЧО такие школы были созданы в Воронеже и Курске.

Обком ВКП(б) ЦЧО обязал Курский горрайком полностью закрепить за ВКСХШ здание по ул. Дзержинского, 23, предоставив для столовой ЦРК другое помещение и обеспечить полное окончание ремонта учебного здания не позднее 1 ноября 1932 г. [2, л. 14–15, 20–21].

Решением секретариата ОК ВКП(б) ЦЧО от 4 ноября 1932 г. руководство реорганизацией Курского комвуза в ВКСХШ было возложено на Маликова [3, л. 29].

С этого времени в Курске началась работа по созданию условий для организации ВКСХШ. Директором (несколько позже ректором) ВКСХШ был назначен Луцкой Николай Алексеевич, 1899 г. рождения, рабочий, член ВКП(б) с 1919 г.

Чаще всего адрес школы упоминался следующий: город Курск, общежитие по ул. Набережная, 8 – 3-х этажное здание; Красная площадь, 6 (дом стоялся в качестве будущего общежития); ул. Луначарского, 2.

Процесс создание школы был сложным, несмотря на то, что школа создавалась на базе колхозной школы, уже имевшей учебный корпус, общежитие, определенное количество преподавателей. Все же необходимо было расширить и укрепить материально-техническую базу школы, отремонтировать помещения для учебных и лабораторных занятий, общежитие и столовую для студентов. Следовало дополнительно подобрать профессорско-преподавательский состав школы и обеспечить его жильем. Предстояло обеспечить школу необходимой учебной и методической литературой, учебными программами и т. п.

К тому же, многие райкомы партии недобросовестно отнеслись к комплектованию школы, своевременно не направили необходимое количество абитуриентов, а многие из тех, кого направили, не соответствовали требованиям, указанным в постановлении ЦК ВКП(б) [4, л. 6–7].

Поэтому 19 ноября 1932 г. на бюро ОК ВКП(б) ЦЧО был заслушан вопрос о положении 2-й высшей коммунистической сельскохозяйственной школы в г. Курске. Констатировалось затягивание ремонта учебного корпуса школы, необеспеченность школы административно-хозяйственными кадрами, непринятие необходимых мер к укреплению материально-финансового положения школы, недостаточное внимание к ВКСХШ со стороны Курского горрайкома, что ставило под угрозу своевременное завершение организационного периода и начало учебных занятий 2-й ВКСХШ.

Исходя из указанного положения, обком ВКП(б) ЦЧО обязал Курский горсовет принять меры к полному окончанию ремонта учебного корпуса по ул. Луначарского, 2 к 20 ноября 1932 г., а правого крыла первого этажа – не позднее 25 ноября. Было поручено соответствующим лицам изыскать для школы необходимое количество электропровода, топлива, перевести школе из местного бюджета 50 тыс. руб., обеспечить в централизованном порядке снабжение студентов по первому списку с 1 декабря 1932 г.

Были приняты меры по укреплению школы преподавательским составом. Обком постановил отозвать из 1-й ВКСХШ Рогового и Сербенто, назначив первого проректором по учебной части, второго – руководителем кафедры всеобщей истории. Коршакова отзывали из Зооветинститута с назначением на должность руководителя кафедры животноводства.

Обком партии в интересах нормальной подготовки к развертыванию набора во 2-ю ВКСХШ предложил облЗУ закончить курсы председателей колхозов (100 человек) к 1 декабря 1932 г. и одновременно вывести из здания 2-й ВКСХШ курсы кролиководов, дизельщиков и др. [5, л. 12–13].

Исходя из указаний обкома ЦЧО, 26 ноября 1932 г. бюро Курского горрайкома ВКП(б) обсудило вопрос о ходе организации в Курске высшей коммунистической сельскохозяйственной школы. Заслушав доклад директора школы Н. А. Луцкого о подготовке школы к началу учебного года, бюро горрайкома партии констатировало заметный сдвиг в подготовительной работе (организована лаборатория, комплектование преподавательского состава, закупка учебников и учебных пособий, составлены на 50 % программы, в основном закончен ремонт учебного корпуса и т. п.).

Но этого было недостаточно. Поэтому бюро Курского горрайкома обратило внимание всех партийных, советских, кооперативных и профсоюзных организаций на то, что организация в Курске ВКСХШ – есть одна из важнейших политических задач всей Курской партийной организации в выполнении решений ЦК ВКП(б) в деле подготовки руководящих кадров по сельскому хозяйству.

Бюро сочло необходимым мобилизовать партийную, советскую и профсоюзную общественность на организацию и нормальное развертывание к установленному ЦК и обкомом ЦЧО сроку учебного года школы и предложило:

1. Оргинструкторскому отделу кадров, культпропу укомплектовать к 1 декабря 1932 г. лучшими кадрами школу, не останавливаясь перед снятием целого ряда работников и перебросить их в распоряжение школы. Одновременно с этим культпропу из поступающих фондов учебной литературы и учебных пособий в первую очередь удовлетворить школу. Выделить для предварительного отбора кандидатов в школу завкультпропа Кирьянова.

2. Обязать редактора газеты «Курская правда» совместно с Луцким дать целый ряд статей в газете под углом зрения значения и мобилизации масс вокруг организации школы.

3. Обязать директоров техникумов, имеющих лишние и дублированные экспонаты учебников и учебных пособий, могущих быть использованными в ВКСХШ, передать в распоряжение школы.

4. Констатируя недостаточность темпов и качество работ по окончательному восстановлению учебного корпуса, бюро горрайкома обязало коммунистические фракции горсовета, коммунального хозяйства вместе с директором школы и представителем РКИ установить дефекты строительства, наметить конкретные мероприятия к их устранению.

5. Обязать фракцию горсовета, комхоза мобилизовать строительные ресурсы для обеспечения к установленному бюро обкома сроку окончания ремонта учебного корпуса.

Придавая огромное политическое значение организации в городе Курске ВКСХШ (в 1932 г. прием студентов в школу установлен в количестве 150 человек), бюро горрайкома сочло необходимым, чтобы горсовет принял шефство, осуществив таким образом пролетарское влияние на подготовку кадров для сельского хозяйства [6, л. 157–158].

Однако постановление Курского горрайкома ВКП(б) проводилось в жизнь довольно медленно. Школа и к середине декабря еще не была укомплектована студентами, преподавательским составом, мебелью и т. п.

Для оказания помощи в комплектовании преподавательского состава 26 декабря 1932 г. бюро Курского горрайкома партии принимает решение о направлении в ВКСХШ целого ряда преподавателей: Е. П. Ломова, С. Е. Дембо, Н. С. Горохова, П. А. Савенкова, П. Н. Прокопова, И. Т. Кабанова и других, всего – 18 человек [6, л. 162, 196–197]. Однако комплектование школы как преподавательскими кадрами, так и слушателями проходило медленно [7, л. 22–24].

На открытом партийном собрании школы 27 марта 1933 г. были подведены итоги комплектования школы. С докладом по этому вопросу выступил ректор школы Николай Алексеевич Луцкой.

Как отмечалось в докладе, для поступления в школу было подано 597 заявлений, из которых без командировок от райкомов партии – 297 чел. Их них был допущен к испытаниям областной мандатной комиссией 251 чел. Выдержали же испытания и допущены к учебе 153 чел., из которых в разное время выбыло из школы 12 чел. И на 27 марта 1933 г. в школе оставались 141 чел. Если бы не выбыло 12 чел., школа была бы укомплектована полностью. Недопущение до мандатной комиссии 300 чел. объяснялось тем, что подавшие заявления не имели никакого практического стажа работы по сельскому хозяйству, а также по возрасту и имевшие в прошлом серьезные партвзыскания, связанные «с искривлением генеральной линии партии». Допущенный же до испытания 251 чел., куда входила и дополнительная разверстка обкома партии, прибывали в разное время, растянув таким образом комплектование школы с декабря 1932 г. по март 1933 г.

Растянутасть сроков комплектования школы объяснялось тем, что не все райкомы партии выполняли установленные сроки присылки кандидатов. Приходилось через обком ВКП(б) неоднократно напоминать им об этом. Это, во-первых. Во-вторых, испытания показали, что целый ряд прибывших абитуриентов были не только не подготовлены для основной группы, но не были подготовлены даже к подготовительной группе. Это указывало на то, что на местах райкомы ВКП(б) подошли формально к посылке людей, не учитывая указания ЦК ВКП(б), а руководствуясь установкой: получше оставим себе, а что похуже, отправим на учебу. Итог известен: из 251 чел., допущенного до испытания, принято было 153 чел., или 61 %.

Большой отсев абитуриентов свидетельствовал о том, что многие из них оказались неподготовленными ни по образованию, ни политически. На 1 января 1933 г. в школе было только 90 чел. Поэтому начали учебный год не с этой даты как указывалось в постановлении ЦК, а с 10-го числа.

Поскольку целый ряд студентов прибыл на занятия несвоевременно, создание студенческих групп затянулось. По смете надо было создавать лекционные группы из 60 чел., а их с трудом составили из 40 чел. Это обстоятельство выбивало из колеи правильное планирование учебного процесса.

По данным на март 1933 г. на 3-х, 2-годичные и подготовительное отделения был принят 141 человек, учитывая, что 12 человек покинули школу. Из них по социальному положению рабочие составляли 42 чел. (30 %), колхозное крестьянство – 82 чел. (58 %), служащие – 17 чел. (12 %). Членов ВКП(б) насчитывалось 135 чел. (97,7 %), кандидатов в члены ВКП(б) – 4 чел. (2,9 %), комсомольцев – 1 (0,7 %), беспартийных – 1 чел. (0,7 %). Из принятых студентов сельскую школу окончили 100 чел. (78 %), 5 классов – 17 чел. (12 %), семилетку – 10 чел. (7 %), самообразование имели 14 чел. (10 %). Из 141 учащегося окончили

совпартшколу 29 чел. (21 %), не окончили СПШ – 17 чел. (12 %), имели самообразование – 10 чел. (7 %), прочее – 81 чел. (57 %), совсем не имевшие политобразования – 4 чел. (3 %). Основная масса принятых студентов работала в колхозах, совхозах, МТС, в районных и сельских советских и партийных учреждениях. 47 человек являлись участниками Гражданской войны [4, л. 10–12].

Значительная часть вновь принятых студентов была молодыми коммунистами и не имела достаточного политического опыта, что требовало от преподавателей школы серьезно заняться повышением их общеобразовательной подготовки, улучшением воспитательной работы, политического, марксистско-ленинского образования. Это крайне было необходимо уже потому, что ВКСХШ – не обычная школа, а коммунистический вуз, помноженный на специальную подготовку.

Помощниками ректора в учебно-воспитательной работе были: партийный комитет школы, партийные ячейки, созданные на 3-х и 2-годичных отделениях, профсоюзная организация школы [9, л. 1–3].

Первое полугодие 1933 г., наряду с обучением студентов, ушло на формирование преподавательского состава, материально-технической базы школы, составление учебных планов и программ по читаемым курсам, поиска лучших форм учебно-методической работы. Большое внимание уделялось укреплению учебной дисциплины и т. п.

После того, как высшие коммунистические сельскохозяйственные школы страны проработали некоторое время, при ЦК ВКП(б) в августе 1933 г. было созвано совещание ректоров школ, на котором был обобщен первый опыт их работы и разработано Положение о высших коммунистических сельскохозяйственных школах, которое было утверждено Оргбюро ЦК ВКП(б) 20 августа 1933 г.

В Положении о ВКСХШ вошли основные статьи из постановления ЦК ВКП(б) от 21 сентября 1932 г. В разделе II «О порядке приема в школы» были внесены уточнения. В частности, указывалось, что на 2-годичное отделение принимаются члены ВКП(б), комсомольцы с 2-годичным стажем работы, не моложе 18 лет и не старше 40 лет. Этот возраст приема в школы сохранялся и для приема студентов на 3-годичное отделение.

Пункт 8 II раздела уточнял правила приема. Для проведения комплектования и отбора кандидатов в ВКСХШ при обкомах (крайкомах и ЦК нацкомпартий) под председательством одного из секретарей этих комитетов организуется мандатная комиссия, в состав которой входят: ректор ВКСХШ, зав. культпропом соответствующего партийного комитета, зав. распределом и начальник политсектора облЗУ, крайЗУ, Наркомзема республики. Состав отобранных мандатной комиссией кандидатов, прошедших приемные испытания, утверждался обкомом (крайкомом и ЦК нацкомпартий).

Преподаватели ВКСХШ назначались ректором школы из числа лиц с законченным высшим образованием. В ВКСХШ устанавливались следующие категории преподавателей: профессора, доценты, преподаватели и ассистенты. Кафедры организовывались на основе особых указаний сельхозотдела ЦК ВКП(б). Заведующие кафедрой назначались ректором из числа профессоров соответствующей специальности. При отсутствии в школе профессоров к исполнению обязанностей руководителя кафедрой временно допускался распоряжением ректора наиболее опытный доцент.

В Положении о ВКСХШ определялись подчиненность тех или иных руководителей подразделений и их обязанности.

Ректор ВКСХШ назначался и смещался ЦК ВКП(б), перед которым систематически отчитывался о своей работе. Он одновременно являлся партийным руководителем школы и нес единоличную ответственность перед ЦК ВКП(б) и соответствующими краевыми и областными партийными комитетами за всю учебную, партийно-воспитательную и административно-хозяйственную работу ВКСХШ [10, л. 1–2, 124–125].

Из-за небольшого объема работы, мы не можем подробно остановиться на многогранной деятельности Курской областной партийной организации, ректората и преподавательского состава ВКСХШ по комплектованию школы, повышению общеобразовательного, политического и культурного уровня студентов и т. п.

Хотелось бы отметить, что со дня образования школы ее партколлектив вел постоянную борьбу за дисциплину и единство партии, так как часть студентов принесла в школу ряд ненормальностей бытового характера и крестьянских настроений, а также – и отдельные контрреволюционные настроения. Они проявлялись в антикоммунистических высказываниях некоторых студентов, в распространении троцкистских взглядов, как отдельными студентами, так и преподавателями в своих лекционных курсах. Борьба за чистоту партии усиливалась в связи с чисткой партии от враждебных элементов и проверкой партийных документов, активизацией борьбы с левым, троцкистским и «правым» уклонами. В результате этой борьбы были допущены значительные перегибы, в ходе которых были подвергнуты исключению из рядов партии, как примиренцы к троцкизму, ректоры школы: Николай Алексеевич Луцкой (август 1934 г.) [11, л. 15–16, 21]; Владимир Яковлевич Розен, член ВКП(б) с 1919 г. [12, л. 302, 400]; Василий Пантелеймонович Чаплиев, член ВКП(б) с 1924 г. [13, л. 145–147, 11–12].

В ноябре 1936 г. на должность ректора Курской ВКСХШ был назначен Иван Сергеевич Бабкин. Поскольку на эту должность он был рекомендован бывшим председателем облземотдела, а потом председателем областного комитета партии по сельскому хозяйству Барминым, оказавшимся «врагом народа», и его обвинили в пособничестве «врагам народа», исключили из партии и сняли с должности. В декабре 1937 г. временно исполняющим обязанности ректора ВКСХШ был назначен Владимир Зиновьевич Хоменко [14, л. 150].

Впоследствии Н. А. Луцкой и И. С. Бабкин были реабилитированы и восстановлены в партии.

Немало было выявлено случаев в извращении «генеральной линии партии» и в преподавании общественных наук. Как отмечал на VI городской партийной конференции 26 мая 1937 г. В. З. Хоменко, в школе с 1934 г. и по настоящее время выявляются враги народа – троцкисты А. П. Фокина, Ладыженский, Д. С. Уронич [15, л. 159]. К «врагам народа» были отнесены преподаватели Рудаков, Таршинов, Шебаев и др. [16, л. 1–6].

19 октября 1934 г. на заседании бюро Курского обкома партии был заслушан доклад секретаря Курского горрайкома ВКП(б) П. Г. Федина об извращениях линии партии в преподавании экономической политики в Курской ВКСХШ. Обком ВКП(б) постановил преподавателя Ладыженского за протаскивание троцкистских установок и извращение линии партии в основных вопросах экономической политики из партии исключить и снять с работы и. о. директора пединститута. То же касалось и ассистента Костина. Бывший ректор ВКСХШ Н. А. Луцкой за примиренческое отношение к протаскиванию троцкистских установок и извращение линии партии в преподавании экономической политики, за непринятие мер к своевременному вскрытию и разоблачению троцкистских установок преподавателей Ладыженского и Костина был исключен из рядов партии. То же

касалось Попова, проректора по учебной работе [17, л. 71–74]. Был обвинен в примиренческом отношении к контрреволюционной деятельности троцкистов, право-оппортунистическом уклоне и двурушничестве и исключен из партии профессор кафедры всеобщей истории Сербенто Бронислав Андреевич, 1898 г. р. член ВКП(б) с 1925 г. [18, л. 34].

Естественно, такие увольнения преподавателей кафедр общественных наук не способствовали стабильности преподавательского состава школы, что, несомненно, отрицательно сказывалось на учебном и воспитательном процессе. Поэтому школа постоянно нуждалась в квалифицированных преподавателях, особенно общественных наук.

В соответствии с решением бюро Курского ОК ВКП(б) от 4 апреля 1936 г. для укрепления Курской ВКСХШ ЦК ВКП(б) направил в школу Недокладова, Орделян, Волжина, Носырева, Ермакова, Бабичева и др. [19, л. 1–5].

Немало и студентов школы за высказывание антисоветских, троцкистско-зиновьевских взглядов, бытовое разложение и неуспеваемость было исключено из партии и из школы. За 1933–1934 г. по разным причинам исключено из школы 109 человек. В основном за неуспеваемость и антипартийные поступки [11, л. 42–43, 107–109]. За 1935 г. исключено из партии 14 человек, наложено партвзысканий – 50. Насколько была острой политическая борьба в партийной организации ВКСХШ, говорит и тот факт, что из 166 вопросов, обсуждавшихся на заседаниях парткома школы в 1935 г., 60 вопросов были посвящены извращениям в преподавании, антипартийным разговорам и партпроступкам [20, л. 40].

За антикоммунистические высказывания и пособничество троцкизму исключены из партии студенты: Бондалетов, Сальцев, П. М. Новиков, П. Е. Гринев, П. А. Кельин, Кравцов, Макаров, Зензинов, Иващенко и др. [21, л. 64; 61–64; 13–14 и др.].

Исключения из партии приняло особый размах в 1937 г. Дело дошло до того, что под видом повышения большевистской бдительности некоторые преподаватели и студенты писали клеветнические доносы друг на друга. Это наглядно проявилось в ходе обсуждения 1 декабря 1937 г. на заседании парткома школы, протокол № 34, как оказалось, клеветнической статьи, помещенной в газете «Курская правда» 29 ноября 1937 г. под заголовком «Кому доверено воспитание кадров». В ней, в частности, обвинялся ректор школы И. С. Бабкин в связях с врагом народа Бирманом, который, как уже отмечали, рекомендовал И. С. Бабкина на пост ректора школы. В ходе обсуждения статьи, выступавшие – Лепешкин, Кустов, Степченко. Галкин, профессор Орделян и др. – обвиняли ректора И. С. Бабкина во всех грехах. В результате обсуждения данного вопроса Бабкин Иван Сергеевич, член ВКП(б) с 1918 г., рабочий, работавший в ВКСХШ с ноября 1936 г., за связь с врагами народа, проводивших свою вражескую работу в школе, за развал педагогической и хозяйственной работы в школе, за зажим критики и присвоение государственных средств был исключен из партии [22, л. 233–247]. В целом в течение 1937 г. в партком школы поступило 59 компрометирующих материалов, из них до января 1938 г. рассмотрено 22, необоснованно исключено 8 чел. [23, л. 124].

Этой вакханалии по поискам «врагов народа» положил конец январский 1938 г. пленум ЦК ВКП(б). В постановлении пленума резкой критике был подвергнут и Курский обком партии [24, с. 303–312]. Как отмечалось на общем партийном собрании школы 10 мая 1938 г., после января 1938 г. из 59 дел было рассмотрено 34 материала, выявлены факты клеветы. Например, на Лукьянченко поступило 6 жалоб. Особенно проявлял активность в написании жалоб некто Ерохов, который, по словам одного из выступавших, хотел перебить кадры нашей

партии [23, л. 49, 124]. Исключенные незаконно из партии – Сотников, Бабкин, Будянский, Енюков, Лобода, Плюшев, Русаков, Соболев, Титов и др. – были реабилитированы [23, л. 49, 60, 71, 118].

Конечно, особо важное место в работе школы занимала деятельность Курского обкома, горкома, райкомов ВКП(б) и ректората по набору контингента студентов и их обучению. К сожалению, в отчетах не всегда имеются сведения о количественном наборе студентов за тот или иной год. Имеются общие списки о наличии в школе членов партии и кандидатов в члены ВКП(б), в которых не всегда выделялись слушатели ВКСХШ. Точно такие же сведения даются и о выбывших коммунистах из школы. Нет сведений и том, сколько человек обучалось на том или ином отделении, на том или ином курсе. Имеются данные о количестве групп и сколько в них студентов.

Выше мы уже отмечали, что в 1932/33 г. в школу на 3-х, 2-годичные и подготовительное отделения было принято 153 чел., из которых вскоре 12 чел. покинули школу. Основная масса студентов, принятых в школу, была выходцами из деревни: это рабочие совхозов, МТС и колхозное крестьянство, имевших в основном начальное образование. В новом учебном 1933/34 г. планировалось увеличить число студентов до 350 чел., то есть набор на 1934 г. определялся в количестве 200 чел. [4, л. 47].

Как отмечалось на IV городской партконференции (январь 1934 г.), в ВКСХШ обучались 350 студентов [25, л. 194]. Значит, план по новому набору студентов на 1934 г. в количестве 200 чел. был выполнен.

Учитывая трудности с набором абитуриентов в школу, Курский горком, а в последствие Курский обком партии, своевременно старались известить райкомы партии о подборе направляемых в школу лиц, добиваясь, чтобы среди них были представлены достойные труженики колхозов, МТС, местных партийных и советских органов. Например, вопрос о комплектовании ВКСХШ на 1935 г., обсуждался на заседаниях бюро Курского горкома ВКП(б) 17 мая 1934 г., [26, л. 95], 9 июля 1934 г. на бюро Курского обкома ВКП(б). Бюро обкома партии констатировало, что многие райкомы партии не выполнили директивы обкома ВКП(б) ЦЧО от 10 мая 1934 г. по подбору и командированию кандидатов в школу. Не соответствовало и качество присылаемых абитуриентов, в результате чего отсеб составил 50–60 %.

Курский обком ВКП(б) обязал райкомы партии в декадный срок выполнить разверстку, отобрать и выслать на отобранных кандидатов материал в школу, обратив особое внимание на соблюдение правил приема. Для отбора кандидатов в школу рекомендовано создать мандатную комиссию под председательством Гусева в составе Луцкого, Вальдена и Соловьева [27, л. 135].

Кстати, новый набор студентов на 2-х и 3-годичные отделения на 1934/35 г. планировался в количестве 260 чел. Предполагалось, что все студенты нового набора в сентябре – ноябре 1934 г. будут пропущены через подготовительное отделение [28, л. 22]. Судя по данным списка членов и кандидатов в члены ВКП(б) первичной организации ВКСХШ, поступивших в школу на 21 декабря 1934 г., узнаем, что на 3-годичном отделении в группах 1–5 числились 103 чел., на 2-годичном отделении в группах 1–10 – 173 студента, членов и кандидатов в члены ВКП(б) [29, л. 1–15]. Как видим, на 1934/35 учебный год в Курскую ВКСХШ было принято 276 студентов, членов ВКП(б).

Большинство набранных студентов имели низшее образование. Многие из них работали на различных партийных, советских и хозяйственных должностях в районах и деревнях: инструкторами райкома и райисполкома, председателями

сельсовета и колхоза, бригадирами, звеньевыми, избачами и т. п. В 1935 г. впервые было набрано 3 группы комсомольского отделения в количестве 40 чел. На 28 февраля 1935 г. школе насчитывалось 474 студента коммуниста, (включая кандидатов) и 3 комсомольские группы в количестве 40 чел. А всего 514 студентов [29, л. 64].

В течение 1935 г. из школы выбыло 222 чел., в т. ч. окончивших школу 193 чел. Исключено 15 чел., ушли по болезни – 14 чел. В течение года прибыли еще 115 чел. [20, л. 6].

Данных о количестве студентов, которых планировалось принять 1935/1936 г., мы не имеем. С 15 января 1936 г. студентами комсомольского отделения 1-го курса набора 1935/36 г. было зачислено 60 чел. (группы № 1–3), студентами 3-годичного отделения в группу № 20 – 14 чел., студентами 2-годичного отделения в группу № 23 – в количестве 16 чел. [30, л. 16–18]. Итого набор 1935/36 г. составил 90 чел. Вероятно, приказы о зачислении студентов были и ранее, но их в фонде не обнаружено.

На март 1936 г. в школе обучались 416 студентов, из них – 306 коммунистов и 46 кандидатов в члены ВКП(б). Комсомольцев в школе обучалось 148 чел., из них состояло в членах ВКП(б) 51, в кандидатах – 19. Среди комсомольцев имелось 30 женщин. Обучение их вели 48 преподавателей [20, л. 7, 17, 22].

В феврале 1936 г. школой было выпущено 88 чел., в т. ч.: студентов 2-годичного отделения – 70, 3-годичного – 18; в декабре – 196 чел., в т. ч.: 2-годичного отделения – 109, 3-годичного отделения – 42, комсомольского отделения – 45 чел. Таким образом, в 1936 г. Курскую ВКСХШ окончили 284 чел. [31, л. 110].

Ряд студентов за отличную учебу, а также за активное участие в общественной работе был премирован. Так, Версенева, Левандовской, Нудлер и Кузнецову предоставлялась экскурсия в Москву, выдавалась библиотечка стоимостью 150 руб. и почетная грамота. 72 выпускника награждены почетными грамотами, часть из них получила экскурсию в Москву, другая часть – библиотечку стоимостью 50 руб. [32, л. 1–5].

В 1937 г. изменялись правила приема студентов на подготовительное и постоянное отделения ВКСХШ. В связи с повышением требовательности к комсельхозшколам сектор подготовки руководящих колхозных кадров сельхозотдела ЦК ВКП(б) разработал проект новых учебных планов, построенный в соответствии с новыми условиями приема (общеобразовательная подготовка в объеме неполной средней школы – 7 классов) и предусматривающий 2-годичный срок обучения.

Переход на новый план 1-го курса 2-годичного отделения набора 1936 г. начинался с 1 ноября 1936 г. Переход на новый учебный план 2-го курса 3-годичного отделения начинался в те же даты [33, л. 142–149].

В соответствии с этим проектом плана при Курской школе в 1937 г. создавалось одногодичное подготовительное отделение. Его целью была подготовка из лучших людей колхозов и совхозов студентов на основной курс ВКСХШ. Учащиеся годичного курса подготовительного отделения в течение года получали знания по общеобразовательным дисциплинам (русскому языку, математике, географии и естествознанию) в объеме семилетки, после чего, сдав экзамены, они переводились на основной курс ВКСХШ [33, л. 1].

К сожалению, автор не обнаружил полных данных о наборе студентов на 1936/37 г. Имеются противоречивые данные о наборе слушателей школы. Сошлемся на справку о комплектовании набора на 1937 г. в Курскую ВКСХШ. На годичное подготовительное отделение планировалось набрать 50 чел., поступило

заявлений 45, принято 26, отказано 8, вызвано на испытание 7 и не разобрано дел – 8. На основное 2-годичное отделение план приема составлял 160 чел., переведено с подготовительного отделения – 125, принято 29, итого – 154 чел. Не явились на испытание 26 чел. Не разобрано новых дел – 3. На комсомольское отделение планировалось набрать 40 человек, принято – 38, поступило новых дел – 11 [33, л. 86–87, 89–90].

Были и другие сведения о наборе в школу студентов на 1937 г. [33, л. 83, 84, 86, 210].

Были случаи, когда из-за недобора студентов мандатная комиссия по приему могла и позже проводить собеседования с абитуриентами и зачислять их на то или иное отделение. В 1937 г. школой было выпущено 143 чел., в т. ч. в июле – 57 студентов 3-годичного отделения, в декабре – 55 студентов 2-годичного и 31 студент комсомольского отделений [31, л. 110]. План набора абитуриентов на 1937/38 г. неоднократно менялся. С начала он был установлен в количестве 300 чел., затем – в количестве 200 чел. [34, л. 25–31, 322 об.].

Как и в прежние времена, комплектование Курской ВКСХШ проходило с большим трудом. Райкомы партии области не спешили выполнять решения Курского обкома ВКП(б). Им об этом приходилось неоднократно напоминать. Как информировал и. о. ректора В. З. Хоменко на заседании парткома школы 16 января 1938 г. ЦК ВКП(б) дал разнарядку принять на учебу в школу на подготовительное отделение 50 чел. и на основное – 100 чел. Принято же было 160 чел.

Образовательный уровень принятых оставался очень низким. На подготовительное и основное отделения даже были приняты люди, имеющие неудовлетворительны отметки, особенно по русскому языку. Основную часть принятых в школу слушателей составляли коммунисты, кандидаты в члены партии и комсомольцы. Многие из них работали председателями колхозов и сельсоветов, звеньевыми и бригадирами. Среди принятых было 11 орденосцев. Одна из орденосцев (орден Ленина) Дадыкина Наталья Федоровна в 1937 г. получила с 1 га 1000 ц сахарной свеклы. Она принята в школу вместе с мужем.

Студентов разместили в общежитии по группам, а орденосцам предоставили: холостякам на 2–3 человека комнату с хорошим оборудованием, а Н. Ф. Дадыкиной – семейную комнату с хорошей мебелью. Также орденосцам-студентам для улучшения их материального положения добились в облисполкоме 20 тыс. руб. для дотации к их стипендии.

Занятия начались вовремя, с 16 января 1938 г. Правда, часть студентов еще на занятия не прибыла.

С укомплектованием преподавательского состава дело обстояло плохо, так как в школе не было ни одного преподавателя по всеобщей истории, а их нужно 3 чел., по ленинизму – 3 чел. Не было заведующих кафедрой: истории СССР, механизации сельского хозяйства, экономической географии, по организации сельскохозяйственного производства, агрономии. В целом недоставало 11 человек.

С учебниками также дела обстояли плохо. Много учебников изъято. Были учебники, в которых фигурировали враги народа. Предложено зачеркнуть эти названия и временно использовать эти учебники [35, л. 1–4, 14, 42–46].

5 июля 1938 г. на бюро Курского обкома партии был рассмотрен вопрос о распределении студентов, окончивших 3-годичное отделение ВКСХШ. Обком утвердил, представленный облсельхозотделом список студентов в количестве 30 чел. Из них 23 чел. направлялись на работу в Курскую область, а 7 выпускников – в Орловскую область [36, л. 3, 5]. В декабре 1938 г. состоялся выпуск студентов 2-годичного обучения в количестве 78 чел., из них 20 выпускников направлялись в

Орловскую область [37, л. 1–5]. Как видим, в 1938 г. Курская ВКСХШ выпустила 108 специалистов сельского хозяйства.

В 1939 г. в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 февраля 1939 г. было принято решение реорганизовать Курскую ВКСХШ в Курский межобластной колхозный сельскохозяйственный техникум с 2-годичным сроком обучения [38, л. 51–52].

Итак, созданная в 1932 г. по указанию ЦК ВКП(б) Курская высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа по 1938 г. включительно подготовила для сельского хозяйства области, по неполным данным, 956 специалистов. Можно ли говорить о качестве их подготовки, имея в виду, что вплоть до 1937 г. в Курскую ВКСХШ в основном поступали лица, имевшие весьма низкую общеобразовательную подготовку? С 1937 г. в школу начали набирать выпускников семилетних школ, имеющих опыт партийной, советской и хозяйственной работы на селе. Но и среди них немало было слабо подготовленных.

Учитывая эти факты, преподавательский коллектив школы многое делал для повышения знаний слушателей школы. Речь идет не только о совершенствовании лекционных курсов и методических пособий, качестве проводимых семинарских занятий, об укреплении дисциплины, активизации самих студентов в борьбе за качество учебы. Этим вопросам уделяли постоянное внимание ректорат школы, партийный комитет, первичные партийные организации отделений. Они не сходили с повестки дня их заседаний.

Кстати, в 1937 г. в школе числилось 7 кафедр: политэкономии, ленинизма и диамата, истории России, истории ВКП(б), животноводства, агрономии, механизации.

Наряду с кафедрами были и предметные комиссии: русского языка, химии и биологи, физики и математики, экономической географии.

Обучение студентов в школе вели 43 преподавателя, из них: один профессор (М. С. Орделян), 3 и. о. профессора (В. И. Вожин, В. Д. Недокладов и Яшиш), 18 доцентов или и. о. доцентов, остальные – ассистенты и преподаватели [39, л. 75–76].

Для повышения знаний будущих специалистов в школе было создано подготовительное отделение, абитуриентам предоставлялся оплачиваемый отпуск для подготовки к экзаменам, преподаватели работали над совершенствованием своих лекций, планов семинарских занятий.

В повышении успеваемости и дисциплины важное место занимало социалистическое соревнование. Курская школа соревновалась с Воронежской. В соревновании участвовали кафедры, преподаватели, студенческие отделения и лично студенты. По существу все студенты были охвачены индивидуальным соревнованием. В решении этих задач участвовала студенческая стенная печать и общешкольная газета «За большевистские кадры».

В сентябре 1934 г. в школе был объявлен внутришкольный конкурс на лучшую группу. По внутришкольному конкурсу были установлены премии: 1-я премия – 830 руб., 2-я – 500 руб. и 3-я премия – 300 руб. Ударники имели преимущества: получали хлеб вне очереди при карточной системе, увеличенные нормы продуктов, посылку на курорты и в дома отдыха, выдавали и премии. Всего премии получили 64 чел., в т. ч. 4 женщины [40, л. 5].

В результате соцсоревнования укреплялась дисциплина в школе, повышалась успеваемость студентов. Например, посещаемость в среднем за 1935 г. составляла 98,4 %, за январь 1936 г. – 94,3 %. Пропуски были в основном по болезни.

Успеваемость за 1935 г. составила: «отлично» – 10,3 %, «хорошо» – 39,6 %, «посредственно» – 45,7 %, «плохо» – 4,4 %; за январь 1936 г. соответственно – «отлично» – 18,2 %, «хорошо» – 52,4 %, «посредственно» – 24,5 %, «плохо» – 0,6 % [20, л. 24].

Несмотря на то, что в организации соцсоревнования было немало формализма, все же оно, несомненно, способствовало повышению знаний студентов. Учитывая, что ВКСХШ была не просто школой, которая давала специальные знания, а коммунистической школой (подчеркнуто автором), студентам, помимо занятий по общественным наукам, прививались навыки пропагандиста и агитатора. Наряду учебной работой коммунисты школы принимали активное участие в общественно-политической работе. Например, на начало 1934 г. 54 студента школы работали в сети партпросвещения города. В целях политического воспитания студенчества в школе работали политкружки, 2 раза в месяц проводились теоретические однодневки.

Коллектив школы участвовал в хозяйственно-политических кампаниях: в весеннем севе, уборке зерновых и свёклы, в хлебопоставках [25, л. 194].

Партийная организация школы стремилась вовлечь как можно больше студентов в различные общественные, спортивные и оборонные организации: ОСОАВИАХИМ, МОПР, спортивное общество «Колосс» и т. д. Студенты принимали активное участие в подписке на периодическую печать, на займы индустриализации. Большое внимание уделялось военной подготовке слушателей. В школе на добровольной основе был создан батальон в составе 3-х рот: 1-я рота из 3-го отделения, 2-я рота из 2-го отделения и 3-я рота из комсомольского отделения. Одновременно были назначены командиры роты и политруки роты, комвзоды, помкомвзоды и командиры отделений [30, л. 40]. За осоавиохимовскую работу школа награждена областным переходящим Красным знаменем и занесена на Всесоюзную доску почета.

Членством ОСО и МОПР были охвачены все студенты школы [20, л. 50–51]. Так, в добровольные общества ОСО входили 410 чел., из них ворошиловских стрелков – 215, в ПВХО – 117, ГСО – 52, МОПР – 424. СВВ – 216, спортивное общество «Колос» – 76 человек [23, л. 126].

В школе были организованы кружки: немецкого и английского языков, литературно-художественный, драматический, спортивный. В январе – феврале 1936 г. проведено 5 вечеров художественной самодеятельности. Организовано 4 коллективных посещения театра [20, л. 23].

В школе обучалось немало передовиков производства: председателей колхозов, бригадиров, звеньевых, механизаторов. В 1936 г. в ВКСХШ обучались 10 орденосцев и один член ВЦИК – Чужина Агафья Яковлевна, 1915 г. р., член ВЛКСМ [41, л. 15]. В 1938 г. в школе обучалось 18 орденосцев и 2 члена ВЦИК (фамилии не указаны). Среди орденосцев 4 человека награждены орденами Ленина, 6 – орденами Трудового Красного Знамени, 8 – орденами Знак Почета. Среди них, как уже отмечалось, была и Н. Ф. Дадыкина [31, л. 42, 49, 50, 53].

После январского 1938 г. пленума ЦК ВКП(б) в школе несколько активизировалась массово-политическая работа, повысилась успеваемость студентов. Так, на 1 мая 1937 г. отличников было 14 %, учились на «хорошо» – 49,4 %, на «удовлетворительно» – 34,1 %, на «неудовлетворительно» – 2,5 %, на 1 мая 1938 г. отличников стало 19,4 %, учились на «хорошо» – 44,8 %, на «удовлетворительно» – 26,9 %, на «неудовлетворительно» – 1,4 %. В 1938 г. отличников насчитывалось 28 чел., ударников – 99, в 1937 г. – соответственно 78 и 58 чел. [23, л. 126].

В данной работе мы не можем детально показать, куда и на какие должности направлялись выпускники школы, хотя такие материалы имеются почти по каждому выпуску. Основная масса их направлялась на должности директоров МТС и их заместителей по политчасти, директоров совхозов, председателей колхозов, на различные должности в райкомы партии и райисполкомы, в распоряжение облЗУ, выпускников комсомольского отделения – в райкомы комсомола и т. п.

Так, в соответствии с постановлением бюро Курского обкома партии от 21 января 1936 г. (выпуск 1935 г.) о распределении студентов, окончивших 3-х годовичное отделение, А. Г. Бобылева направили пред. райплана Иванинского района, М. В. Бренер. – на ту же должность в Урицкий район, А. Н. Колесникова – заврайвнуторгом Глазуновского района, П. А. Кельина – управотделом Юматовского свинокомплекса, Т. А. Милостную – зам. зав. райЗО Корсаковского района [42, л. 196]. Из 140 человек, окончивших школу в июле 1936 г., основная масса выпускников направлялась в районы области на должности заместителей директоров МТС по политчасти, некоторые – директорами МТС, председателями колхозов, сельсоветов и др.

Так, выпускница 10-й группы Миронова, Мария Георгиевна направлялась в Курский горисполком, Новиков, Алексей Никитович – в г. Курск, на комсомольскую работук, Тубольцев, Антонович – Курск (институт массового заочного обучения) ИМЗО, Мезененцева, Мария Алексеевна – Курск, КОГИЗ. Остальные направлены в районы области [39, л. 64–69, 91].

По решению бюро Курского обкома партии значительная часть выпускников 1938 г. также направлялась на должности директора и заместителя директора МТС по политчасти, зам. начальников политотделов совхозов и др. должности. Например, А. А. Ветков направлялся на должность директора Беловского свеклосовхоза Беловского района, Е. И. Носова – зам. начальника политотдела Валуйского зерносовхоза Валуйского района, Б. З. Скоморохов – зам. управляющего областной конторы Заготзерно и т. д. [37, л. 1–5].

В соответствии с постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) от 23 июля 1937 г., из 46 студентов, окончивших 3-х годовичное отделение, 11 выпускников распределили на должность зам. директора МТС по политчасти, 4 – директора МТС, 5 – зав. райЗО, 12 – в отдел пропаганды, агитации и печати и т. д. [44, л. 48–50].

Итак, несмотря на многие трудности, с которыми столкнулась Курская ВКСХШ во время ее работы, преподавательский коллектив школы за 1932/33–1937/38 гг. сумел подготовить около тысячи специалистов районного и низового сельского звена, которые, несомненно, в 30-е гг. XX столетия сыграли важную роль в завершении сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, совхозов и МТС, в дальнейшем развитии сельского хозяйства области о чем, несомненно, свидетельствуют факты развития советского предвоенного села.

Источники и литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 901.
2. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1801.
3. ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1806.
4. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1809.
6. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 287.

7. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 306.
8. ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2206.
9. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 4.
10. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 11.
11. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 19.
12. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 12.
13. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 450.
14. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 82.
15. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 478.
16. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 31.
17. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 17.
18. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 26.
19. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 63.
20. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 43.
21. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 3.
22. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 68.
23. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 80.
24. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8, доп. и исправленное. Т. 5. М., 1971.
25. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 331.
26. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 340.
27. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 10.
28. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 16.
29. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 20.
30. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 54.
31. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 91.
32. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 55.
33. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 92.
34. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 91.
35. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 82.
36. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1332.
37. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 85.
38. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1721.
39. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 57.
40. ГАОПИКО. Ф. П-2042. Оп. 1. Д. 36.
41. ГАОПИКО. Ф. П-2878. Оп. 1. Д. 518.
42. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 380.
43. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 831.

О. А. Черников

ВОЗДЕЛЫВАНИЕ КОК-САГЫЗА В КОЛХОЗАХ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Общеизвестно, что натуральный каучук обладает значительными преимуществами перед синтетическим. В результате ежегодно растет потребность в нем. Особенно остро данный вопрос встал в последнее время, так как происходит сокращение посадок гевеи и, следовательно, резко растет стоимость собираемого сырья.

В этих условиях во многих странах заговорили о необходимости выращивания других видов каучуконосов и, в первую очередь, кок-сагыза, многолетнего травянистого растения, известного во всем мире как «русский одуванчик».

Данное название очень условно. В естественных условиях растение произрастает в Средней Азии, на территории Казахстана, Киргизии и Узбекистана.

Мировая известность к нему пришла в 30-е гг. XX в. В это время СССР остро нуждался в каучуке. Рассматривались различные способы решения проблемы. Созданный в этот период синтетический каучук серьезно уступал натуральному.

Перед учеными была поставлена задача найти отечественный заменитель гевеи. В результате на Тянь-Шане было найдено неизвестное ранее науке растение, которое местные жители называли «кок-сагыз» (с казахстанского – «зеленая жвачка»).

В начале посевы кок-сагыза окультурили в Казахстане, на территориях, прилегающих к районам природного произрастания. Затем они были перенесены в Запорожскую и Курскую области. С 1934 г. кок-сагыз появился в Тульской и Ярославских областях. Позднее ареал его возделывания охватил северные области Украины, средней полосы России и Белоруссию [24, с. 325–326].

Таким образом, именно Курская область являлась своеобразным «первопроходцем» в сфере выращивания каучуконосов.

В Государственном архиве Курской области на хранении находится фонд Р-4454. Обложка описи фонда ярко отражает историю учреждения, документы которого в нем сохранены. Начиная с 1 февраля 1936 г. это Курское организационное бюро государственного Всесоюзного треста по разведению, сбору и первичной обработке каучука (оргбюро «Каучуконос»). С 19 августа 1936 г. – Курская областная контрактационно-заготовительная контора государственного Всесоюзного треста по разведению, сбору и первичной обработке каучука (оргбюро «Каучуконос»). С 28 января 1939 г. – Курская областная контрактационная контора государственного Всесоюзного треста растительного каучука (облконтора «Союзрасткаучук»). С апреля 1943 г. – Курская областная контрактационно-заготовительная контора Главного управления промышленности растительного каучука Министерства резиновой промышленности СССР (облконтора «Главкаучук»). С января 1954 г. по 15 октября 1955 г. (то есть до момента ликвидации) – Курская областная контрактационно-заготовительная контора Главного управления резиновой промышленности Министерства химической промышленности СССР (облконтора «Главрезинпром»).

Материалы фонда содержат значительное количество сведений, позволяющих получить представление о выращивании кок-сагыза в колхозах Курской области начиная с 1937 г.

О месте нашей области в данной деятельности говорит тот факт, что согласно постановления СНК СССР №626 от 16 апреля 1937 г. план сева кок-сагыза в колхозах всего СССР составлял 16 000 га. Распределение было следующим: Курская и Воронежская области по 3 000 га; БССР, Московская и Ивановская области по 2 000 га; УССР, Казахская ССР и Куйбышевская область по 1 000 га; Татарская и Башкирская АССР по 500 га [2, л. 9].

Как свидетельствуют архивные документы первоначально до таких показателей было еще далеко. Так, согласно плану контрактации корней и семян кок-сагыза урожая 1937–1938 гг., утвержденного Приказом уполномоченного СНК СССР по Курской области и областного земельного управления № 556 от 1 июня 1937 г., к моменту издания данного приказа в наличии было только 687 га уцелевших посевов (44 га двухлетних, 643 га однолетних). С них планировалось получить 4 465 ц корней и 23,69 ц семян. Но на следующий 1938 г. план контрактации составлял уже 22 500 ц корней и 90 ц семян [2, л. 5, 7].

Посевами должны были быть охвачены колхозы 19 районов в границах региона на начало 1937 г., но в том же году 8 из них вошли в состав Орловской области.

Несмотря на это сокращение площадей, запланированных под посадку кок-сагыза, фактически не произошло. Так постановлением Президиума Курского облисполкома от 23 октября 1937 г. план посева осенью 1938 г. составлял 2 300 га в 12 районах области: Воловском – 350 га, Глазуновском – 250 га, Мало-

Архангельском – 150 га, Поньровском – 200 га, Золотухинском – 200 га, Фатежском – 250 га, Бесединском – 150 га, Свободинском – 200 га, Горшеченском – 150 га, Ясеновском – 100 га, Ястребовском – 200 га, Ленинском – 100 га.

В этом же постановлении содержится четкое указание оставить под кок-сагыз лучшие поля, ровные и с близким стоянием грунтовых вод: «... Предложить председателям райисполкомов, зав. РайЗО и директорам МТС выделение участков на посев осенью 1938 г., их подготовку. Обеспечение в зимний период навозом и местными удобрениями поставить в центр внимания своей повседневной оперативной работы» [2, л. 55]. Таким образом, о месте отводимом данной культуре говорит то, что ход работ планировался за год до посевной.

О «капризности» новой культуры свидетельствуют агроуказания по кок-сагызу на 1940 г., в которых отмечалось: «Лучший рост и развитие кок-сагыза получается на хорошо увлажненных, рыхлых, не склонных к образованию корки почвах, заправленных удобрениями. Наиболее пригодными для кок-сагыза почвами являются: окультуренные торфяники, пойменные почвы, черноземы среднего механического состава, слабо оподзоленные суглинки, серолестные почвы с мощным пахотным горизонтом. Основным условием при выборе участка под посев кок-сагыза является культурное состояние почвы, с высоким уровнем ее плодородия. При выборе участка под кок-сагыз следует обратить внимание на чистоту от сорняков и от почвенных сельскохозяйственных вредителей, главным образом хрущей и проволочников. Участки, зараженные в среднем на 1 кв. метр больше чем 3–4 личинкам проволочника или больше одной личинки хруща, под посев кок-сагыза непригодны. На участках, засоренных злостными сорняками (пыреем, осотом и др.), посев кок-сагыза запрещается. Рельеф участка должен быть выравненный. Незначительные пологие склоны в отдельных случаях могут допускаться только в том случае, если площадь не подвергается размыванию. <...> Наилучшими предшественниками кок-сагыза являются унавоженные конопляники, приусадебные участки, табаки и унавоженные чистые пары, незараженные сельскохозяйственными вредителями, озимые идущие по унавоженному чистому пару, черному или раннему, и многолетним травам. Посев кок-сагыза по озимым допускается в том случае, если они были посеяны по удобренному чистому пару с обязательным внесением дополнительно навоза непосредственно под кок-сагыз» [4, л. 10].

На практике же в большинстве колхозов просто не имелось достаточного количества отвечающих данным требованиям земель. Сказывались и погодные условия.

Так весна 1940 г. оказалась сложной. Рост кок-сагыза шел медленно. Послеливней образовалась корка. Во многих местах области имели место поражение всходов долгоносиками. Устранять все это приходилось вручную. В рекомендациях Курской научно-исследовательской станции от 3 июня 1940 г. отмечалось: «Долгоносики должны тщательно выбираться вручную и уничтожаться. Корка хорошо разрушается железными щетками и вручную деревянными палочками по типу столового ножа». После же обработки щетками следовало проводить «легкое разметание рядка маленьким веничком» [4, л. 20].

В целом в 1940 г. посевные площади кок-сагыза в 23 районах Курской области составляли 7 451 га (двухлетних – 1 205 га, однолетних – 6 246 га). Уборка корней была произведена с 4 825 га однолетних плантаций и 1 205 га двухлетних. С однолетних плантаций собрано 3 082 ц (урожайность 0,63 ц с га), а с двухлетних – 2 590 ц (урожайность – 2,15 ц с га). Семена были собраны только с двухлетних плантаций – 118 ц (0,1 ц с га) [5, л. 1].

Таким образом, видим, что урожайность была достаточно низкой. И главные причины этого скрывались не только в погодных условиях. Проблемы были связаны с некачественной работой уполномоченных органов, заготпунктов и т. д. Колхозам не вовремя поставлялись семена, перечислялись деньги. Сказывалось и негативное отношение к данной культуре среди колхозников [3, л. 50–50 об., 61–61 об.].

Там же где работа велась должным образом результаты были иными. Например, осенью 1940 г. поездкой на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку была премирована звеньевая колхоза «Новые всходы» Поньровского района А. И. Лыткина «в результате комплексного применения агромероприятий по кок-сагызу и применения стахановских методов в работе по выращиванию семян и главным образом корней, давшую с 2-летних плантаций урожая 1940 г. наивысший урожай за целый ряд лет в Курской области с площади 3,3 га по 28 ц сырых корней с гектара и семян по 48 кг с гектара ...» [3, л. 53 об.].

Что же касается следующего 1941 г., то в колхозах 25 районов области было подготовлено 7 914 га посевов (6 496 га однолетних и 1 418 га двухлетних) [5, л. 4]. Основная часть этих плантаций погибла, а 1 927 га в 1942 г. была убрана оккупантами [6, л. 10].

Сразу же после освобождения части территории области начинается восстановление работ по кок-сагызу. 26 апреля 1943 г. исполком Курского Облсовета принимает решение «О мерах по расширению посевов и повышению урожайности кок-сагыза в колхозах области». До 10 мая предусматривалось провести полную инвентаризацию оставшихся плантаций, установить их состояние, учесть сохранившиеся в колхозах семена и корни. К 1 июня следовало восстановить сеть заготовительных пунктов и укомплектовать их специалистами. Курской областной конторе Главрасткаучука предлагалось до 15 июня законтрактовать площадь посевов в довоенном объеме. Облисполком так же утвердил нормы урожайности корней в 8,5 ц и семян 20 кг с гектара. Были восстановлены все варианты поощрений за перевыполнение плана, включая право получения различных товаров первой необходимости (резиновых изделий, мануфактуры, обуви и т. д.) [5, л. 10–12].

В течении 1943 г. местные органы власти неоднократно обращались к проблеме выращивания кок-сагыза, но реальных результатов так и не было достигнуто. Сказывались как причины военного времени (ведение боевых действий, отсутствие кадров, техники и т. д.), так присутствовал и сохранявшийся формализм в работе [5, л. 15–17; 6, л. 10].

Практически никакой агротехнической работы по кок-сагызу не проводилось. В 3 районах (Глазуновский, Обоянский, Фатежский) была попытка весеннего сева на 96 га. Осуществленный с большим опозданием не подготовленными и не кондиционными семенами данный сев оказался не удачным. Всходов на всей площади не было получено.

Был сорван и зимний подсев. Из запланированных 1 500 га в 9 районах области было подготовлено только 800 га. Фактический посев был произведен на площади 779 га. При этом имеющиеся семена были не очень высокого качества. Из 2 995 кг в пределах 2-го класса – 890 кг, 3-го класса – 2 106 кг. Все это не могло не сказаться на результатах следующего года. [6, л. 8–9].

Не лучше было и с заготовительными операциями. На 1 июня 1943 г. сохранилось только 1 300 га сильно ослабленных и заросших сорняком плантаций. К моменту уборки из них осталось только 475 га. Уборочная началась поздно (в последней декаде августа), проводилась в основном вручную, урывками от других

работ. В итоге план заготовок корней кок-сагыза по области был выполнен только на 4,3 %. Семена заготовили только 2 колхоза – 22 кг [6, л. 10].

Следующий 1944 г. оказался не менее сложным. В него область вступила не имея каких-либо четких планов по выращиванию кок-сагыза. Не был предусмотрен даже весенний посев. Тем не менее ряд районов (Медвенский, Золотухинский, Бесединский, Свободинский, Фатежский), сорвавших подзимний посев 1943 г., произвели посев на 75 га. Но в связи с тем, что посевная проводилась поздно, без соблюдения агротехнических требований, всходы оказались достаточно слабые. Не получившие должного ухода они в дальнейшем фактически повсеместно погибли [7, л. 6–7].

На день инвентаризации посевов (1 июня 1944 г.) по области в качестве семенных было оставлено только 8,5 га посевов (Золотухинский район – 7,5 га, Медвенский – 1 га) [7, л. 7].

В отчете областной конторы «Главкаучукпрома» за 1944 г. перечислены причины массовой гибели посевов: 1) несвоевременная (поздняя) и не качественная (без боронования и культивации) обработка почвы – 117,6 га (36 колхозов); 2) глубокая тракторная заделка семян – 105 га (32 колхоза); 3) ранний посев (замерзание посевов) – 58 га (16 колхозов); 4) неудачный отвод земли (качество почвы) – 11 га (4 колхоза); 5) бугристые участки с большими склонами – 24 га (12 колхозов); 6) ливневые дожди, смывание посевов – 30 га (15 колхозов); 7) неблагоприятные условия погоды – 90 га (17 колхозов) [7, л. 9].

Сказался и ненадлежащий уход: «... на 1 июня и в дальнейшем с развертыванием уборочной кампании уход за кок-сагызом был прекращен или сильно ослаблен» [7, л. 8].

Присутствовало так же и нежелание районных организаций, МТС заниматься кок-сагызом.

На изменение такого подхода и ситуации в целом было направлено постановление СНК СССР № 909 от 22 июля 1944 г. «О мерах по укреплению сырьевой базы для производства натурального каучука», во исполнение которого Исполком Курского облсовета принял свое решение от 19 августа 1944 г. «О мерах по укреплению сырьевой базы для производства натурального каучука». Содержание местного документа фактически повторяло содержание общесоюзного. Даже средняя урожайность устанавливалась в тех же показателях, как и в среднем по всей стране (с однолетних посевов – 4 ц сырых корней, с двухлетних – 5 ц сырых корней и 10 кг семян с гектара) [5, л. 18–21].

Вот только с выполнением данных решений вновь возникли сложности.

Как отмечается в отчете областной конторы «Главкаучукпрома» «...К реализации постановления по Курской области приступили по вине ОблЗО с большим опозданием, в основном в сентябре месяце. Ко времени проведения подзимнего сева (1 ноября 1944 г.) в 8 районах было отобрано 197 колхозов, сеющих кок-сагыз. В них организовано 223 специализированных бригады, 516 звеньев. В бригадах трудоспособных – 4 045 человек ...» [7, л. 11].

Распределение по районам было следующим: Свободинский – 14 колхозов (300 человек), Медвенский – 12 (784 человека), Золотухинский – 26 (525 человек), Ленинский – 17 (216 человек), Фатежский – 24 (400 человек), Воловский – 36 (992), Тербунский – 35 (342), Поньровский – 43 (486) [7, л. 38].

Первоначально на осень 1944 г. планом был предусмотрен посев на 2 000 га. После же передачи двух районов (Глазуновского и Мало-Архангельского) в Орловскую область осталось 1 550 га в 8-и вышеуказанных районах. К моменту

посевной было подготовлено 1 158 га. При этом семян имелось только на 827 га. Фактический же посев состоялся на площади 180, 65 га.

Основными причинами срыва посевной в отчете областной конторы указывались неверный прогноз погоды и излишняя «заорганизованность» руководства посевной. Так по первоначальному приказу Народного комиссариата земледелия СССР срок сева в области предусматривался 10 ноября. В конце октября он был перенесен на 5 ноября, а позднее на 1 ноября. Пока же в районах «раскачивались» реально к севу приступили 3 ноября. 5 ноября по всей области пошел дождь. 7 ноября ударили морозы, а затем выпал снег. В итоге, например, в Медвенском и Фатежском районах даже не успели приступить к посевной [7, л. 7–8].

Не лучше обстояла ситуация с заготовками.

На 1 мая 1944 г. в области числились 871 га однолетних посевов. К 1 сентября их сохранилось 215,5 га. Уборкой же можно было охватить только 150 га (остальные были сильно слабыми, изреженными и засорены сорняком). Многолетних посевов (посадки 1940–1941 гг.) было на 1 мая 1944 г. 68,7 га. Но все они находились в очень плохом состоянии и подлежать уборке не могли [7, л. 8]. В связи с массовой гибелью однолетних и плохим состоянием сохранившихся посевов сбор с них семян колхозами не осуществлялся, за исключением Ленинского района, где было собрано 2 кг [7, л. 9].

Корней колхозы в 1944 г. сдали с многолетних плантаций 2 026 кг. Следует отдельно отметить, что все же сдатчики (колхозы, индивидуальные лица, Курская научно-исследовательская станция) собрали 4 290 кг сырых корней как с многолетних, так и однолетних полей [7, л. 10].

Не на много лучше оказалась ситуация в 1945 г. Сказался срыв подзимних посевов осенью 1944 г. Кроме того весной из-за нехватки семян удалось посеять только 390 га вместо запланированных 820 га.

В результате колхозы области имели к окончанию весенней посевной 527 га однолетних посевов, что составляло 57 % плана.

Проведенное в мае – начале июня обследование показало, что всходы появились только в 66 колхозах на площади 234 га. Из них хорошими признано было 48 га, удовлетворительными – 69 га. Остальные – плохие.

К осени положение ухудшилось. Инвентаризация, проведенная в сентябре, показала, что сохранилось только 146 га однолеток в 39 колхозах. Из них годных к оставлению на семенники – 50 га, то есть 8,7 % плана [9, л. 4, 6].

Гибель посев была связана с некачественными семенами, плохой обработкой посевов, особенно после начала уборки зерновых культур, когда часть каучуководческих бригад распалась [9, л. 5, 6].

Что же касается двухлетних плантаций, то их в 1945 г. насчитывалось 56 га в 46 колхозах [9, л. 6].

Результаты же уборочной были следующими. Семян колхозы сдали 393,6 кг (80 % плана). При проверке выяснилось, что часть из них некондиционные по всхожести. В итоге реальная сдача составила 285,6 кг (57 % плана). Корней кокагыза было заготовлено 148 ц (59 % плана) [9, л. 22].

Наиболее высокая урожайность была достигнута в колхозе имени 1 мая Ленинского района: корней – 13 ц с га, семян – 25 кг с га. Средний же урожай по области составил 3 ц корней и 5,7 кг семян с га [9, л. 3]. Показательным является то, что себестоимость корней была предусмотрена на 1945 г. 1 029 руб. 60 коп. за центнер, а фактически составила – 1 475 руб. 43 коп. [9, л. 9].

Осенью 1945 г. когда подошла пора подсева проблемы повторились. План предполагал посадку на 500 га в 7 районах. Семян же было в наличии лишь на 377 га. Посевную в Медвенском районе пришлось отменить, а в других районах снизить площади. В итоге было засеяно только 116 га [9, л. 7].

Причины провала посевной значились все те же: запоздание с подготовкой участков под посев, ослабление трудовой дисциплины, недостаточное внимание к севу районных организаций, погодные условия [9, 7–7 об.]. Кстати, в 1945 г. Курской областной контрактационно-заготовительной конторой был подготовлен 5-летний план восстановления и развития каучуководства в колхозах Курской области. Он предусматривал постепенное увеличение площадей кок-сагыза с 650 га в 1946 г. до 6 200 га в 1950 г. и увеличение урожайности корней с 4–5 ц с га до 6–7 ц с га соответственно [5, л. 1].

Весенняя посевная 1946 г. так же была сорвана. В связи с отсутствием семян удалось засеять только 84 га [10, л. 7].

После зимы из переходящих плантаций в 146 га в 6 районах области сохранилось только 52 га которые можно было использовать под семенники. В итоге, было заготовлено 263,3 кг семян при плане 520 кг. Корней же удалось заготовить 85 ц при плане 260 ц (33 % плана). В среднем с гектара было собрано 5 кг семян и 1,63 ц корней [10, л. 5]. Себестоимость заготовок в 1946 г. составила 160 руб. 39 коп. за 1 кг семян (планировалось – 152 руб.), 508 руб. 54 коп за 1 ц корней (планировалось – 404 руб.) [10, л. 11].

В очередной раз был «провален» и подзимний посев осени 1946 г. Он должен был быть проведен в 4 районах (Золотухинском, Ленинском, Поньровском, Свободинском) на площади 500 га. Реально засеяли 298 га в 42 колхозах [10, л. 9]. Таким образом план был выполнен на 59,6 %.

Основная причина невыполнения плана скрывалась не в бездеятельности колхозов, а в том, что план посева в 500 га был дан Министерством техкультур только в конце сентября. До этого он составлял 300 га. Колхозы просто не успели подготовить землю [10, л. 10].

Более успешным оказался следующий 1947 г. Весной было посеяно 276 га в дополнение к имевшимся 298 га подзимних. Всходы появились на всей площади, но к уборке уцелело 379 га. Кроме того, уборке подлежали еще 38 га двухлетних плантаций [12, л. 36–37]. Общее выполнение плана заготовок по корням составило 86 % (1 031 ц), а по семенам 37,4 % (564 кг). Конкретно: с двухлетних плантаций было собрано 43 ц корней (28,3 % от плана) и 155 кг семян (40,3 %); с однолетних плантаций 988 ц корней (94,47 %) и 409 кг семян (36,2 %). Средняя урожайность корней по области составила 4,6 ц с га, семян – 1,4 кг с га [12, л. 25, 34].

Ситуация могла быть на много лучше, если бы качественно поработали во всех районах. Но, если в Ленинском районе план по корням был выполнен на 241,4 %, а в Свободинском на 144,4 %, то в Золотухинском на 61,4 %, Воловском – 60 %, Поньровском – 47,21 %, Тербунском – 9,5 %. Схожая ситуация была и со сбором семян [12, л. 24].

Не выполнение плана было связано с «классическими» причинами. Так значительная часть однолетних плантаций погибла в следствии недостаточного ухода. Сказалось и то, что площади под кок-сагыз не были удобрены. В связи с недостатком тягловой силы в колхозах по-прежнему слабо применялась механизация при обработке посевов. Уборка же производилась исключительно вручную лопатами [12, л. 27, 32]. Неудача с заготовкой семян была связана с сухой погодой и высокой температурой. Часть плантаций была сильно засорена одуванчиком [12, л. 27].

Тем не менее, как уже выше было отмечено, несмотря на одинаковые климатические условия в тех районах где по-хозяйски подходили к работе были успехи (Ленинский, Свободинский). Где же имели место нарушения агротехники, отсутствовала заинтересованность в результатах, там и показатели были низкие [12, л. 29–31].

На местах многие понимали, что необходимо изменить подход к стимулированию труда колхозников. В январе 1948 г. управляющий Курской конторой «Расткаучук» писал начальнику Главрасткаучука следующее: «В период послевоенного восстановления каучуководства в нашей стране, существующая система отоваривания продукции каучуконосов являлась основным стимулом для поднятия урожайности каучуконосных культур. Передовые колхозы были особенно заинтересованы в поднятии урожайности, чем выше урожай – тем больший доход получал колхоз, тем больше получали члены каучуководческих бригад промтоваров. При карточной системе колхозник был заинтересован получать больше промтоваров по умеренной цене, так как в этом усматривалась компенсация за дополнительно затраченный труд на выращивание высокого урожая. В связи с отменой карточек система отоваривания не будет больше являться стимулом для повышения урожайности каучуконосов. Сейчас колхозник за продукцию, выращенную им сверх плана, будет заинтересован в рубле или в оплате натурой продовольственными культурами. Поэтому существующий договор на контрактацию каучуконосов уже сегодня является устаревшим и требует коренного изменения. Необходимо пересмотреть и действующие заготовительные цены на корни и семена каучуконосов, построив их по прогрессивной системе оплаты».

Так же вносились предложения о порядке начисления премий, о возможности отоваривания ассортиментом, который пожелает колхоз, об отпуске семян по заготовительным ценам и т. д. [14, л. 4–5].

Следующий год прошел под лозунгом выполнения Постановления Совета Министров СССР от 19 апреля 1948 г. «О всемерном развитии производства кок-сагыза в СССР».

Во исполнение этого постановления в Курской области предусматривалось увеличение посевов кок-сагыза: 1948 г. – 2 000 га, 1949 г. – 8 000 га, 1950 г. – 15 000 га, 1951 г. – 20 000 га, 1952 г. – 23 000 га, 1953 г. – 30 000 га. Ставилась задача обеспечить урожайность в 1948 г. 10–15 ц корней, в 1949 г. – 20–30 ц. (в среднем по стране урожайность должна была составить в 1948 г. 14–19 ц, в 1949 г. – 22–23 ц). К 1953 г. планировалась охватить посадками кок-сагыза 31 район области [14, л. 6–7, 9].

Но уже итоги 1948 г. вновь оказались неудачными. Осенью 1947 г. было посеяно только 241 га при плане 1 200 га. Весной 1948 г. вспахано только 700 га при плане посева 1 577 га. В связи с резким увеличением плановых показателей (в целях выполнения Постановления от 19 апреля 1948 г.) пришлось размещать кок-сагыз на плохих, неподготовленных, наспех отобранных участках [15, л. 2]. Фактически было посеяно 1 415 га. В результате некачественно проведенной посевной на 43 % площадей не взошли всходы. К этому добавились, как обычно, недолжный уход за посевами, поражение их проволочником. К началу уборки уцелело только 560 га однолетних плантаций (34,2 % от посеянного). Из 380 га, подлежащих уборке, убранными оказались только 93 га [14, л. 20–21, 38; 15, л. 3, 5].

Итоги года были следующими. С двухлетних плантаций было заготовлено 351 ц корней (44 % плана), с однолетних плантаций 782 ц (20,6 % плана). Семян колхозы области собрали 657 кг (15,6 % плана). Урожайность составила в среднем по двухлетним полям 2,2 ц корней и 1,1 кг семян. С однолетних полей урожай в

среднем был равен 8,4 ц корней [15, л. 2; 16, л. 9–10]. В то же время отдельные колхозы смогли собрать в 1948 г. от 14 до 31 ц корней с га [15, л. 7]. Следует отметить, что план заготовки кок-сагыза в 1948 г. был не выполнен и в целом по стране. Семян было заготовлено 24,8 % от плана, а двухлетних корней – 42 % [14, л. 43].

В объяснительной записке к годовому отчету областной конторы отмечалось: «... вся беда в том, что в районных директивных организациях и у большинства руководителей колхозов нет чувства ответственности за эту культуру, поэтому она является второстепенной культурой в колхозе, а в ряде случаев прямо бросовой. Наши усилия исправить положение, как и работников сельского хозяйства при таком положении безрезультатны. В отдельных колхозах где в должной мере выполнялась агротехника посева и ухода за плантациями, получены удовлетворительные результаты» [15, л. 6].

О реальном положении дел на местах свидетельствует и содержание приказа по Курской конторе от 15 июня 1948 г.: «Проверкой установлено, что при проведении обследования посевов кок-сагыза заведующие и агрономы пунктов к оценке посевов подходят поверхностно, не учитывают действительного состояния плантаций, обработки почвы, засоренность, количество растений и гнезд определяют на “глазок”, а в силу этого, определяемая урожайность по актам обследования в большинстве случаев оказывается не реальной. Так, например, агроном Золотухинского пункта тов. В. в колхозах “Заря” и “Страна Советов” явно поставил в акте завышенный урожай и при слабом развитии растений, плохой обработке дал заключение на выдачу этим колхозам денежного аванс. Данное явление приводит к тому, что колхоз не чувствует ответственности взятой на себя по контрактационному договору, ослабляет уход за посевами, зная наперед о том, что ему все равно выдадут аванс. Кроме того, такое положение приводит к явному разбазариванию государственных средств, выданные авансы сдачей продукции не покрываются, что приводит к из года в год к увеличению дебиторской задолженности» [11, л. 30].

Исполком Курского Облсовета в своем решении от 15 сентября 1948 г. № 814 «О состоянии каучуководства в колхозах Золотухинского района» отмечал: «...в результате неудовлетворительного руководства Золотухинского райисполкома работами по выращиванию кок-сагыза в колхозах района допущено, что посевы кок-сагыза производились на плохо подготовленных почвах, без применения минеральных и местных удобрений и с значительным запозданием на 10–15 дней. Всходы кок-сагыза своевременно не обрабатывались, что привело к гибели 82 % посевов кок-сагыза, невыполнению плана сдачи государству корней и семян кок-сагыза». Исполком потребовал обратить внимания на недопустимость подобного отношения, обязал в пятидневный срок привести в порядок плантации (что сделать было просто не реально), закрепить участки за конкретными звеньями и т.д. [11, л. 51–52].

Подготовка площадей на урожай 1949 г. проводилась в 12 районах на площади 6 700 га. В итоге (исходя из наличия семян) план подзимнего подсева был установлен в 600 га в 9 районах: Поныровский – 50 га, Золотухинский – 60 га, Свободинский – 70 га, Ленинский – 50 га, Фатежский – 50 га, Льговский – 130 га, Рыльский – 70 га, Коньшевский – 50 га, Хомутовский – 70 га. Таким образом впервые к выращиванию кок-сагыза привлекались хозяйства трех районов: Льговского, Рыльского, Коньшевского [14, л. 39]. В целом колхозы Курской области должны были собрать в 1949 г. 9 200 ц корней и 125 ц семян [16, л. 16, 26].

Но как и в предыдущие годы выполнение плана было «сорвано». Корней было заготовлено 3 010 ц (32,7 %). Семян – 3 688 кг (29,5 %). Средний урожай с двухлетних плантаций составил 2,3 ц корней и 5,5 кг семян, с однолетних – 5,1 ц корней и 1,4 кг семян [17, л. 12, 13].

Причины невыполнения были все те же. Двухлетние плантации из зимовки вышли изреженными, корни были поражены сосудистым бактериозом и т. д. На однолетних сказалась сухая весна и высокая температура. В части колхозов отдельных районов (особенно в Фатежском, Коньшевском, Поньровском, Золотухинском районах) проволочник и личинки хрущевика полностью уничтожили имевшиеся плантации [17, л. 14].

Основной же причиной не выполнения планов по-прежнему являлся не качественный уход. До уборки зерновых культур в большинстве колхозов существовали специальные звенья, осуществлялись необходимые агротехнические мероприятия. Затем же эти звенья были переведены на уборку зерна, уход прекратился, поля стали зарастать сорняком. Обработка плантаций производилась вручную. Даже конная тяга применялась редко. Подкопка корней в основном производилась лопатами [17, л. 15].

Тем не менее, несмотря на все неудачи, сверху продолжали спускать явно завышенные планы.

Так, Совет Министров СССР постановлением от 4 марта 1950 г. установил план заготовки корней в колхозах Курской области на 1950 г. в 23 350 ц (то есть более чем в три больше чем в 1949 г), семян – 147 ц. Из них с двухлетних плантаций планировалось собрать 3 210 ц корней и 147 ц семян, а с однолетних – 20 140 ц корней. В заготовке должны были участвовать уже 13 районов. К выращиванию кок-сагыза теперь привлекались и колхозы Стрелецкого района [18, л. 10, 12].

Общая посевная площадь должна была составить 3 500 га (420 га двухлетних и 3 080 га однолетних). К уборке корней планировалось 420 га двухлетних и 1 590 га однолетних посевов. Урожайность корней должна была составить в среднем с двухлетних 7,65 ц, с однолетних – 12,75 ц. Урожайность семян – 35 кг с 1 га [18, л. 14].

К середине лета 1950 г. стало ясно, что ситуация, в сравнении с предыдущими годами, абсолютно не улучшилась. В совместном постановлении бюро Курского обкома ВКП(б) и исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 3 августа 1950 г. отмечалось: «В ряде районов области и особенно в Свободненском, Хомутовском, Рыльском, Ленинском и Поньровском райкомы ВКП (б) и райисполкомы не приняли необходимых мер к своевременной организации сбора семян кок-сагыза с двухлетних посевов, в результате чего во многих колхозах план сбора семян с этих посевов не выполнен. В некоторых районах, сеющих кок-сагыз, в период сбора семян с двухлетних плантаций не было оказано необходимой помощи каучуководческим звеньям рабочей силой, а в ряде колхозов Рыльского, Свободненского, Ленинского, Золотухинского и других районов каучуководческие звенья были распущены, посеы кок-сагыза обезличены, сбор семян на двухлетних плантациях производился от случая к случаю, в результате упускались лучшие сроки сбора и допускались большие потери семян кок-сагыза. Несмотря на значительное недовыполнение плана сбора семян с двухлетних посевов, партийные, советские и сельскохозяйственные органы районов не организуют сбора семян с однолетних посевов и не принимают должных мер к улучшению ухода за плантациями кок-сагыза в целях создания условий для плодоношения. Так в колхозах им. Калинина и 3-й Интернационал Рыльского района плантации заросли сорняками, а райисполком и директора Рыльской и Низовской МТС мер к

организации ухода за этими плантациями не принимают. <...> В ряде колхозов Фатежского, Рыльского и Золотухинского районов полученные за возделывание кок-сагыза денежные средства и полученная колхозами в порядке встречной продажи за сданные семена кок-сагыза семена пшеница используется не по назначению» [8, л. 5–6].

В итоге, план заготовки корней в 1950 г. по области удалось выполнить лишь на 14,5 %, а учетом корней, убранных на черенки – 23,3 %. Корней с двухлетних плантаций убрано 35 %, а с однолетних – 10,7 %. Семян заготовлено 49 %, в том числе с двухлетних плантаций – 27,16 %, а с однолетних – 21,7 %. Средняя урожайность корней составила по двухлетним 3,63 ц с га, по однолетним 3,46 ц с га [19, л. 1, 5]. При этом, например, с однолетних площадей в Свободинском районе собрали в среднем 9,5 ц с га, а в Конышевском – 6,3 ц с га [19, л. 14].

Отличные показатели были и в отдельных хозяйствах.

Звеньевая колхоза им. Жданова Конышевского района Н. С. Горбулева с 2 га однолетних плантаций сдала 139,49 ц корней и 37 кг семян, а с 4 га двухлетних плантаций 155 кг семян и 41,2 ц корней. Выполнение плана по однолетним корням составило 498 %, по двухлетним – 114 %, по семенам – 120 %.

Звеньевая колхоза «2-я пятилетка» Золотухинского района Т. К. Рюмшина с 2 га двухлетних плантаций собрала и сдала 66 кг семян, выполнив план на 107 %.

Колхоз «Красный партизан» Фатежского района с 3 га двухлетних плантаций сдал 133 кг семян, выполнив план на 159,5 %. Колхоз «8 марта» Свободинского района с 2,6 га однолетних плантаций сдал 49,5 ц корней и 80,5 кг семян, выполнив план по корням на 146 %. Колхоз им. Дзержинского Золотухинского района с 3 га однолетних сдал 64 ц корней и 64 кг семян. Колхоз «Красный Октябрь» Стрелецкого района с 1,1 га однолетних плантаций сдал корней 43,7 ц и семян 36,8 кг [19, л. 7].

Общеобластные причины неудач в очередной раз были констатированы на совместном заседании бюро Курского обкома ВКП(б) и исполкома областного Совета депутатов трудящихся 1 апреля 1951 г.: «...В 1950 г. план сбора и сдачи государству продукции по семенам кок-сагыза выполнен всего лишь на 50 %, по корням на 14,8 %. Основной причиной невыполнения планов сбора урожая и сдачи продукции государству является низкая культура возделывания кок-сагыза, грубое нарушение агротехнических правил его выращивания. Во многих колхозах Бесединского, Свободинского, Медвенского, Ленинского, Рыльского и других районов посевы кок-сагыза размещаются на землях непригодных для этой культуры по своему плодородию и предпосевной обработке. Местные и минеральные удобрения под посев кок-сагыза вносятся в недостаточных размерах. Уход за плантациями осуществляется неудовлетворительно. Допускаются большие потери урожая при уборке и гибель посевов кок-сагыза вследствие нерадивого к нему отношения. Машинно-тракторные станции сеющих кок-сагыз районов не выполняют указания Совета Министров СССР о повышении уровня механизации сельскохозяйственных работ в каучуководческих колхозах в целях максимального высвобождения трудоспособных колхозников на обработку кок-сагыза. Неудовлетворительно выполняются договорные обязательства по посеву, междурядной обработке и уборке кок-сагыза тракторами и машинами МТС. На работах по выращиванию кок-сагыза в колхозах до сих пор еще преобладает ручной труд. Конные культиваторы на обработке посевов и плуги на копке корней применяются совершенно недостаточно. Серьезным недостатком в деле производства кок-сагыза является плохая организация труда на плантациях. В колхозах Свободинского, Золотухинского и Поньровского районов

каучуководческие звенья внутри бригад в ряде колхозов были распущены, а там, где они сохранились, их отвлекали на другие работы в ущерб работе на кок-сагызе. Областная контора «Главрасткаучук» не своевременно производит расчеты с колхозами по денежным авансам согласно контрактационных договоров за сданные семена и корни кок-сагыза. В ряде колхозов до настоящего времени не произведены полностью расчеты за 1950 г. с колхозниками каучуководческих звеньев по дополнительной оплате. <...> Опыт работы передовых колхозов, совхозов, бригад и звеньев яркое доказательство того, что высоких урожаев кок-сагыза можно добиться на больших площадях если правильно организовать возделывание этой культуры, применяя опыт передовиков-каучуководов и используя все достижения агрономической науки...» [20, л. 18–20].

Несмотря на сохраняющиеся проблемы курс на расширение работ был продолжен. Так решением исполкома Курского облсовета от 12 сентября 1950 г. «О подготовке и проведению подзимнего посева кок-сагыза в колхозах области» план посевной был установлен в 12 000 га. Данное предусматривалось за счет резкого увеличения количества привлекаемых районов (до 25) [8, л. 13, 16].

Позднее планы были откорректированы. Общие посевные площадей на урожай 1951 г. составили 15 000 га (осенний и весенний посевы 14 250 га, переходящие семенники урожая 1951 г. 750 га) [20, л. 2].

План сдачи колхозами корней кок-сагыза на 1951 г. был установлен в 140 440 ц (то есть в 6 раз больше предыдущего года), семян – 223,12 ц [20, л. 16].

Результат же опять оказался плачевным. Общий план заготовок 1951 г. по корням был выполнен лишь на 18,5 %. Корней с двухлетних плантаций было убрано 40,1 % от плана, с однолетних – 17,6 %. Семян же было собрано 123,7 % от плана. Объяснялось данное тем, что вне рамок предусмотренных планом семена собирались не только с двухлетних, но и с однолетних плантаций. План же сбора с двухлетних полей был выполнен на только 47 % [21, л. 14].

В решении Курского облсовета депутатов трудящихся № 2507 от 11 октября 1951 г. указывалось: «Исполком областного Совета депутатов трудящихся считает, что Совет Министров Союза ССР своим постановлением от 8 октября 1951 г. совершенно правильно отметил, что советские и сельскохозяйственные органы районов области, имеющих посевы кок-сагыза, не уделяют достаточного внимания делу организации своевременного проведения копки, заготовок и переработки корней кок-сагыза урожая 1951 г. и этим повторяют ошибки допущенные во многих колхозах при уборке корней кок-сагыза с двухлетних плантаций, когда значительная часть урожая ценного каучуконосного сырья была потеряна из-за недоброкачественной копки корней. Особенно большие потери имели место в Льговском, Поныровском, Золотухинском, Свободинском, Рыльском, Бесединском районах. Одной из основных причин больших потерь при уборке урожая корней кок-сагыза с двухлетних плантаций являлось отсутствие надлежащего контроля за качеством копки со стороны Райисполкомов, отделов сельского хозяйства и МТС, а также слабая механизация работ по уборке кок-сагыза. Машинно-тракторные станции не были привлечены к уборке корней кок-сагыза с двухлетних плантаций, в большинстве колхозов копка корней производилась вручную, что не обеспечивало необходимой глубины подкопки и качества выборки корней. Проверкой установлено, что и при организации работ по уборке корней кок-сагыза и с однолетних плантаций Нижне-Гридинская, Свободинская, Низовская, Рыльская машинно-тракторные станции недостаточно включают средства механизации на копке кок-сагыза. <...> Председатели Райисполкомов, заведующие райсельхозотделами и директора машинно-тракторных станций Верхнелюбавского,

Бесединского, Поныровского, Рыльского, Ястребовского, Солнцевского и Щигровского районов не приняли необходимых мер к организации уборки корней кок-сагыза, вследствие чего в этих районах создалась явная угроза срыва своевременной уборки корней кок-сагыза ...» [13, л. 44].

Следует отметить, что не всегда спасала и механизация. В отчете за 1951 г. указывалось: «Перед уборкой однолетних плантаций облсельхозуправлением была дана установка на полную механизацию подкопки корней на тракторной тяге, но соответствующими прицепными орудиями для этого МТС не были обеспечены и поэтому во многих случаях проводили подкопку тракторными плугами без отвалов, да еще не на полную глубину, в результате происходило запахивание корней. Кроме того, колхозы не обеспечивали достаточно рабочей силы чтобы производить выборку корней вслед за их подпашкой и получалось, в ряде случаев, что подпаханные корни долгое время оставались в земле не выбранными...» [21, л. 15].

Несмотря на осознание имеющихся проблем поставленные на 1952 г. планы по-прежнему были достаточно невыполнимыми. План подзимнего посева семенами на урожай 1952 г. осенью 1951 г. составлял 11 000 га. Реально же было посеяно 6 826 га (62 %). План посадки черенками – 1000 га. Было же посажено 1 032 га [21, л. 16].

В целом предусматривал заготовить в 1952 г. 106 360 ц корней и 525 ц семян. Под урожай 1953 г. планировалось выделить 2 000 га семенников [23, л. 2, 4].

Но ход выполнения данных задач полностью изменили решения вышестоящих государственных органов. Совет Министров СССР своим Постановлением № 2709 от 10 июня 1952 г. обязал прекратить посеvy кок-сагыза, тау-сагыза и гваюлы в колхозах и совхозах, а освобождающиеся земли использовать под посеvy сахарной свеклы, картофеля, овощных культур, конопли и других технических культур. Совет Министров обязал Министерство сельского хозяйства СССР, Советы Министров республик и исполкомы Советов депутатов трудящихся областей, имеющих посеvy кок-сагыза, тау-сагыза и гваюлы, обеспечить надлежащий уход за посевами и посадками этих культур и своевременную уборку в 1952 г. на всех плантациях. Сбор и заготовку семян следовало произвести только с сортовых посевов, а сбор и заготовку семян рядовых посевов прекратить с 1 июля 1952 г. [22, л. 3].

С этого момента государство взяло курс на производство более рентабельного искусственного каучука. Потребность в натуральном каучуке решено было восполнять через закупки в странах «третьего мира».

В результате годовые показатели оказались совсем низкими. План заготовок выполнен по корням с двухлетних плантаций на 22,2 %, с однолетних на 6,9 %. Всего же было заготовлено корней 9,2% от плана. Семян с двухлетних плантаций – 19,5 % [23, л. 13]. Связано это было с полным падением интереса к данной культуре и скоротечным (фактически в течении одного года) свертыванием соответствующей деятельности.

Что же касается Курской облконторы «Главкаучук» (с января 1954 г. «Главрезинпром») то она просуществовала до октября 1955 г. и была ликвидирована на основании приказа Министра химической промышленности № 285 от 17 июня 1955 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что работы по выращиванию кок-сагыза в колхозах Курской области оказались не очень эффективны. За все годы план по заготовке ни разу не был выполнен. При этом следует признать, что часто спускаемые сверху планы были просто не реалистичны. Увеличение заготовок происходило только за счет расширения посевных площадей. Сказывалась слабая

агрокультура, погодные условия. Но главным, по нашему мнению, было отсутствие интереса как у рядовых колхозников, так и большинства местных руководителей к выращиванию данной культуры в связи с ее низкой рентабельностью.

В то же время примеры отдельных колхозов, где к работе подходили с должной ответственностью, показывают, что можно было добиваться и достаточно высоких результатов.

Особенно ярко это видно на примере выращивания кок-сагыза в так называемых каучуксовхозах, так же существовавших на территории Курской области (Горшеченский, Колонтаевский, Петринский, Сафоновский) [1, л. 32], но их деятельность остается за рамками данной публикации и требует дополнительного исследования.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2959. Оп. 1. Д. 10.
2. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 8.
7. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 16.
9. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 17.
10. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 23.
11. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 26.
12. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 29.
13. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 1. Д. 56.
14. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 7.
15. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 9.
16. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 12.
17. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 13.
18. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 17.
19. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 19.
20. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 22.
21. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 23.
22. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 26.
23. ГАКО. Ф. Р-4454. Оп. 2. Д. 27.
24. Гаршин М.В., Картуха А.И., Кулуев Б.Р. Кок-сагыз: особенности культивирования, перспективы возделывания и внедрения в современное производство // Биомика. 2016. Т. 8. № 4. С. 323–333.

И. В. Шпаков

КИНО ПОД КУПОЛОМ: ИСТОРИЯ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ЗНАМЕНСКОГО СОБОРА В КУРСКЕ ПОД КИНОТЕАТР «ОКТЯБРЬ»

Монументально-торжественное здание кафедрального собора иконы Божией Матери «Знамение» завершает архитектурный ансамбль Красной площади на возвышенной части Курска. Храм был построен по проекту неизвестного архитектора в 1816–1826 гг. в стиле ампира и практически сразу стал одним из символов города.

В советское время Знаменский приход Курска действовал до 1932 г. В 1935 г. здание Знаменского собора горсовет решил приспособить под звуковой кинотеатр на 700 мест. Проект приспособления был составлен инженером курской проектной конторы Дорохиным. При строительстве кинотеатра были разобраны четыре малых купола центрального объема собора и две колокольни над западной частью здания. Благодаря протестам курских архитекторов Д. Васильева, В. И. Пилявского,

А. Г. Шуклина, П. И. Лазаренко, Л. А. Литошенко, П. В. Платонова, С. С. Ткаченко, Ф. И. Корытина удалось спасти от разборки центральный купол бывшего собора [1; 2, с. 61].

Вход в кинотеатр был устроен с западной стороны (бывший притвор), где расположили кассовый вестибюль. В фойе (бывшая трапезная) вмещалось 800 человек. Там была установлена мягкая и полумягкая мебель. В подвале («нижнем фойе») был организован танцевальный зал. Зрительный зал, размещенный в средней части бывшего храма, вмещал 700 мест [3]. В восточной части (бывшем алтаре) была размещена киноаппаратная [4, с. 46].

Новый кинотеатр открылся в четверг 23 сентября 1937 г. Первый показ фильма состоялся в 7 часов вечера. Была продемонстрирована картина «Петр I» по одноименному роману А. Н. Толстого [3].

Регулярно «3-й (новый) звуковой кинотеатр» по ул. Луначарского, 4 стал работать с 28 сентября 1937 г. [5]. Название «Октябрь» он получил только в 1938 г.

Наспех проведенные строительные работы отразились на качестве, о котором критически отзывались зрители: узкие проходы между помещениями, плохая акустика зрительного зала, нерациональное использование площадей [6].

Во время немецко-фашистской оккупации Курска в 1943 г. в бывшем соборе произошел пожар, в результате которого он полностью выгорел внутри. Осталась только коробка здания [7, л. 163 об.].

В 1945 г. собор вместе с комплексом зданий исторического центра Курска передали заводу низковольтной электроаппаратуры. По проекту завода бывший храм должен был быть перестроен в Дом культуры [8, с. 42]. Но из-за нехватки производственных помещений завод использовал здание для своих производственных нужд: в центральной части был устроен склад оборудования, в трапезной – штамповочный цех, а в помещении с южной стороны – цех пластмасс [1].

В 1946 г. занявший собор завод электроаппаратуры выполнил небольшие работы по благоустройству помещений подвала: покраску стен и перекрытий [7, л. 163 об.; 9, л. 22 об.]. Проектирование каких-либо более масштабных работ было невозможно из-за отсутствия в 1946–1947 гг. проекта центра Курска, выполнение которого было просрочено Мособлпроектом [10, л. 3–3 об.].

Облотдел по делам архитектуры и строительства в годовом отчете за 1947 г. отмечал, что бывший Знаменский собор, являющийся памятником архитектуры, продолжает оставаться в плохом состоянии, а взаимодействие с арендатором «не всегда было удовлетворительным» [10, л. 19].

Постановлением Совета Министров РСФСР № 503 от 22 мая 1948 г. ансамбль бывшего Знаменского монастыря и, в частности, здание собора 1816–1826 гг. были взяты на республиканскую охрану как памятники архитектуры [11, л. 20].

Решением Курского облисполкома № 1037 от 27 ноября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников архитектуры по области» бывший Знаменский собор, в виду его плохого состояния, был передан Облуправлению кинофикации для организации в нем кинотеатра как это было до Великой Отечественной войны, с обязательством восстановления здания памятника [11, л. 21].

Постановлением Совета Министров СССР от 17 июня 1949 г. проектно-сметные работы по кинотеатру «Октябрь» были отданы архитектурно-проектной мастерской при Курском областном отделе по делам архитектуры (Курскоблпроекту) [12, л. 249].

В течение 1949 г. в облотделе по делам архитектуры трижды проводились творческие совещания по проектному заданию на восстановление бывшего Знаменского собора и по приспособлению этого здания под кинотеатр [13, л. 17].

Разработку проектных предложений вели архитекторы А. И. Лезин и С. И. Федоров. Однако, у них разошлись видения на архитектурно-планировочное решение кинотеатра: Лезин предлагал простые утилитарные интерьеры, а в фойе установить многомаршевые лестницы, Федоров же напротив, предлагал решение интерьеров в классическом торжественном духе здания и круглое фойе с колоннадой, куполом и циркульными лестницами. При обсуждении проектов в Обкоме ВКП(б) и Облисполкоме, а также после экспертизы в Министерстве кинематографии РСФСР был выбран проект С. И. Федорова [2, с. 48].

К непосредственному проектированию С. И. Федоров привлек также архитектора Л. А. Литошенко, инженера-конструктора С. Ф. Сурина, техников Л. Дубкову и А. Григорьеву.

Архитекторами были выполнены обмеры здания, сняты для новой отливки архитектурные детали, расчищена штукатурка на разных высотах и во многих местах для установки первоначального цвета (установлен светлый голубовато-серый тон).

Объем трапезной разделялся на два этажа с двумя зрительными залами. Холл был решен как круглый двенадцатиколонный зал в два этажа с кессонированным куполом (ниже светового барабана собора). За колоннами шли лестницы на антресоль перед залом второго этажа. Алтарная часть разделялась на три этажа, где размещались административные помещения, библиотека, зал заседаний для работников кинофикации.

Для придания кинотеатру характера общественного здания форма внешнего купола была изменена из полусферической в параболическую [14, с. 200–202].

К концу 1949 г. архитекторами С. И. Федоровым и Л. А. Литошенко была подготовлена окончательная версия проектного задания приспособления собора под кинотеатр «Октябрь». Правительством были выделены ассигнования на данную реконструкцию в размере 3,5 млн руб., из которых 700 тыс. руб. на проведение восстановительных работ в 1950 г. [13, л. 40].

Технический проект кинотеатра «Октябрь» был утвержден Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР 15 июня 1950 г. [14, с. 202].

Восстановительные работы начались только в 1952 г. с восстановления кровли [15, л. 33; 7, л. 163 об.]. Несмотря на утверждение технического проекта в 1950 г., проектирование облпроектом продолжилось и далее. В отчете государственного архитектурно-строительного контроля отмечалось, что только в 1952 г. три раза в проекте менялись перекрытия зрительной части, что привело к дефектной смете [16, л. 42]. При этом годовой план строительных работ был сорван по вине подрядчика – треста «Курскстрой» Министерства жилищно-гражданского строительства [17, л. 15, 24]. В следующем 1953 г. Курскстрой даже заниженный объем работ смог выполнить только на 81,5 % [18, л. 24].

Несмотря на срывы сроков строительства, в газете «Курская правда» отмечали строителей-передовиков: высококачественную отделку помещений бригады штукатуров С. И. Кораблева, красивые полы фойе плиточника-мозаичника Жана Кольдерана, отопление, вентиляцию, водопровод и электроосвещение коллектива спецучастка № 3 прорабов В. Н. Лушников и Н. Я. Верютина; сантехников под руководством М. В. Петрухина, скрытую проводку, люстры и бра электриков бригады А. Л. Свердюка [6].

После выхода совместного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» проектная документация на кинотеатр «Октябрь» была пересмотрена. Облотдел по делам строительства и архитектуры поручил Облпроекту внести ряд изменений: переработать решение кассового вестибюля для увеличения его площади и нового размещения кассовых окон; подключить сети теплоснабжения к городской системе (вместо собственной котельной), упростить оформление интерьеров, отказаться от отделки колон фойе мрамором, отказаться от отделки фасада со стороны здания музея декоративной штукатуркой, для двора и тротуаров использовать облегченное асфальтовое покрытие и др. При этом Облотдел рекомендовал Управлению культуры и Облпроекту проработать вопрос об использовании зрительного зала второго этажа для показа широкоэкранных фильмов со стереофоническим звуком [19, л. 4–4 об.].

Несмотря на борьбу с излишествами для фойе по спецзаказу на Ленинградском заводе художественного стекла была изготовлена большая хрустальная люстра с рубиновым и кобальтовым стеклом. Курскими художниками были написаны девять живописных полотен, которые расположили в качестве цветного фриза по верхней части стены фойе. Это были работы Г. И. Барабанщикова, В. И. Машталерука, Т. И. Прохорчука, Воронина, Пашкина, Бакуцкого и Голоцупова [14, с. 205].

Кинотеатр «Октябрь» на 800 мест был введен в эксплуатацию 12 августа 1956 г. [20, л. 9]. Для зрителей был показан фильм «Первые радости» по одноименному роману К. А. Федина. А первыми зрителями стали строители и коллектив мебельной фабрики, который изготовил для кинотеатра мягкие кресла [21].

Кинотеатр «Октябрь» проработал 36 лет до 1992 г., когда он был закрыт, здание возвращено Русской православной церкви, а красный флаг над куполом сменил золотой крест.

Источники и литература

1. Курский в честь иконы Божией Матери Знамение мужской монастырь // Православная Энциклопедия. Т. 39 / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М., 2015. С. 465–470.
2. Федоров С.И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода – комплексные памятники истории и культуры: очерк историко-архитектурного и художественного развития / С. И. Федоров; Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, Орловское областное отделение. Л., 1975.
3. Сегодня открывается новый звуковой кинотеатр // Курская правда. 1937. 23 сент.
4. Федоров С.И. Архитектурные очерки Курского края / С. И. Федоров. Воронеж, 1982.
5. В зрелищных предприятиях // Курская правда. 1937. 28 сент.
6. Мальцев В. Подарок курянам / В. Мальцев // Курская правда. 1956. 11 нояб.
7. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 60.
8. Ахун И.А. Город меняет лицо: Курск в новой пятилетке / И. А. Ахун, С. И. Лузан, Х. Я. Лейбельман. Курск, 1947.
9. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 17.
10. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 26.
11. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 35.
12. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 36.
13. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 46.
14. Федоров С.И. Эпоха. Памятники. Люди: Автомонография архитектора / С. И. Федоров. Орел, 2001. 677 с.
15. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 57.
16. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 113.
17. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 64.
18. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 70.
19. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 124.
20. ГАКО. Ф. Р-5293. Оп. 1. Д. 129.

Д. М. Есипов

ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВЫЕ ЛОТЕРЕИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Значительным вкладом в государственный бюджет СССР были поступления от реализации среди населения билетов денежно-вещевых лотерей. Всего за годы Великой отечественной войны в СССР было проведено четыре таких лотереи. Розыгрыши по каждому выпуску лотерей производились ежегодно. Всего за 1941–1945 гг. в стране среди населения было распространено лотерейных билетов на сумму 12,5 млрд руб.

В исследуемой литературе денежно-вещевые лотереи наряду с налогами и государственными займами рассматриваются как форма мобилизации средств населения в военное время [9, с. 88].

Отмечается принудительный характер подписки на лотерейные билеты: «Фактически от нее не было возможности отказаться» [4, с. 162]. Однако исследователи признают и патриотическое стремление советских граждан помочь своему государству.

В конце 1941 г. по постановлению СНК СССР Наркомфин разработал условия по проведению первой общесоюзной денежно-вещевой лотереи, которую утвердили постановлением № 2223 от 27 ноября 1941 г. [1, с. 136]. Общая сумма лотереи составляла 1 млрд руб., стоимость лотерейного билета – 10 руб. Средства которой пошли на вооружения армии.

В районах за реализацию билетов денежно-вещевой лотереи отвечали, как правило, заведующие районными сберкассами.

В тираже разыгрывались крупные денежные выигрыши на 185 млн руб.: 10 выигрышей по 50 тыс. руб., 40 выигрышей по 25 тыс. руб., 200 выигрышей по 10 тыс. руб., 1 750 выигрышей по 5 тыс. руб. Разыгрывались также вещи: каракулевые дамские пальто, меха чернобурой лисицы и песца, а также ковры, золоченые и серебряные часы, отрезы на мужские и дамские костюмы и платья, мужская и женская обувь, серебряные портсигары, письменные приборы и прочее на общую сумму 15 млн руб. Всего предлагалось распространить билетов на 1 млрд руб.

25 июня 1942 г. СНК СССР Постановлением за № 126 утвердил представленные Наркомфином условия второй денежно-вещевой лотереи [1, с. 137]. Сумма лотереи была установлена в 1,5 млрд руб. На эту сумму выпускались лотерейные билеты стоимостью 20 руб. каждый, что было в два раза больше номинала билетов первой лотереи. В лотерее разыгрывались 1,5 млн выигрышей на сумму 300 млн руб., в том числе денежных выигрышей на сумму 250,1 млн руб. (100 по 50 тыс. руб., 400 – по 25 тыс. руб., 1000 – по 10 тыс. руб. и т. д.) и 49 500 вещевых выигрышей общей стоимостью 49,9 млн руб., состав которых мало чем отличался от выигрышей первой лотереи (каракулевые дамских пальто, комплекты столовых серебряных наборов, золоченые и серебряные часы, отрезы ткани и т. п.). По данному постановлению распространение лотерейных билетов началось с 25 июля.

В соответствии с Постановлением СНК СССР от 14 сентября 1943 г. № 987 Наркомфином СССР с 25 октября 1943 г. проводилась Третья денежно-вещевая лотерея.

Указанное постановление направлено Совнаркомам Союзных и автономных республик, а также Исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся.

Весь доход от лотереи был направлен на финансирование мероприятий, связанных с войной против немецких захватчиков [2, л. 47].

«Сумма лотереи установлена в 2500 млн рублей. На эту сумму выпускаются билеты стоимостью по 25 руб. каждый. Лотерейные билеты выпускались отдельными сериями по 1000 билетов в каждой.

В лотерее разыгрывалось 2,5 млн выигрышей на сумму 500 млн руб., из них 2 237 200 денежных выигрышей на сумму на сумму 422,8 млн руб. и 62 800 вещевых выигрышей стоимостью в 77 млн 200 руб.

Денежные выигрыши по лотерее устанавливались следующие: 200 выигрышей по 50 тыс. руб., 800 – по 25 тыс. руб., 3 200 – по 10 тыс. руб., 9 000 – по 5 тыс. руб., 46 000 – по 1000 руб. и 2 298 000 – по 100 руб. Вещевые выигрыши состояли из 400 каракулевых дамских пальто стоимостью по 12 тыс. руб., 400 шерстяных дамских пальто с воротниками из чернубурой лисицы стоимостью по 7 тыс. руб., 2000 золотых часов стоимостью по 46 тыс. руб., 1000 мужских костюмов стоимость по 3 тыс. руб., 1000 ковров стоимостью по 2500 руб., 2000 золоченых часов стоимостью по 2850 руб., 1000 дамских костюмов стоимость по 3000 руб., 2000 серебряных часов стоимостью по 24000 руб., 8000 отрезов шерстяной ткани на мужские и дамские костюмы стоимостью по 15000 руб., 2000 воротников каракулевых дамских стоимостью по 1250 руб., 8000 отрезов шерстяной ткани на мужские и дамские костюмы стоимостью по 1000 руб., 2000 серебряных портсигаров стоимостью по 900 руб., 15 тыс. дамских трикотажных жакетов стоимостью по 500 руб., 2000 воротников каракулевых мужских стоимостью по 500 руб., 1000 шапок меховых стоимостью по 5000 руб., 3000 пар обуви мужской стоимостью по 500 руб. и 8000 отрезов шелковой ткани на дамские платья стоимостью по 450 руб.

Владельцы лотерейных билетов могли по своему желанию получать стоимость вещевого выигрыша наличными деньгами. Тираж выигрышей назначался на 15 февраля 1944 г. Выигрыши по лотерее выплачивались в сберегательных кассах после проведения тиража и опубликования в газетах таблицы выигрышей» [6].

Жители Курской области активно собирали средства, на нужды страны: «В течение одного дня успешно закончили размещение лотерейных билетов в Советском районе. Этот пример глубокого сознания долга перед родиной и фронтом не единичен. В Ленинском, Боброво-Дворском, Октябрьском, Тербунском, Троснянском, Беленихинском, Микояновском районах не только значительно перекрыты контрольные задания, но и вся стоимость распространения билетов полностью оплачена. По данным 29 районов размещено среди колхозников лотерейных билетов на 13 220 тыс. руб., из них внесено наличными 10 301 тыс. руб. На 228 тыс. руб. подписались колхозники Белгородского района, из них 146 тыс. внесено наличными, превысив контрольное задание на 78 тыс. руб. Успешно прошла подписка на билеты денежно-вещевой лотереи в колхозах Пушкарского сельсовета. Колхозники тт. Шебекин, Ргозин, Хвостов, Гладышев подписались каждый на 1500–1800 руб. В целом колхозники этого сельсовета приобрели на 31 тыс. руб. лотерейных, погасив всю сумму подписки наличными. Среди

трудящихся размещено лотерейных билетов на 133 тыс. руб. Контрольное задание по городу перевыполнено в 13 раз» [5].

Условия Четвертой денежно-вещевой лотереи были утверждены СНК СССР 15 сентября 1944 г., подписка на нее началась 25 октября. По сравнению с Третьей денежно-вещевой лотереей, значительно повышается сумма распространения билетов Четвертой лотереи [3, л. 1].

Сумма лотереи устанавливалась в 5 млрд руб. На эту сумму выпускались лотерейные билеты достоинством в 50 и 25 рублей. Лотерейный билет достоинством в 50 рублей представлял собой два двадцати пяти рублевых билета, на каждый из которых может выпасть отдельный выигрыш.

Лотерейные билеты выпускались отдельными сериями по 50 тыс. руб. в каждой серии. Таким образом, общая сумма лотереи в 5 млрд руб. подразделялась на 100 тыс. серий, которые имели номера – от № 000001 по № 100.000. Внутри каждой серии билеты нумеруются своими порядковыми номерами – с № 001 по № 2.000. При этом на каждом билете достоинством в 25 руб. указывался один номер билета и один номер серии. На каждом билете достоинством в 25 руб. указывался один номер билета и два номера серии.

Выигрыши по лотерее устанавливались денежные и вещевые. Всего разыгрывается 5 млн выигрышей на сумму 1 млрд руб., в том числе 4 млн 874 тыс. 900 денежных выигрышей на 846 млн 200 тыс. руб. и 125 тыс. 100 вещевых выигрышей общей стоимостью 153 млн 800 тыс. руб.

Средства от четвертой денежно-вещевой лотереи предназначались в фонд обороны Родины. Как показали первые дни подписки, трудящиеся отлично поняли огромное хозяйственно-политическое значение лотереи и подписываются на нее с большим энтузиазмом. Десятки колхозников во многих районах подписывались на 3–5 тыс. руб. и сразу вносили наличными всю сумму.

Трудящиеся Курской области активно участвовали в денежно-вещевых лотереях. «За первые два дня реализации лотереи сумма подписки, по неполным данным 35 миллионов рублей. 14,5 миллионов внесено наличными» [7].

Таким образом, за время Великой Отечественной войны было четыре денежно-вещевых лотерей. Средства, поступившие от лотерей, составляли значительную часть от общих финансовых взносов от населения на нужды обороны в период Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Березина В.А. Денежно-вещевые лотереи военного времени (1941–1945): к истории разработки // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 3: Сб. материалов Третьей международной научной конференции (14–16 октября 2020 г., Санкт-Петербург). СПб., 2020. С. 135–139.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-4036. Оп. 2. Д. 4.
3. ГАКО Ф. Р-4036. Оп. Д. 12.
4. Ковтун Е.В. Азарт в Стране Советов: в 3 т. / Е. Ковтун. Азартные игры. М., 2012. Т. 1.
5. Курская правда. 1943. 26 окт.
6. Курская правда. 1944. 25 окт.

А. И. Волкова

**ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ МАНТУРОВСКОГО РАЙОНА)**

На современном этапе значительно активизировался процесс фальсификации истории Второй мировой войны, при этом попытки фальсификации становятся все более агрессивными и провокационными. Процесс интерпретации событий и итогов Великой Отечественной войны в соответствии с политической конъюнктурой являются важнейшим направлением в информационной войне Запада против России, это делает актуальной задачей необходимость противодействия фальсификациям и защиты истории Великой Отечественной войны. Одним из путей решения данной задачи может выступить всестороннее изучение различных аспектов истории Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны, как ее основополагающей части.

В настоящем исследовании хронологически обратимся к начальному периоду Великой Отечественной войны. Территориально – к восточной части Курской области, а именно Мантуровскому району, как центральному среди восточной части области, дважды находившемуся под оккупационным режимом. Территория современного Мантуровского района увеличилась за счет того, что в состав района в послевоенный период вошел ряд населенных пунктов сопредельного Ястребовского района, существовавшего в годы войны, в том числе и село Ястребовка.

Сразу же после нападения фашистской Германии на Советский Союз советское руководство призвало население к перестройке всей жизни страны на военный лад. Так, уже в первые недели войны в первых июльских номерах 1941 г. в центральном печатном информационном органе газете «Правда» видим следующие публикации «Образование Государственного Комитета Обороны», «Все подчинить интересам обороны!», «До полной Победы над врагом» [10]. Стали появляться статьи, обзоры, репортажи на военно-патриотическую тематику, например, «Боевые эпизоды: Героические подвиги танкистов», «Бомбы легли в цель», «Мужество и отвага», «Крепкий тыл», «Железнодорожники помогают Красной Армии громить врага» [10].

В первые месяцы войны наша страна несла огромные людские и материальные потери. По мере наступления немецких войск все большая территория Советского государства попадала под оккупационный режим Германии. Курская область, как одна из западных областей, стала ареной боевых действий уже в первые месяцы войны. Жители Мантуровского района, как и вся огромная страна, узнали о нападении на Советский Союз из выступления народного комиссара иностранных дел СССР, заместителя председателя Совнаркома СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) В. М. Молотова по радио 22 июня 1941 г., в котором он официально сообщил советскому народу о нападении нацистской Германии на Советский Союз и объявил о начале отечественной войны против агрессора [9]. В тот же день повсюду состоялись собрания партийного актива, митинги служащих в учреждениях, тружеников колхозов. На всех собраниях выражалась готовность к борьбе с врагом и к самоотверженному труду во имя Победы [7, с. 46]. Чувству негодования не было пределов. Выступающие на митингах рабочие, колхозники и служащие заявляли о своей готовности выступать на защиту Родины и призывали всех трудящихся «еще более сплотиться вокруг партии Ленина–Сталина и советского правительства» [7, с. 46].

Первыми были оккупированы западные районы области. Так, в конце сентября 1941 г. первые населенные пункты на территории Курской области были захвачены гитлеровцами в Глушковском районе. 29 августа 1941 г. немецкая авиация подвергла первой бомбежке Курский железнодорожный узел. С этого дня немецкие самолеты почти ежедневно появлялись над городом. С каждым днем фронт приближался к городу. К концу сентября после упорных боев немецкие войска вышли на ближние подступы к Курску. 1 октября бои начались непосредственно в Курске. После упорных боев 3 ноября 1941 г. Курск был оставлен. К 6 декабря 1941 г. линия фронта проходила по территориям восточных и юго-восточных районов Курской области – Советского, Тимского, Мантуровского и Белгородского. Если западные и центральные районы области были оккупированы «сразу и надолго», то восточные, по мере передвижения линии фронта, попадали под оккупационный режим несколько раз. Примером в данном случае может выступить Мантуровский район, территория которого в годы Великой Отечественной войны дважды находилась в оккупации. Первый раз район попал под оккупацию с 29 ноября (частично), с 1 декабря по 4 декабря 1941 г. (полностью). В результате успешных действий Красной Армии и постоянному передвижению линии фронта территория района находилась несколько дней. После освобождения территории района началось восстановление разрушенного хозяйства, однако в июне 1942 г. началось новое наступление Вермахта. К 12 июля 1942 г. фашистским войскам удалось захватить территорию еще 19 восточных и юго-восточных районов Курской области, среди которых был и Мантуровский. Таким образом, вся территория области оказалась оккупированной. Оккупация области в разных районах длилась от 7 до 23 месяцев. Ее осуществляли как германские, так и венгерские войска. Территория непосредственно Мантуровского района находилась под властью немецких и венгерских войск с 1 июля 1942 г. по 13 февраля 1943 г.

Рассмотрим начальный период войны (обозначим его как дооккупационный в отношении Мантуровского района) и непосредственно период оккупации более подробно.

В первые же дни войны многие мантуровцы добровольно ушли на фронт, причем не только мужчины, но и женщины. Село, затаившееся в предчувствии беды, словно вымерло. Лишь изредка проезжали, громыхая на выбоинах дороги, конные повозки «ястребков» – так называли бойцов истребительных батальонов, иногда проносились к райкому партии верховые – связные [6].

5 сентября 1941 г. было принято постановление бюро Курского обкома партии и облисполкома об эвакуации из Мантуровского и других прифронтовых районов области имущества, скота, продукции сельского хозяйства и других ценностей [8, т. 1, с. 97]. Для тех патриотов, кто по состоянию здоровья или возрасту не подошел для пополнения Красной Армии, нашлось место в отрядах народного ополчения.

24 июня 1941 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял Постановление «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» и «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами, диверсантами противника в прифронтовой полосе» [8, т. 1, с. 289]. 26 июня обком ВКП(б) и облисполком обязали первых секретарей райкомов и начальников районных отделов НКВД немедленно приступить к формированию истребительных батальонов, численностью от 100 до 200 человек, а во всех колхозах и населенных пунктах – специальных бригад для наблюдения за появлением парашютистов противника [8, т. 1, с. 97]. Основной задачей бойцов-истребителей была охрана жизненно важных объектов народного хозяйства, ликвидация последствий налетов вражеской авиации, локализация и устранение вызванных бомбежкой пожаров, наблюдение и

оповещение населения об опасности с воздуха, патрулирование населенных пунктов, задержание парашютистов и диверсантов. С первых дней войны население Мантуровского района активно включилось в работы, направленные исключительно на помощь фронту. Каждый понимал, что его труд – это маленький вклад в большое дело и победа на фронте зависит от того, как крепок будет тыл, как народ поддержит и поможет сражающимся солдатам.

Не остались в стороне и мантуровцы-школьники. Учащиеся всех школ района трудились на самых разных работах от простейшей помощи взрослым до тяжелого физического труда в колхозах. Школьники принимали активное участие в сборе теплого белья и одежды для бойцов Красной Армии, сдавали облигации в Фонд Оборона страны [8]. При этом в дооккупационный период и после освобождения района большинство учебных заведений района (школ) работало и принимало обучающихся. Школы испытывали большие недостатки в топливе, учебных пособиях и оборудовании. Из воспоминаний Н. С. Афанасьевой¹: «В сентябре 41-го пошли в школу. Из нашего класса пришли не все – нужно работать дома и в колхозе. Мне мать сказала – иди. Она знала, что учиться мне нравится. И отец поддержал. Хотя я в семье из детей старшая, поэтому на мне дома лежало больше обязанностей. На всех уроках разговоры были только о войне, всем было страшно. В течение сентября – октября классы еще больше поредели – осенний период полевых работ в деревне требовал много сил, да и немцы были все ближе. С наступлением холодов учиться стало еще тяжелее. Прежде чем сесть за парты, нужно было растопить печь, заранее позаботиться о дровах. Разные классы, дети разных возрастов сидели в одном помещении – так теплее. Но самое удивительное, что всем хотелось учиться, получать знания, участвовать в школьных буднях, просто жить. Никто не жаловался! Однако, наши учебные будни продлились недолго: к ноябрю фронт становился все ближе, к Михайлову дню (21 ноября. – А.В.) наша школа перестала работать, а с первыми днями декабря немцы вошли в село» [1].

Первый период оккупации длился сравнительно недолго, к концу декабря нашим войскам удалось перехватить инициативу и частично выбить фашистские войска с территории восточных и юго-восточных районов области. Однако, к лету 1942 г. фронт снова отступает на восток и указанные территории попадают под оккупационный режим уже во второй раз. Из воспоминаний Н. С. Афанасьевой: «У нас был крепкий дом, построенный руками отца. Отец – человек очень мастеровой, единственный кузнец и плотник на большую округу. Дом находился в нашей деревне на возвышенности, и снаряды, казалось, летят прямо на нас. Но наш дом не пострадал во время оккупации. Все дело в том, что в нашем доме расположился узел связи немцев, постоянно находился немец-офицер. Он сидел в большой комнате в центре за столом. На столе располагалось оборудование, и он в наушниках слушал радиосообщения. А пока слушал, рисовал. Чаще всего цветы, иногда узоры, редко что-то наподобие пейзажа. Очень красиво. Мы, дети, крутились около стола и наблюдали, какой рисунок будет в этот раз. Немец-связист часто ругал нас и отгонял от стола. Мать запрещала подходить к столу, но мы же были детьми, даже несмотря на войну» [1].

¹ Биографическая справка: Афанасьева Нина Степановна (1930–2009) – уроженка с. 1-е Засеймье Мантуровского района. После замужества до конца жизни проживала в с. Мантурово. С 1959 г. по 1977 г. работала в Мантуровской средней школе, с 1977 г. по 1993 г. – в Мантуровском районном комитете партии, занимала должность главного бухгалтера райкома по Мантуровскому району. С 1993 г. на пенсии. Ветеран труда.

Фашистский оккупационный режим завершился для населения восточных и центральных районов области в январе-марте 1943 г. в результате наступления войск Воронежского фронта. Освобожден Мантуровский район от немецко-фашистской оккупации 13 февраля 1943 г. силами 96-я отдельной танковой Шуменской бригады имени Челябинского комсомола. В феврале 1943 г. недалеко от Мантурово произошло крупное танковое сражение, которое вела 96 Шуменская танковая бригада им. Челябинского комсомола. В настоящее время при въезде в с. Мантурово у развилки дорог Мантурово – Пузачи – Старый Оскол, где проходили самые ожесточенные бои за господствующую высоту у села Пузачи, находится братское захоронение воинов – освободителей Мантуровского района, а над ними на постаменте возвышается Т-34 в честь танкистов Шуменской бригады имени Челябинского комсомола. А одна из центральных улиц села Мантурово носит название «имени Челябинского комсомола».

За период оккупации Мантуровскому району был нанесен существенный ущерб. За время оккупации было расстреляно и повешено 155 жителей района, 280 было увезено в Германию. Немецко-фашистские захватчики причинили немалый ущерб сельскому хозяйству: согласно актам о злодеянии, оккупанты ограбили за период нахождения в районе «колхозных» коров – 2557, молодняка крупного рогатого скота – 1 797, свиней – 857, овец – 3 100, коз – 21, птицы – 34 613 шт. [3, л. 17об.] Говоря об экономическом ущербе, причиненном хозяйству юго-восточных областей Курской области немецко-фашистскими захватчиками, нельзя не отметить, что многие населенные пункты, например, село Роговое, деревня Рябиново и хутор Колодезек Мантуровского района были практически полностью разрушены [3, л. 17; 4, л. 15].

Значительный ущерб немецко-фашистскими захватчиками был причинен жилищно-коммунальному хозяйству. Документы свидетельствуют о сожжении и разрушении 35 жилых домов и зданий кооперативных и других государственных учреждений, 87 колхозных хат Мантуровского района [8, т. 1, с. 137].

Согласно данным материального ущерба нанесенному гражданам, колхозам, кооперативным и общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР по Мантуровскому району материальный ущерб составил:

Позиция подсчета	В материальной составляющей	В денежном соотношении
здравоохранение	разрушено 2 больницы, аптека	данных нет
народное образование	сожжено и разрушено 20 школ	данных нет
сфера культуры	разрушен 21 клуб, 1 библиотека	31 500 руб.
народное хозяйство	здания хозяйственного значения	53 450 руб.
	оборудование и транспортные средства	30 800 руб.
	рабочий скот	22 800 руб.
Итого		138 550 руб.

Таблица составлена по: ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 248. Л. 11, 11 об., 12 об.; Д. 269. Л. 17; ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 311. Л. 2.

Таким образом, на примере Мантуровского района мы можем проследить особенности начального периода войны и оккупации восточной части Курской области. Так как территория района в годы войны дважды находилась в оккупации, восстановление также проходил в два этапа. Первый – зимой–весной 1941–1942 гг. после периода первой оккупации (29 ноября – 4 декабря 1941 г.). Второй – после окончательного освобождения 13 февраля 1943 г. Начавшийся период восстановления был прерван второй более продолжительной оккупацией, положительные тенденции восстановления были прерваны. После второго более

продолжительного периода оккупационного режима разрушений было значительно больше, и восстановительный период соответственно продлился дольше.

Источники и литература

1. Воспоминания Н.С. Афанасьевой // Личный архив А. И. Волковой.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 248.
3. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 269.
4. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 289.
5. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 311.
6. Гусев П.В. В тылу врага: Докум. повествование. Воронеж, 1991.
7. Козельский А.Г. Партийные организации Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны: Историографический очерк. Воронеж, 1983.
8. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов. В 2 т. Курск, 1960–1962.
9. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами! Речь В.М. Молотова 22 июня 1941 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://histrf.ru/read/articles/nashie-dielo-pravoie-vragh-budiet-razbit-pobieda-budiet-za-nami>; аудио <http://sovmusic.ru/download.php?fname=molotov1> (дата обращения 09.03.2023).
10. Правда. 1941. 1 июля.

В. Н. Чербаджи

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛЕНИХИНСКОГО, ПРОХОРОВСКОГО И СКОРОДНЯНСКОГО РАЙОНОВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ ВЕСНОЙ – ЛЕТОМ 1943 ГОДА

Успешные действия Красной Армии под Сталинградом и на Северном Кавказе, позволили советскому командованию значительно развить успех и на других направлениях. В ходе Острогожско-Россошанской (13–27 января 1943 г.), Воронежско-Касторенской (24 января – 17 февраля 1943 г.), Ворошиловградской (29 января – 18 февраля 1943 г.) и Харьковской наступательных операций (2 февраля – 3 марта 1943 г.) практически полностью были освобождены населенные пункты Белгородчины. Однако, в дальнейшем темпы наступления стали падать, ввиду нехватки резервов. Брошенные противником для своего контрнаступления подкрепления, вынудили Красную Армию откатиться назад и оставить Белгород. Однако и у неприятеля не хватало сил для развития дальнейшего наступления. В марте, в районе образовавшегося под Курском выступа, установилось относительное «затишье». Обе стороны готовились к предстоящей летней кампании.

Уже 16 марта 1943 г. был создан Курский комитет обороны во главе с первым секретарем обкома партии П. И. Дорониным. 28 марта городской комитет обороны принял постановление «О подготовке строительства оборонительных рубежей», в котором затрагивались вопросы планирования строительства оборонных объектов Курска и мобилизации населения.

В своем докладе в Ставку ВГК, от 8 апреля 1943 г., Г. К. Жуков отмечал необходимость надежно закрепиться на занимаемых рубежах, и, вместо упреждающего удара по противнику, подготовить оборону для изматывания сил неприятеля. 12 апреля было принято окончательное решение о переходе к планомерной обороне [14, с. 12, 14].

Войскам Центрального, Воронежского фронтов и Степного военного округа предписывалось создать глубоко эшелонированную систему обороны, состоявшей из 8 оборонительных полос общей глубиной 250–300 км. Ширина полос обороны Воронежского фронта достигала 244 км, а глубина – 130 км. На участках фронтов

предписывалось создать 3 армейских и 3 фронтовых оборонительных рубежа, оборудованных в инженерном отношении опорными пунктами, траншеями, ходами сообщений и др. [16, с. 33].

Учитывая то, что противник мог начать наступление в любой момент, основные работы на оборонительных рубежах, Центральному и Воронежскому фронтам, предписывалось выполнить в течении 40 дней (с 21 марта по 1 мая 1943 г.).

Особую роль в сооружении оборонительных рубежей, сыграли строительные войска, которые за время войны проходили реорганизацию и реструктуризацию. Так, еще вначале 1942 г., были сформированы УОС (управления оборонного строительства), которые подчинялись Главному управлению оборонного строительства НКО (Народный комиссариат обороны), работавшему под надзором начальника инженерных войск РККА. В свою очередь, УОС делились на УВПС (управление военно-полевого строительства). В УОС могло находиться от 3 до 7 УВПС. Управления военно-полевого строительства состояли из 4 УВСП (участок военно-строительных работ). В целом, УОС могла иметь от 8 до 20 колонн примерно по 1000 чел. в каждой. Приданные действующим фронтам и армиям, УОС отвечали за деятельность как военно-строительных войск, так и гражданских рабочих, мобилизованных на строительство укрепительных рубежей и позиций. В строительстве оборонительных сооружений на Курской дуге, активное участие принимали также и собственные инженерные подразделения армий.

Не маловажную роль в оборонном строительстве сыграла и мобилизация местного населения, наряды на которые для нужд Красной Армии, выдавал Курский обком. Так, в апреле 1943 г., на участках Центрального и Воронежского фронтов, трудилось 105 тыс. жителей Курской области. В июне, численность рабочих из числа местного населения достигала уже 300 тыс. чел.

Для строительства оборонительных сооружений на участке Воронежского фронта, Н. Ф. Ватутину, был передан 38 УОС (начальник – подполковник И. В. Косынкин), в составе которой числилось 11 тыс. кадровых строителей и 7 тыс. человек мобилизованного местного населения.

Один из участков третьей армейской (тыловой) линии обороны также проходил по территориям Прохоровского и Беленихинского (на тот момент отдельного) районов. По территории Прохоровского района, линия обороны продолжаясь от села Пересыпь Обоянского района проходила вдоль реки Псел к хутору Веселый и далее – Ключи, Богородицкое (между современными Юдинкой и Васильевкой), по балке Моложавая к шоссе и железной дороге. Дальнейший участок проходил по территории Беленихинского района, от железной дороги в районе хутора Тетеривино (ныне не существующим) поворачивала к Виноградовке, далее к Жиломостное и Плоте, по балке к реке Белая Плота и вдоль нее к реке Северский Донец, проходя между населенными пунктами Шипы и Рындинок, разделяя на две части село Ржавец, обходила западнее Кураковку, и, далее, пересекая село Казачье, уходила по территории Корочанского района [15, с. 508–509].

Еще до принятия решения о глубоко эшелонированной обороне, и подключения к работам УОС, Курский обком, 28 марта постановил, выделить людей из числа жителей Прохоровского и Беленихинского районов в распоряжение 6-й гвардейской и 69 армий. Кроме того, местное население привлекалось к выгрузкам на железнодорожных станциях, сборам металлолома и обслуживанию дорог [9, л. 31, 32].

Директивы и наряды, которые областной совет Курской области ежемесячно доводил до районных исполкомов, имел «шаблонную структуру». Указывалось, в

каком районе и в каком количестве человек требовалось провести мобилизацию. Пункты явки мобилизуемого населения устанавливало военное командование, представитель которого в каждом районе принимал от райисполкомов мобилизуемое население и лично отправлял к местам работ. Кроме того, райисполкомы обязывались выделять представителей на объекты работ и от каждого сельсовета представителей на участки работ. Колхозам предписывалось выделять лошадей для обслуживания мобилизованных на работы, подвозки инструментов и строительных материалов к месту работ. К месту работ, мобилизованное население, должно было приходиться с собственным инвентарем, из которых 70 % должны быть обеспечены лопатами, 15 % топорами, 10 % ломом и 5 % пилами. При этом, рабочих требовалось обеспечить пропитанием и фуражом на 15 дней. Также, от районных органов власти, председателей колхозов, требовалось полное содействие Военному строительству в выделении местных стройматериалов. Документ шел за подписью председателя исполкома облсовета В. В. Волчкова и Курского областного военного комиссара – майора Будылина [6, л. 5].

13 апреля, соответствующую директиву в Прохоровский район отправил обком с нарядом на 2 тыс. чел. Соответствующее количество людей, должно было поступить в распоряжение 38-го УОС [9, л. 31–32]. Кроме того, 29 апреля, поступил наряд для выделения 900 человек и 20 подвод в ведение 2-й Воздушной Армии, которые должны были явиться для сбора в населенные пункты Прохоровка, Правороть, Боброво [6, л. 14]. 20 апреля исполком Беленихинского района, в соответствии с решением Курского обкома, для оборонных работ, также обязан был выделить 1 000 человек [11, л. 19].

Однако, выполнение оборонных работ, в установленные с 21 марта по 1 мая 1943 г. сроки, было однозначно сорвано неудовлетворительной мобилизацией населения. На это имелись как субъективные, так и объективные причины.

К субъективным причинам относится халатное отношение некоторых руководителей сельсоветов и колхозов к выполнению данных задач. В Беленихинском районе, 10 мая, для продолжения оборонных работ, было поручено выделить тысячу человек в соответствии с планом:

Казачанский с/с – 150 чел.

Ржавецкий с/с – 200 чел.

Гнездиловский с/с – 200 чел.

Плотавский с/с – 200 чел.

Грязновский с/с – 150 чел.

Лесковский с/с – 100 чел. [11, л. 28].

В Прохоровском районе, на заседании исполкома, 19 мая 1943 г., прошли слушания о выполнении мобилизационного плана по Гусёк-Погореловскому сельсовету. Отмечалось, что из плана 450 чел. ежедневного выхода на работы, рабочих не было ни одного человека. Особо неудовлетворительная работа отмечалась со стороны председателей колхозов «Червонный хутор» и «Вперед», так как извещений по мобилизации рабочих не были вручены своевременно, ответственный член правления по колхозам не выделен, массово-разъяснительная работа среди населения отсутствовала. Итогом стало снятие председателя колхоза «Червонный хутор» В. И. Кудрина с его поста и поручение прокурору Кольцову предать того суду по законам военного времени. Председатель колхоза «Вперед» Балабанов отделался выговором и угрозой повторить судьбу Кудрина [8, л. 91–92].

Но даже с такими суровыми методами, положение к концу мая месяца не стало лучше. Из судебного заседания по Прохоровскому району от 29 мая о мобилизации

населения для нужд в/ч 71742 следовало, что по Карташевскому с/с вместо плана 400 чел., работало только 50 чел.; из Прелестненского с/с вместо плана 600 чел., работало 30 чел.; из Береговского с/с вместо плана 200 чел., работало 11 чел.; а из плана по Александровскому с/с в 200 чел., вообще никто не работал. Председателям сельсоветов также было вынесено предупреждение об их персональной ответственности. Однако из документа следует, что серьезных мер, как это было принято в отношении председателя «Червонный хутор», в данном случае не применялось. Вместо этого, было принято решение командировать уполномоченных исполкома для оказания помощи в мобилизации населения в Карташевский с/с т. Немыкина, Береговской с/с т. Овчарова, Прелестненский с/с т. Куртова, Александровский с/с т. Рышевского с возложением на них персональной ответственности вместе с председателями сельсоветов за явку населения [6, л. 9].

Очевидно это было вызвано уже более объективными причинами, менее зависящими от председателей сельсоветов, нежели банальная халатность. В данном случае, любопытна директива, даваемая председателям сельсоветов: «...запретить направление в другие части и работы населения без нарядов РККА». Трактовать эту строчку можно не иначе, как «перехватывание рабочих рук» другими воинскими частями, что и не удивительно, так как сроки уже были значительно сорваны, а наступление противника могло начаться в любой момент. Соответственно напряженность в рядах армейских подразделений день изо дня нарастала.

Подтверждением этому, служит докладная записка председателя райисполкома И. Н. Ефименко на имя председателя Курского обкома В. В. Волчкова, данная им практически на кануне начала Курской битвы – 3 июля 1943 года. В ней говорилось о случае, уже с упомянутой ранее в/ч 71742 6 гв. А, от 12 июня, когда направленные ей на оборонные с Прелестненского с/с рабочие, были перехвачены двадцатью автоматчиками, посланными командиром 285 сп 183 СД 69 А подполковником А. К. Карповым. В ходе этого «рейда», представители 6-й гв. А были отстранены автоматчиками, а рабочих, угрожая арестом председателю Прелестненского с/с Литуненко, безнарядно забрали для работ на нужды 285 сп. Такие случаи были и в других частях. В свою очередь, командование УОС-38 за невыполнение нарядов, самовольно подвергло аресту председателей колхозов «Путь крестьянина» т. Курганского, председателя колхоза имени Энгельса т. Босенко, председателя колхоза «Большевик» т. Михайлюкова и других [9, л. 31–32].

Отставание от сроков строительства оборонительных сооружений было повсеместным. Так, 10 мая, Курский обком, предупреждая об ответственности председателя райисполкома Скороднянского района П. Д. Пихтерева за срыв оборонных работ для нужд 38-й УОС, отмечал, что выход на работы в апреле не превышал 25 % от планового, а в начале мая и вовсе сократился до 10–12 % [13, л. 31]. Предупреждение о предании суду за дальнейшее невыполнение плана, председателю райисполкома, также писал и начальник УВСР № 2 (484) инженер-майор Пугачев, отмечая, что на 12 мая, вместо положенных 1,5 тыс. чел. по наряду, работало только 502 чел. [13, л. 32].

Конечно, имели место быть случаи халатности руководящих органов, покидание рабочими своих участков строительства, что приводило к срывам сроков строительства. Однако, рассматривая данную проблематику в комплексе, нельзя не отметить и объективные причины таких срывов.

Рассмотрим сведения краткой экономической справки по Прохоровскому району по состоянию на 1 марта 1943 года, в которой имеются данные о численности населения [9]:

Обоего пола	мужчин				женщин			
	всего	из них			всего	из них		
		до 16 лет	с 16 до 55 лет	старше 55 лет		до 16 лет	с 16 до 50 лет	старше 50 лет
33 900	11 800	9 550	1 800	450	22 100	10 650	10 400	1 050

Из данной статистики, мы видим, что мужского населения, оставшегося после освобождения района от фашистской оккупации, старше 16 лет, не так уж и много. Вполне вероятно, что в их числе могли иметься и нетрудоспособные мужчины, а также призванные в дальнейшем на фронт. Еще 11 апреля, обращаясь в обком по поводу мобилизации 8,5 тыс. чел., И. Н. Ефименко указывал, что в районе вместе с подростками находится всего 10 тыс. трудоспособного населения. Не более «радужной», была обстановка и в соседних районах, Беленихинском и Скороднянском. Таким образом, существенные тяготы работ, во многом ложились на плечи женщин и подростков.

Даже если не касаться гендерного и возрастного признака, стоит отметить, что в освобожденных районах, кроме необходимости оборонного строительства, имелся комплекс и других задач. После оккупантов, на территории освобождённого одного только Прохоровского района, оказались уничтожены 255 общественных построек колхозов, 57 предприятий района, 28 школ, 4 больницы и многое другое. Огромный ущерб понес и Беленихинский район. Все это требовало восстановления [8, л. 7]. Катастрофически не хватало кадров: кузнецов для починки колхозного инвентаря, в том числе подсобного, для применения на оборонных работах; трактористов и рабочих машинно-тракторных станций, и других специалистов [6, л. 24–25]. Разумеется, кроме этого, требовалось проводить весенний сев, прополочные и другие сельскохозяйственные работы, с которыми также имелись трудности. Так, в своей докладной записке в Курский обком, от 3 июля 1943 г., председатель Прохоровского райисполкома Ефименко сетовал на нехватку рабочих рук, ввиду задействования значительных людских ресурсов на оборонных работах [9, л. 31–32].

Не лучше дело обстояло и в Беленихинском районе. Как было отмечено в докладной записке председателя Беленихинского райисполкома в марте 1943 г., учитывая то, что весной 1942 г. линия фронта проходила по 8 сельсоветам района, то весенний сев практически не проводился, кроме оккупированных немцами Покровского и Грязновского сельсоветов, и то на 30 %. Соответственно к весенним посевным работам 1943 года катастрофически не хватало семенного фонда, которое требовалось изыскивать [12, л. 3]. При этом, оккупантами, в одном только Беленихинском районе, при отступлении было угнано 3 407 коров, 908 свиней, 5 314 овец, 49 613 голов птиц, были разрушены полностью обе МТС, зернохранилища, разрушены колхозные постройки района: 36 конных дворов, 58 коровников, 49 овчарен, 46 свинарен, не говоря уже о других общественных и гражданских объектах [11, л. 68]. Сосредоточить большую часть сил на оборонных работах, игнорируя сельскохозяйственные, председатели райисполкомов, сельсоветов и колхозов тоже не могли, так как кроме выполнения государственного плана, требовалось производить заготовку продовольствия для нужд армий, для чего имелся отдельный план [10, л. 20–21].

Значительные трудности в выполнении сельскохозяйственных и оборонных работ возникли в Беленихинском районе из которого, согласно постановлению Курского обкома от 27 апреля 1943 г., об обязательном отселении населения из 25-км зоны [13, л. 13–14], в мае 1943 г., в южные окраины Скороднянского района были отселены 1 127 хозяйств общей численностью 4 518 чел. [17, с. 176]. В

соответствии с этим, количество привлекаемого населения по Беленихинскому району на оборонные работы, в сравнении с Прохоровским и Скороднянским, Курским обкомом было снижено в 2 раза. Тем не менее, за весь период оборонительного строительства с апреля по июль 1943 года, 2 тыс. жителей Беленихинского района трудилось на оборонных работах и еще 400 жителей было мобилизовано на работы в угольной промышленности на Кузбассе. 300 жителей Прохоровского района также получило наряд на работы в Кузбассе 18 июня, а двумя днями ранее, 80 чел. было направлено в Орск [9, л. 31–32]. 166 жителей Скороднянского района направили на работы в Подмосковный каменноугольный бассейн.

Примечателен факт, что некоторые рабочие, направляемые на работы в угольных шахтах, по дороге, часто дезертировали и возвращались в родные колхозы. При этом председателями колхозов и военными прокурорами они никак не наказывались, поскольку мероприятия оборонного характера все еще не были завершены и любые людские ресурсы были чрезвычайно важны. Тем не менее, председателям исполкомов, сельсоветов и районным прокурорам, приходилось проводить работы по изысканию беглецов, и, отправлять их обратно на работы в шахтах, согласно наряда.

Строительство оборонительных сооружений, аэродромов, дорог и мостов не прекращалось ни в июне, ни в июле, когда уже гремели бои на Курской дуге, но уже с привлечением значительно большего количества местного населения, нежели это было в апреле – мае. Так, Прохоровский райисполком предписывал мобилизовать к 30 июня до окончания оборонных работ на участке: Петровка – Кондровка Скороднянского района 1 150 человек по следующему плану [7]:

	Наименование с/советов	Кол-во людей	Лошадей
	Гусёк-Погореловский	250	2
	Радьковский	250	2
	Журавский	250	2
	Сеймичанский	150	1
	Большанский	75	1
	Домановский	75	1

Кроме того, 14 июня Курским обкомом ВКП(б) и исполкомом совета депутатов трудящихся было принято решение мобилизовать по 1000 жителей и 50 подвод от каждого района, включая Беленихинский, Прохоровский и Скороднянский районы, на строительство железной дороги Старый Оскол – Ржава [13, л. 70].

В Прохоровском районе, на строительстве третьей армейской (тыловой) линии обороны трудилось 7 тыс. местных жителей [17, с. 178]. И это только без учета отправленных в Орск и на Кузбасс, без учета населения, помогающего в госпиталях, участвовавших в строительстве военных дорог. Если учитывать все оборонные работы, то количество задействованных местных жителей достигало 9 180 чел. Колхозники района построили новую военную дорогу протяженностью 20 км и 10 мостов. В начале июля, 600 жителей Скороднянского района также участвовало в строительстве дороги Бобровы Дворы – Скородное [13, л. 92].

Участки оборонного строительства периодически подвергались налётам вражеской авиации, что также приводило к потерям, в том числе и среди гражданского населения. Для предотвращения последствий авианалётов также организовывалась местная противовоздушная оборона. Председатели сельсоветов назначались начальниками МПВО по сельским советам. На них ложилась ответственность по организации противовоздушной обороны. Председатели колхозов возглавляли МПВО в своих колхозах и занимались организацией

ликвидации последствий авианалётов: пожаротушением, доставкой раненых в больницу. Бригады являлись помощниками начальников МПВО в колхозах. Из каждой бригады, для пожаротушения, выделялось звено в составе 9 человек. Кроме противопожарных мер и соблюдения светомаскировки, в задачу МПВО входило строительство щелей для укрытия населения от бомбежек, шириной 1,2 м и глубиной 2,5 м, с расчётом на 10–15 человек [11, л. 59].

Не смотря на все трудности, небывалое сосредоточение сил, работая по 14, а то и более часов в день, красноармейцы и гражданское население самоотверженно выполняли свой долг на оборонных работах. Только на одном участке 183-й стрелковой дивизии, полоса обороны которой достигала 30 км по фронту и 32–35 км в глубину, с 29 марта по 5 июля 1943 г. было построено: 218 км траншей и ходов сообщений, 23 км противотанковых рвов, 38 дзотов, 22 участка заграждений, 26 командно-наблюдательных пунктов, 357 пулеметных окопов, 16 батальонных-дивизионных узлов сопротивления, 240 окопов для орудий и минометов, во всех населенных пунктах вырыты щели для укрытия местного населения от ударов авиации противника. Особенно, командованием дивизии, выделялись девушки из Александровского сельсовета: Татьяна Гурова, Екатерина Миронова, Юлия Скоробогатова, Валентина Семенова, Лариса Федорова, которые значительно перевыполняли дневную норму работы. Эти девушки, и многие другие, были награждены медалью «За боевые заслуги» [18, с. 150–151]. 386 человек были награждены орденами и медалями по Прохоровскому району, за вклад в оборонные работы.

После первых успехов Красной Армии в Воронежско-Касторенской и Острогожско-Россошанской операции, советское командование рассчитывало развить успех в Харьковской наступательной операции. Однако силы были уже истощены у обеих сторон. Было принято решение перейти к планомерной обороне. В районе Курской дуги была сооружена грандиознейшая система обороны, состоявшая из восьми полос.

В строительстве оборонительных сооружений принимали участие как непосредственно инженерные части воинских подразделений, так и местные жители. Кроме того, возведением оборонительных участков занимались также и Управления оборонного строительства. Существенные работы, на территории Белгородчины, были произведены силами УОС-38, которое возглавлял инженер-полковник Жуленев Иван Николаевич. УОС-38 занималось строительством тыловых линий обороны.

Структурно УОС-38 делился на несколько участков военно-полевого строительства: УВПС-138, УВПС-139, УВПС-140 и внештатный УВПС 1-го фронтового рубежа. В свою очередь УВПС делились на участки военно-строительных работ. Всего по УОС-38 было 9 УВСП, из которых 7 штанных, делившиеся на стройколонны, общей численностью в 10 стройколонн. Кроме того, имелось отделение полевой почты, особый отдел и база ЦМТБ (центральная механико-техническая база) [1, л. 133]. Помимо специалистов-строителей, в ведении УОСов также придавалось местное население.

Итак, что входило в задачи 38-го УОС? Управлению предстояло соорудить три основных рубежа обороны и отсечные рубежи, которые делились на батальонные рубежи, провести укрепление и строительство мостов, установление минных полей и частичное заболачивание местностей, а также провести подготовку ряда населенных пунктов к обороне. Постановление о строительстве рубежей Военным Советом Воронежского фронта было принято 12 апреля 1943 г. Полная сдача

объектов Степному фронту проходила 18 августа 1943 г., когда наступательные операции РККА на Курской дуге уже подходили к завершению.

Прежде чем приступить к интенсивному строительству, требовалось предварительно провести рекогносцировку местности. Рекогносцировка 1-го фронтового рубежа началась 25 марта 1943 г., проводилась и регулировалась вплоть до 31 мая. Еще раньше, 15 марта, началась рекогносцировка второго рубежа, и завершилась 30 июня, учитывая необходимость дополнительного сооружения Новооскольского обвода. Та же работа по третьему рубежу проводилась с 22 апреля по 31 мая [2, л. 66–68]. Проблемы по данному виду работ, начальник 38-УОС Жуленев, отразил в докладе начальнику отдела Укрепрайонов штаба Воронежского фронта от 17 мая 1943 г. Недостатком, стали следующие факторы: изначально поставленные короткие сроки для рекогносцировки, нехватка кадров рекогносцировщиков и отсутствие организованного руководства данными работами со стороны председателей комиссий. Все эти обстоятельства вместе, сказывались на качестве работ по рекогносцировке. Кроме того, отсутствовали четкие указания по обводам населенных пунктов, приспособляемых к обороне, и отнесённым к группе «А» [1, л. 216].

Что касается в целом кадрового вопроса, то здесь также имели место проблемы. Рассмотрим статистику. В УОС-38 за март – апрель, по данным на 20 апреля, как начальствующего состава, так и колонармейцев числилось только 4 274 чел. [3, л. 17], и, лишь к 1 мая, численность была доведена до 8 823 чел. [3, л. 21]. Кроме кадровых строителей, также в ведение УОСа придавалось и местное население, однако учитывая пахотный сезон, выходы местных на работы за март – начало мая, также был несущественным. Значительно лучше положение сложилось с середины мая до середины июня: численность кадрового состава УОС достигло 10 880 чел. и до 7 тыс. местных жителей [3, л. 25]. Однако в середине июня также наметился спад. По данным на 20 июня, кадровых строителей числилось гораздо меньше: 6 782 чел. Данные обстоятельства были связаны с тем, что многие кадры УОСа, а также местное население, призывалось непосредственно в ряды Красной Армии, что также сказывалось на темпе строительных работ. Так, в докладе Жуленева генерал-майору инженерных войск Бордзиловскому, в печатном тексте имеется просьба договориться с Отделом Укомплектования выделить на нужды 40-й армии людей, только по завершению полной работы медкомиссий, после 10 июня, при этом любопытна приписка ручкой от руки: «Лучше совсем не выполнять» [1, л. 219]. Так в 234 запасной стрелковый полк по состоянию на 11 июня уже было направлено 1571 человек, кроме того ещё имелись наряды на 500 человек для 6-й гвардейской Армии, 1500 для 40-й Армии и 500 для 1-й танковой Армии. Помимо этого имелись и непосредственно конфликтные ситуации с воинскими частями, дислоцировавшимися вблизи проводимых УОСом работ, т.к. офицеры частей перехватывали рабочие руки для строительства оборонительных линий на своих рубежах [9, л. 31–32], а также необходимо учесть, что имелся некоторый процент болеющих среди штатного состава.

Тем не менее, не смотря на имеющиеся трудности, 38-й УОС приступил к выполнению своих обязанностей. Рассмотрим краткую характеристику оборонительных рубежей, определённых для УОС-38 в конце марта – начала апреля, однако стоит отметить, что позднее, некоторые обводы и участки были выведены из зоны ответственности данного УОСа. Первый фронтовой рубеж обороны проходил по следующим населённым пунктам: Вышнее Котово, Пселец, Марьино (ст. Ржава), Пристенное, Масловка, Скородное, Яблоново, Анновка, Барсук, Богдановка, Ново-Александровка, Тишанка. Передний край обороны

проходил по рекам: Донецкая Сеймица, Короча, Холок, Волчья и по естественным преградам в виде оврагов, требовавших местами создания искусственных преград (до 90 км). Общая протяженность переднего края около 160 км. На юге, данный рубеж обороны стыковался с рубежом обороны Юго-Западного фронта в населенном пункте Борисовка. На протяжении данной линии планировалось оборудовать 68 батальонных рубежей и 2 ротных опорных пункта [2, л. 66].

Второй фронтовой рубеж состоял из основного рубежа по левому берегу реки Оскол и обвода перед городом Новый Оскол. Основной рубеж тянулся с севера на юг от населенного пункта Окуни через Чернянку, Ездочное, Новый Оскол, Песчанку, Старо-Ивановку и Волоконовку, соединяясь с линией обороны Юго-Западного фронта в районе населенного пункта Заломное. Протяженность данной линии составляла 77 км и должен был состоять из 25 батальонных рубежей. Новооскольский обвод имел протяженность 57 км в составе 18 батальонных рубежей [4, л. 1–11].

Третий рубеж проходил по маршруту около 70 км: Гущино, Бобровы Дворы, вдоль реки Орлик к населённым пунктам Орлик и Завалищено, соединяясь, таким образом, со вторым рубежом.

За март – апрель, на всех трех рубежах, было подготовлено 8 938 сооружений. В мае интенсивность строительства заметно возросла и дополнительно было подготовлено еще 13 375 сооружений, из которых 6 030 – пулеметных. Средний выход на работы за май составили 8 810 колоннармейцев и 7 148 гражданского населения, преимущественно женщин и подростков (всего: 15 959 человек). Весной 1943 г. УОС-38 было закончено строительство 152 плашкоута, 365 погонных метра верхнего строения к ним, сделано 3 комплекта верхнего строения МдПА-3 (модернизированный понтонный парк А-3); на 70 % выполнено строительство КП Военного Совета Воронежского фронта; усиленно под грузы 40 т и построено вновь 75 погонных метра мостов и две дорожных трубы по маршрутам: Кривошеевка, Радьковка, Журавка-1, Журавка-2, Сеймица, Пристенное. Также укреплялись для обороны населённые пункты: Сидоровка, Дегтярное, Солонец-Поляна, Беломестное, Верхнее Кузькино, Долгая Поляна, Истобное, Огибное, Русская Холань, Слоновка, Осколец, Уколово, Большая Холань, Лозное, Чуево, Бобровы Дворы, Кошеево, Призначное, Вязовое, Холодное [1, л. 264–267].

Также возникали и другие трудности: отсутствие механизации производства работ, все делалось исключительно ручным трудом. Задержка прибытия по железной дороге из района Бутурлиновки цемента и железобетонных колпаков вынуждало также искать другие выходы при оборудовании огневых точек. Огневые точки батальонных районов, где близость леса не превышала 20 км, делались дерево-земляные, а при отсутствии лесистой зоны делались плетневые, землебитные или с покрытием волнистым железом. Из подсобных предприятий, работавших для нужд УОС-38 использовались базы лесопильных заводов в Хреновом, Козловке, Грибановке и смолокурного завода в Хреновом для производства плашкоутов, дверей для убежищ и землянок, срубов ДЗОТов и прочего. На этих предприятиях, в мае месяце, работало 203 человека, при потребности в 500. Помимо этого, имелось в пользовании 320 га земли в Курской и Воронежской областях подсобного хозяйства и свинофермы на 45 голов.

Трудности со сроками, кадрами и материалами побуждали принимать рационализаторские идеи. Так, начальником 139 УВПС инженер-майором Кохманом была организована полевая мастерская по ремонту инвентаря, и без того ограниченного по УОСу, устранив простои рабочей силы. Главный инженер 402 УВСР инженер-майор Машурин организовал на стройдворе организовал

выпуск в цельном виде плетней в форме корзины для огневых точек батальонных районов, удаленных от лесных массивов, сократив затраты рабочего времени на 25 %. Плетневые ОТ были подвергнуты испытаниям от прямого попадания 50 мм мин и успешно его выдержали. Также в УОС-38 разработали систему приспособления трофейных мин и артиллерийских снарядов как противотанковых мин без дополнительного заряда взрывчатого вещества и прочее. Данные разработки были успешно испытаны при Инженерном Управлении Воронежского фронта и в Москве при ГВИУ КА. Например, начальнику 38-УОС был отправлен документ от 1 июля, за подписями заместителя начальника инженерного комитета КА полковника Ильина и начальника 1 отдела инженерного комитета КА полковника Ястребова испытанных в июне на полигоне ГАБТУ 2 деревоземляных, 2 землебитных, 1 засыпного и 1 сборного железобетонного сооружений. В нём сообщалось, что сооружения испытывались в наиболее невыгодных условиях на ровном участке без применения раствора, скоб или других металлических креплений на наезд танками на нормальной скорости с разворотами, для чего использовались лёгкий трофейный танк «Прага», средний танк Т-34 и тяжелый танк КВ. Далее следовали выводы комиссии, описывавшие результаты испытаний, из которых можно понять, что в целом легкие и противоосколочные сооружения выдержали их, а для устранения выявленных недостатков и улучшения их живучести были описаны изменения, которые следует внести в их конструкцию [2, л. 44].

Не смотря на ряд удачных решений, тем не менее, уложиться в весьма сжатые сроки при оборонительном строительстве, УОС-38 по объективным причинам не могло. Это вынудило начальника 38-УОС Жуленева 11 мая обратиться к начальнику укрепрайонов штаба Воронежского фронта полковнику Наумову для внесения ясности по следующим вопросам:

1) можно ли, как минимум, строить сооружения на БР в количестве, соответствующему количеству вооружения стрелкового батальона;

2) можно ли, при развитой сети траншей, не строить позиции для ручного пулемета, а ограничиться устройством соответствующего количества открытых площадок для ручного пулемёта в траншеях;

3) целесообразно ли делать в траншеях ячейки для бойцов до занятия рубежа войсками;

4) можно ли при строительстве рубежа летом, устройство землянок отнести к работам 3-й очереди, а в 1 и 2-е очереди ограничиться устройством щелей и убежищ;

5) при известной стабилизации фронта и удалённости рубежа от переднего края более 50 км устанавливать ли противотанковые и противопехотные мины или можно ограничиться только подготовкой минного поля (устройство лунок, подвоз к полю мин и хранение их вблизи минного поля);

6) можно ли на отдельных БР, расположенных далеко от леса и дорог в позициях для станкового пулемета, основные сооружения делать – открытые площадки [1, л. 216].

По мере готовности объектов, происходила их сдача. Так, 24 мая, был составлен акт сдачи 38-УОС батальонных рубежей № 30, 31, 32, 33, 34. В качестве приемщиков выступали представители 287 гв. СП, оценив работы на «отлично». К акту прилагалась ведомость о сделанных сооружениях. Указывалось, что рубеж занят под оборону войсками 287 гв. СП [1, л. 224].

Работа по строительству оборонительных сооружений велась практически всё лето. В начале июня, начальником 38-УОС было принято решение о строительстве

на наиболее разнообразном по топографии участке Оскольского рубежа одного учебно-показательного района для обучения инженерных кадров УОСа. 18 августа прошла полная сдача объектов, передача их из ведения Воронежского фронта Степному и подписан соответствующий акт.

Результат работы УОС-38 весной-летом 1943 года был следующий:

Рубеж обороны	1-й фронтной	2-й рубеж	Обвод к Новому Осколу	Отсек фронтных рубежей	Отсечный фронтной рубеж
Маршрут	Скородное–Яблоново–Покрово-Михайловка–Богдановка–Плотвянка	Гнилое–Новый Оскол–Волоко-новка с обводом Нового Оскола	Голубино-Киселевка-яр Холоч-яр Хмиливатый	Скрынниковский-грейдер Волчанск – Слоновка – грейдер Шидловка – Афоньевка – река Оскол	Мышинка-Завалищено
Всего сооружений	11 755	6 040	1 897	266	3 921
Артиллерийские	891	150	30	–	115
Минометные	1 211	814	46	–	639
Пулеметные	5 806	3 658	1 316	–	2 108
Позиций для ПТР	1 364	662	193	–	–
Стрелковых окопов	1 342	263	191	–	298
Наблюдательных пунктов	331	107	25	–	45
Убежищ	514	169	19	–	31
Траншей и ходов сообщений	431 км	302,7 км	67 км	25,8 км	135,6
ПТП всех видов	147,7 км	81 км	31 км	–	31 км
Оценка	«отлично» и «хорошо»	и «отлично» и «хорошо»	и «отлично» и «хорошо»	и «отлично»	и «отлично» и «хорошо»

Несмотря на некоторый ряд замечаний, в целом, комиссия высоко оценила проделанную УОС-38 работу, отметила добросовестный подход к выполнению задач и применение новаторских идей. Неоднократно многие колоннармейцы и гражданское население перевыполняли трудовые нормы, следуя стахановскому движению, труд которых был отмечен наградами и грамотами. И хотя тыловые линии обороны не пришлось задействовать для противодействия врагу, они стали надёжной подстраховкой для Красной Армии, учитывающий предыдущий опыт войны и предусматривающий все возможные варианты развития событий на фронтах, став очередным символом самоотверженного военного и трудового подвига советского народа.

Исходя из вышеизложенного, следует, что поставленная цель работы была достигнута. На основе архивных документов удалось проследить процесс подготовки оборонительных сооружений на территории Прохоровского района к летней кампании 1943 г. и рассмотреть их значение в начавшихся боевых действиях.

В документах отмечался ряд негативных моментов, которые удавалось ликвидировать в короткие сроки. Несмотря на все трудности, небывалое сосредоточение сил, работая по 14, а то и более часов в день, красноармейцы и гражданское население самоотверженно выполняли свой долг на оборонных работах.

Источники и литература

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 30008. Оп. 2. Д. 6.
2. ЦАМО РФ. Ф. 30008. Оп. 1. Д. 2.
3. ЦАМО РФ. Ф. 30008. Оп. 2. Д. 1.
4. ЦАМО РФ. Ф. 30008. Оп. 1. Д. 9.
5. ЦАМО РФ. Ф. 30008. Оп. 1. Д. 2.
6. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАБО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 5.
8. ГАБО. Ф. Р-109. Оп. 1. Д. 6.
9. ГАБО. Ф. Р-109. Оп. 1 Д. 16в.
10. ГАБО. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАБО. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАБО. Ф. Р-110. Оп. 1. Д. 3.
13. ГАБО. Ф. Р-111. Оп. 4. Д. 1.
14. 70 лет Победы в Курской битве. Курская битва. Взгляд через объектив. М., 2013.
15. Васильев Л.Н., Желтов И.Г. В прицеле – Прохоровка. В 2-х т. М.; Белгород; Прохоровка, 2013. Т. 2.
16. Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.). К 75-летию подвига советских солдат и тружеников тыла. СПб., 2018.
17. Хроника событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на Белгородчине. Белгород, 2008.
18. Чиченков А.П. Накануне Курской битвы. Белгород, 1993.

С. В. Бородина

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТАНКОВ Т-70 В ПРОХОРОВСКОМ ТАНКОВОМ СРАЖЕНИИ

Накануне Великой Отечественной войны было принято решение в срочном порядке наладить на автозаводах массовое производство легких танков, так как в них применялись освоенные промышленностью автомобильные агрегаты, а их конструкции требовали более низкой трудоемкости и меньше дефицитного бронелиста. В результате развернувшихся работ в течении войны на вооружение Красной армии появилась целая серия быстрых и легких танков, автором которых стал известный конструктор Николай Астров [28, с. 47]. Производство Т-70 продолжалось до октября 1943 г., и всего было выпущено около 8,2 тыс. машин [28, с. 48]. Танк Т-70 стал одним из самых массовых легких танков времен Второй мировой войны.

В марте 1942 г. легкий танк Т-70 поступил на вооружение Красной армии. «Семидесятки» наряду с Т-34 состояли на вооружении танковых частей смешанного состава.

В период Великой Отечественной войны этот легкий танк применялся в Сталинградской битве, в общем зимнем контрнаступлении, в боях под Харьковом и многих других. «Звездным часом» Т-70 стала Курская битва летом 1943 г [28, с. 49].

Целью данной статьи является рассмотрение применения в Прохоровском сражении легкого танка Т-70, особенностей его участия в боях, на примере действий в составе частей 5 гвардейской танковой армии с 10 по 16 июля 1943 Г.

Легкие танки летом 1943 г. составляли немалую долю в численности соединений Красной армии. Так, из 177 танков 18-го танкового корпуса (тк) 35,5 % составляли Т-70, остальные – Т-34 и почти два десятка Мк-IV «Черчилль». В 29-м тк Т-70 было даже больше – 38,8 % [29].

Легкие танки Т-70 составляли почти треть всех машин [24, с. 11]. Это отчетливо прослеживается в документах. Приведем данные по количеству танков Т-

70 из сведений о состоянии материальной части и обеспеченности 5-й гвардейской танковой армии на 17:00 11 июля 1943 г. [1, л. 12; 20, с. 143–144].

	29 тк	18 тк	2 тк	2 гв. Ттк	5 гв. Змк	армейские части	Всего
В строю	81	58	46	52	56	8	301
В пути	4	5	–	–	4	1	14
В ремонте	–	–	2	–	–	1	3

Помимо этих данных не редко в работах по Курской битве приводятся и другое количество, а именно – 264 легких танков Т-70 накануне 12 июля в составе 5-й гв. ТА [20, с. 40].

12 июля 1943 г. на главном направлении наступления 5-й гв. ТА действовал 29-й танковый корпус. В его составе имелось 85 легких танков Т-70 – из них участвовало в бою – 70. В первом эшелоне боевого порядка корпуса наступала 32-я танковая бригада. За ней наступали 31-я и 25-я танковые бригады и 53-я мотострелковая бригада с 271-м минометным полком. Потери за день боев в 31 танковой бригаде составили в том числе 20 – Т-70.

В наступавшей на левом фланге 29-го тк 25-й танковой бригаде также имелась танковая колонна, построенная на средства колхозников Тульской области «Тульский колхозник». В ее составе имелись 21 танк Т-70 производства (ГАЗ) [14, с. 367–371].

Значительно разнятся данные по количеству потерь танков Т-70 за один день боев 12 июля, это зависит от времени составления отчетов, учитывались или нет безвозвратные потери, а так же куда в подсчетах относили машины в скором времени вернувшиеся в строй после ремонта. Так в «Докладе офицера Генерального штаба Красной Армии о боевых действиях 5-й гв. ТА с 7 по 24 июля 1943 г.» [20, с. 126–130] от 1 августа 1943 г. – находим следующие данные о потерях этого типа легких танков: в 18 тк – 11, в 29 тк – 38, у 2 гв Ттк потери составили 8 танков. По документам частей потери отличаются, так в 29 тк потери составили 35 – Т-70, безвозвратные потери 28 танков, в 18 тк – 15 танков, во 2 тк один Т-70, два в 5 гв Змк, а у 2 гв Ттк – 14 [2, л. 150; 3, л. 137–137 об.]

Известны и другие данные о потерях 5 гв. ТА за 12 июля, так же базирующиеся на архивных документах. В них приводятся следующие данные по потерям танков Т-70: сгорело – 50, подбито – 39. Итого общее число составляло 89 танков. Сюда отнесены в том числе 4 - Т-70 из 25 тбр вышедшие из строя на поле боя 12.7.43 г. по техническим причинам и 2 танка из состава 5 гв. Змк подорвавшиеся на минных полях в ходе марша того же дня. Как бы то ни было, исходя из числа легких танков Т-70 на вечер 11 июля, потери за день боев не превысили трети имевшихся машин [17, с. 476–477].

В ходе боя 12 июля в 29 тк из участвовавших в атаке Т-34 вышло из строя 78 %, а у Т-70 только 50 %, при этом более 60 % потерянных тридцатьчетверок не подлежали восстановлению, а у семидесятки этот показатель составлял 40 %. В заключении рассмотрения данного вопроса, приведем данные из сведений о наличии и потерях материальной части 29 тк за период боев с 12 по 16 июля 1943 г.: наличие боевых машин Т-70 – 52, из них на ходу – 47, будет восстановлено к 6.00. 17 июля 1943 г. – 3, безвозвратные потери (сожжены) – 31 танк [4, л. 2].

Во встречном танковом бою Т-70 поражался без проблем, но интересным является тот факт, что процент безвозвратных потерь у бензиновых «семидесятки» оказался ниже, чем у дизельных и лучше бронированных «тридцатьчетверок».

Одна из причин такого соотношения потерь легких и средних танков советского производства отмечалась в отчете «Поражаемость танков в Великой Отечественной войне», составленном осенью 1945 г.: «Случаев полного разрушения

танков Т-70 и других легких танков от взрыва снарядов боекомплекта в ходе войны не наблюдалось. Проведенными испытаниями установлено, что боекомплект 45-мм снарядов не детонирует» [30, с. 58].

12 июля 1943 г. после 15-минутного артиллерийского налета и ударов авиации 5-я гвардейская танковая армия с приданными двумя танковыми корпусами (2-м и 2-м гвардейским Тацинским) нанесла удар в общем направлении на Яковлево. Одновременно в наступление перешли и соединения 2-го немецкого танкового корпуса СС [21, с. 31–32].

Описание событий 12 июля сохранились в воспоминаниях генерал-лейтенанта П. А. Ротмистрова, командующего 5-й гв. танковой армией: «Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его «тигры» и «пантеры», лишённые в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки наскакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь» [26, с. 290].

Интересно взглянуть на события того же дня, 12 июля 1943 г., сохранившегося в воспоминаниях танкистов. Приведем фрагмент воспоминаний командира взвода танков Т-70 из 31 тбр лейтенанта Александра Феня: «Когда началось это тяжёлое сражение под Прохоровкой, я, лейтенант Фень, командовал танковым взводом лёгких двухместных танков Т-70 в 31-й танковой бригаде. Наш танковый батальон, укомплектованный этими легкими машинами, наступал в третьей линии. А впереди – 32-я бригада, полностью укомплектованная танками Т-34. Они врезались в боевые порядки наступающих немецких танков, били их из пушек, а многие и шли на таран. <...> Наступали мы на своих легких танках в 100–200 м от “тридцатьчетверок”. Продвижение вперед было медленным, часто останавливались, отражая контратаки противника. Вскоре и к нам стали пробиваться немецкие танки. Несмотря на малый калибр пушки Т-70 (всего 45 мм) да еще и с близкой дистанции, от ее бронебойного снаряда немецкие самоходки горели хорошо. Только разобраться в бою где свой, а где враг стало сложнее. Особенно, когда наши и немецкие машины смешались во встречном бою. <...> Чтобы выжить самому, я маскировал наш Т-70 под “горящий” танк путем установки на броню дымовых шашек. Когда стрелял с места, то выбрасывал вперед танка дымовую гранату. Благодаря всему этому в бою 12 июля 1943 года мне удалось уничтожить 3 немецкие машины, а свою сохранить. <...> К вечеру 12 июля накал боя стал утихать и у нас. Трудно представить какое угнетенное состояние охватило нас, молодых танкистов. Потери большие, а успеха в продвижении, как мы считали, не было. В начале дня наш батальон был укомплектован танками Т-70 сверх штата. Вместо 31-го танка было 39, а к вечеру осталось всего 15! <...> Но вечером по всем радиосетям передали обращение к нам командующего 5-й гвардейской танковой армией П. А. Ротмистрова. Он сказал: “Танкисты! Вы совершили настоящее чудо. Вы остановили немецкого зверя!...”».

Услышав такое, нам стало легче, и мы ещё с большим энтузиазмом стали готовиться к завтрашнему бою» [11].

Не редко документы описывают ситуацию, когда танкисты в ходе боя получали ранения, но поле боя не покидали. Так, ст. лейтенант Ф. М. Дегтярев командир взвода танков Т-70 в бою 12 июля у Сторожевого был ранен. Когда механик-водитель танка в бою был тяжело ранен и не мог управлять машиной, Федор Максимович сел на его место и вывел свой танк с поля боя. Одновременно он эвакуировал на своем танке троих раненых танкистов [6]. В том же бою был ранен мл. сержант А. В. Кислянский. Отказался ехать в госпиталь и раненый водил машину до окончания боя. Танк был подбит, но, несмотря на ранение, подбитую машину вывел с поля боя [7]. Когда в боях за д. Выползовка танк гв. мл. сержант Б. И. Кирьянов был подбит, он был ранен, поля боя не покинул, а вместе с командиром взвода тов. Алисовым перешел на другую машину и снова продолжил отражать натиск наседавшего противника, при этом подбили танк Т-4 и автомашину с пехотой [8].

В ходе Прохоровского сражения танки Т-70 чаще всего использовались для ведения разведки. Эти легкие танки как нельзя лучше подходил и для разведки боем, для действий в лесисто-болотистой и резко пересеченной местности. Небольшой шум от работы автомобильных двигателей, приличная скорость и низкий силуэт делали эту машину малозаметной для противника.

Приведем пример фрагмент из наградного документа танкиста А. Н. Чистякова. «12 июля противник готовил атаку на Сторожевое. Разведгруппе, в составе 2 танка Т-70, в которую входил и Чистяков, была поставлена задача разведать боем оборону противника. На повышенной скорости, не смотря на сильный арт. огонь, тов. Чистяков вел свой танк вперед, командир машины вел огонь из пушки и пулемета. Благополучно миновав зону арт. обстрела и достигнув лощины, экипаж продолжил выполнять основную задачу – вести наблюдение за передним краем обороны, уточнять группировку противника на данном участке. Имея необходимые данные, разведчики возвращались в часть. В этот момент из засады по ним начали бить из ПТО. По приказанию командира танка, тов. Чистяков быстро развернул машину и смело повел на сближение с ПТО. После нескольких выстрелов из пушки танка, на месте орудия была гряда развалин».

Значительное количество документов отмечает тот факт, что танки не оставляли до последнего и предпринимали все возможное что спасти свою машину. Так, А. О. Осипьян 10 июля в бою юго-западнее дер. Васильевка, когда его танк от снаряда противника загорелся снял шинель и погасил огонь, после чего вывел его в безопасное место. У И. П. Харитонова в одном из боев за д. Шипы танк затонул в болоте, но механик-водитель танк не покинул до тех пор, пока не получил на это приказания. Не оставил свой танк и М. П. Панюшкин, когда в одном из боев отказала коробка передач и танк не мог двигаться. Михаил Петрович оставался с танком до тех пор, пока не был эвакуирован с поля боя.

Бывало и так, что танкисты оставались без своей машины, но поле боя не покидали. Например, механик-водитель танка Т-70 гв. сержант В. В. Трапков в боях за дер. Выползовка трижды водил свой танк в контратаку против превосходящих сил противника, отразив все атаки танк вышел с поля боя невредимым. В другую контратаку в тот же день танк был подбит, но отважный воин с поля боя не ушел, а занял оборону в руках с автоматом, и мужественно сражался до конца атаки.

Как наглядно видно из приведенных примеров, в одном бою танкисты могли выполнять сразу несколько задач: ходили в разведку, участвовали в атаках, уничтожали немецкую технику, спасали раненых товарищей, выносили их с поля

боя, самостоятельно могли эвакуировать и ремонтировать свои подбитые танки. Например, механик водитель танка Т-70 П. А. Страх – в боях на Белгородском направлении с 12 по 19 июля 1943 г. отремонтировал и восстановил 4 танка в трудных полевых условиях. Командир роты танков Т-70 лейтенант П. Н. Ховрин – в боях 12 июля 1943 г. в районе Сторожевое под ураганным огнем исправлял дефекты в машине, где и был тяжело ранен, до последней минуты не оставлял руководство боем.

В ходе Курской битвы и особенно Прохоровского встречного такого сражения 12 июля 1943 г. была хорошо налажена и организована работа по ремонту и восстановлению танков. В ряде документов отмечалось, что действовала хорошо налаженная эвакуация техники с поля боя. Приведем пример из боевого донесения 29 тк от 12 июля 1943 г.: «Соединения и части корпуса производят эвакуацию раненых и материальной части. <...> Эвакуация подбитых танков производится тремя безбашенными танками Т-34 и одним танком М-3. По восстановлению мат. части работают четыре бригады» [9, л. 135, 136].

Отдельно хотелось бы отметить и вклад самих техников по ремонту танков. Техник-лейтенант помощник командира роты танков Т-70 по технической части 31 танковой бригады Грибачев А.Р. во время наступления роты 12 июля 1943 г. за совхоз Красный Октябрь «болел душой за сохранность своих танков и после боя не считаясь со временем из под огня противника эвакуировал два танка Т-70. Остальную матчасть, вышедшую из строя восстановил» [10]. Слесарь-монтажник В. И. Маришин из 31 тбр за период с 12 по 25 июля эвакуировал с поля боя 9 танков Т-70. 14 августа того же года награжден орденом Красной Звезды. И таких примеров осуществления ремонта в боевых условиях удалось найти в таком объеме, что об этих мастерах была подготовлена отдельная статья [13, с. 26–36].

По итогам сражения встречаются разные оценки боевого применения легкого танка Т-70 в Прохоровском сражении. В основном, данные характеристики носили негативную окраску. Например, такую характеристику можно встретить у начальника штаба 5 гв танковой Армии гвардии генерал-майор танковых войск Баскаков и начальника оперотдела штаба Армии гвардии полковник Белозеров, данную ими в отчете штаба 5-й гвардейской танковой Армии о боевых действиях под Прохоровкой: «Танк Т-70, как имеющий слабое вооружение и броневую защиту – совершенно не способен вести бой в современных условиях – с вооружения снять» [25, с. 419–420]. Более известным является суждение командующего 5-й гвардейской танковой армией П. Ротмистрова, высказанное в письме Г. Жукову 30 августа 1943 года: «Танки Т-70 просто нельзя стало допускать к танковому бою, так как они более чем легко уничтожаются огнем немецких танков» [27, с. 107; 30, с. 59], по окончанию наступательной операции на орловско-белгородском направлении в июле – августе 1943 г. стали появляться и иные точки зрения. 25 сентября 1943 г. генерал-лейтенант танковых войск Богданов докладывал в ГАБТУ Красной Армии: «Танк Т-70 в виду своей высокой подвижности как нельзя лучше соответствует задаче преследования отступающего противника. <...> Если немецкие артиллеристы могут вести огонь по танку Т-34 с расстояния 800–1200 м, то малые размеры Т-70 на местности снижают эту дистанцию до 500–600 м. Малый вес танка облегчает его транспортирование как к линии фронта, так и во время эвакуации подбитых танков в тыл. Танки Т-70 проще в освоении и управлении малоподготовленными водителями, подлежат ремонту в полевых условиях. <...> Все имеющиеся случаи больших потерь подразделений танков Т-70 объясняются большей частью неграмотным применением, но не конструктивными недостатками самого танка» [30, с. 59].

Интересна и оценка, тех против кого танки непосредственно применялись. За высокую маневренность, массовое производство и те «неприятности», которые приносили им атаки советских танкистов, солдаты вермахта прозвали легкие танки, состоящие на вооружении Красной армии, «неистребимой саранчой». И это даже несмотря на то, что эти боевые машины применялись не совсем в том качестве, в котором предполагалось (то есть не как разведывательные, охранные и командирские машины, а как танки поддержки пехоты) [28, с. 49].

Действительно, можно встретить много названий «семидесяток», его называли «мобилизационный танк», боевая «саранча» и даже «заменитель танков», долгое время он оставался в тени своих собратьев. Выпуск Т-70 пришелся на коренной перелом, когда в немецкой армии появились модернизированные танки, противостоять которым легкой машине было уже трудно. Во время празднований дней Победы ему не писали хвалебных од. Но этот танк был прост и как нельзя лучше соответствовал требованиям «танка военного времени» [30, с. 2].

Сражение на Курской дуге еще раз показало, что Т-70 не годятся для использования в открытом бою, но исходя из многочисленных рассмотренных нами в данной статье примеров, со всей смелостью можно утверждать, что Т-70 в прохоровском сражении были достаточно эффективны, полностью выполняли возложенные на них задачи, с успехом применялись в разведке и для уничтожения техники и живой силы противника. Подвиги отважной экипажей данных танков навсегда будут вписаны в историю сражения на Прохоровской земле, и не будут забыты имена тех, кто покоится в братских могилах нашего района.

Какова же была дальнейшая судьба танка Т-70? После прекращения производства они использовались в качестве командирских машин в самоходно-артиллерийских частях, вооруженных САУ СУ-76М (эта САУ создана на шасси Т-70). Кроме того, на базе Т-70 разработаны зенитная самоходная артустановка ЗСУ – 37 и многие другие экспериментальные САУ [28, с. 187].

Контролировал и непосредственно руководил работами по созданию легкой самоходки СУ-76М

Гинзбург Семен Александрович. Удивительным образом его судьба тесно связано с Прохоровской землей. После того, как за низкое качество первых самоходных установок СУ-76 Гинзбург был отстранён от должности, его направили в действующую армию. Инженер-полковник в составе 32-й танковой бригады занял должность заместителя командира бригады по технической части. Бригада действовала в составе 29-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии. 3 августа 1943 года С. А. Гинзбург, погиб в районе деревни Малая Томаровка Курской области. Похоронен в с. Беленихино Прохоровского района. Созданная С. А. Гинзбургом СУ-76М стала одной из самых массовых САУ в истории.

Источники и литература

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 332. Оп. 4948. Д. 67.
2. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 20.
3. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 70.
4. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 80.
5. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1459.
6. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 2332.
7. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 658.
8. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3790.
9. ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 70.
10. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 1461.
11. «Александр Фень на Прохоровке». Записано со слов Александра Феня [Электронный ресурс] // URL: <https://stalin-line.by/nashi-proekty/istorii/aleksandr-fen-na-prokhorovke> (дата обращения: 06.04.2022).

12. Бах И.В. Боевые машина Николая Александровича Астрова // Техника и вооружение. 2014. № 11. С. 49–56.
13. Бородин С.В. «...Насколько быстро справятся со своим делом эти “танковые лекари”, зависит время вступления нашего танка в бой». Восстановление бронетанковой техники ремонтниками Воронежского фронта в Курской битве. // Военно-исторический журнал. 2024. № 7. С. 26–36.
14. Васильева Л.Н., Желтов И.Г. В прицеле – Прохоровка. В 2-х т. М.; Белгород; Прохоровка, 2013. Т. 1.
15. Великая Отечественная. Государственный Комитет Обороны. Постановления и распоряжения. М., 2017. Т. 2, Кн. 1. (январь – июнь 1942 г.).
16. Вестник Танковой промышленности. 1944. № 8–9. Август – сентябрь.
17. Замулин В.Н. Прохоровка. Неизвестные подробности об известном сражении. М., 2013.
18. Исаев А. Легкий танк тяжелого периода ВОВ: о сложностях производства Т-70 на автомобильном заводе [Электронный ресурс] // URL: https://tass.ru/opinions/13975223?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 16.04.2022).
19. Карпенко А.В. Обзорение отечественной бронетанковой техники. СПб, 1996.
20. Курская битва (5 июля – 23 августа 1943 г.). К 75-летию подвига советских солдат и тружеников тыла. / под ред. И. И. Басика, Н. И. Овчаровой [и др.]. СПб., 2018.
21. На Огненной дуге. Орел – Курск – Белгород. М.; Белгород, 2012.
22. Пашолок Ю. Мобилизационный легкий танк военного периода [Электронный ресурс] // URL: <https://zen.yandex.ru/media/yuripasholok/mobilizacionnyi-legkii-tank-voennogo-perioda-6220fc01af514064124deb50?&> (дата обращения: 20.09.2024).
23. Пашолок Ю. Т-70: подросший малыш [Электронный ресурс] // URL: <https://warspot.ru/7406-t-70-podrosshiy-malysh> (дата обращения: 19.04.2022).
24. Поле русской славы. Путеводитель по музею. Белгород, 1989.
25. Прохоровское поле. Из хроники танкового сражения / под ред. В. П. Бекетова. Белгород, 1998.
26. Ротмистров П.А. Стальная гвардия. М., 1984 [Электронный ресурс] // URL: <http://militera.lib.ru/memo/russian/rotmistrov2/index.html> (дата обращения: 15.04.2022).
27. Свиринов М.Н. Стальной кулак Сталина. История советского танка 1943–1955. М., 2006.
28. Танки и бронетехника. М., 2020.
29. Уничтожьте «Цитадель»: Sabaton и Алексей Исаев о битве на Курской дуге. [Электронный ресурс] // URL: <https://warhead.su/2019/02/25/unichtozhte-tsitadel-sabaton-i-aleksey-isaev-o-bitve-na-kurskoy-duge> (дата обращения: 16.04.2022).
30. Свиринов М., Коломиец М. Легкий танк Т-70 // Фронтальная иллюстрация. 2006. № 5.

С. А. Душкин

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАДАНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЛЕНУМОВ КУРСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ ЗА 1945 ГОД)

В настоящее время особое значение имеет изучение социальной практики комсомола как самой массовой и влиятельной молодежной организации в отечественной истории. «Его опыт должен выступать в качестве важного компонента созидательной деятельности политических организаций на современном этапе, – указывал известный исследователь истории комсомола профессор А. А. Слезин [1, с. 5]. Речь идет об изучении не только положительного, но и негативного опыта. Само осознание ошибочности тех или иных действий имеет позитивное значение для извлечения уроков истории. Научную актуальность исследований по этой проблеме значительно повышает изучение комсомольских организаций как субъектов и объектов модернизационных процессов. В истории областной комсомольской организации наиболее изученным до сих пор остается период перехода от суровых военных лет к восстановлению объектов разрушенного народного хозяйства (1944–1946 гг.)

В январе 1945 г. был проведен XIII пленум ЦК ВЛКСМ, на нем обсуждался вопрос «Об улучшении политико-воспитательной работы, комсомольских организаций среди молодежи» [2, с. 192]. На XIII пленуме ЦК комсомола

подчеркивалось, что комсомол должен рассматривать культурно-массовую работу как одно из важных средств воспитания и усиления связей с широкими массами молодежи. Перед первичными комсомольскими организациями ставились задачи восстановления сети культурно-просветительских учреждений: изб-читален, колхозных клубов, увеличивать число участников самодеятельного искусства [2, с. 194].

В принятом решении пленума указывалось, что секретари комитетов комсомола, руководители комсомольских организаций должны были регулярно выступать с лекциями в молодежных аудиториях [2, с. 268].

IX пленум Курского обкома комсомола, состоявшийся 20–23 февраля 1945 г., обсудил итоги XIII пленума ЦК ВЛКСМ [3, л. 3]. Учитывая значимость рассматривавшихся на пленуме вопросов, в его работе приняли участие секретари Курского обкома ВКП(б) П. И. Доронин, М. И. Захаров, А. И. Легасов [3, л. 1].

На пленуме было отмечено, что воспитательная работа – это самый важный инструмент на пути к победе советского государства над немецко-фашистскими захватчиками, а также в ходе восстановления разрушенного хозяйства страны.

Во время обсуждения итогов XIII пленума ЦК ВЛКСМ члены Курского обкома комсомола подчёркивали явные недостатки, встречавшиеся в областной комсомольской организации. Многие первичные организации ВЛКСМ слабо работали с молодежью, не учитывали изменений, произошедших в молодежной среде за годы войны. Явно неудовлетворительно была поставлена работа среди молодежи колхозов, где не были созданы первичные комсомольские организации. Многие комсомольские работники проводили воспитательную работу на низком уровне. Это свидетельствовало о слабом уровне идейно-политических знаний среди большей части вожakov молодежи.

Во многих первичных организациях не уделялось внимание укреплению трудовой дисциплины, не принимались меры к ее нарушителям. Многие первичные организации так и не стали объектами пристального внимания со стороны обкома, горкомов и райкомов ВЛКСМ. Недостатки политико-воспитательной и организационной работы проявлялись в кадровой политике. Так, в IV квартале 1944 г. областная комсомольская организация в свои ряды приняла вдвое меньше членов чем в I квартале того же года. В этот период 66 % первичных организаций не приняли в комсомол ни одного человека. 39 % первичных организаций были малочисленными и насчитывали от трех до пяти членов. Приведенная на пленуме статистика свидетельствовала об определенной утрате авторитета комсомола в молодежной среде.

В Курской области 37 % первичных организаций колхозов оставались малочисленными и насчитывали от трех до пяти комсомольцев, не охватывая актив молодежи. В Щигровском районе из 48 колхозных организаций были 32 малочисленные, в Иванинском (секретарь РК ВЛКСМ – Н. Д. Попова) из 44 организаций – 25, а в Ястребовском из 35 – 23. Во многих райкомах ВЛКСМ об этом явлении не делали выводов, в результате чего некоторые комсомольские организации распались. Малочисленными оставались и комсомольские организации МТС. Многие из них не росли за счет приема в комсомол трактористов и комбайнеров. В 1945 г. в МТС Кореневского района в члены ВЛКСМ не было принято ни одного тракториста. В таких условиях организовать молодежь на ударный труд по восстановлению народного хозяйства было весьма затруднительно.

Агитационная работа среди молодежи не обеспечивалась газетами, письмами фронтовиков, журналами, в которых разъяснялись международные события [3, л. 6].

В результате молодые люди лишались возможности понимания сути непростой международной обстановки, и как следствие, необходимости добросовестно трудиться на благо родной страны.

Заведующий отделом крестьянской молодежи обкома комсомола А. Д. Солнцев акцентировал внимание на проведении массово-политической работы в молодежных звеньях и тракторных бригадах. По его мнению, комсомольским работникам следовало разъяснять важность весенней посевной кампании 1945 г., поскольку от правильно воспитания молодежи будет зависеть эффективность работы в звеньях и тракторных бригадах, да и в целом трудовая активность молодых [3, л. 25].

Секретарь Прохоровского РК ВЛКСМ В. П. Пихтерев [5, л. 36] указывал на важность совершенствования работы как в районных, так и первичных комсомольских организациях. Во время подготовки к весеннему севу перед активистами первичных организаций была поставлена задача выступления на комсомольских собраниях с докладами по вопросам снегозадержания и подготовке семян к севу, но многие из них не справились, ибо не обладали знаниями агротехнического характера. Ведь во многих первичных комсомольских организациях не было агрономов, учителей и других грамотных специалистов, которых можно было привлечь к работе с молодежью.

Секретарь Рыльского райкома комсомола Р. Н. Соколова [6, л. 42] на пленуме подняла вопрос о недостатках в работе районной комсомольской организации. В районе была создана школа политической грамотности с охватом 40 человек, 8 политшкол и 11 кружков текущей политики. Но уровень политико-воспитательной работы в них был недостаточным. Всею виной стал слабый уровень подготовки инструкторского аппарата. Было указано, что комсомольцы первичных организаций мало читали, уделяли недостаточно времени для ознакомления с идейно-политической литературой. Это сказывалось на уровне производственной деятельности и эффективности труда молодых.

Активизация идейно-воспитательной работы, проводимой райкомами комсомола в первичных организациях, давала положительные результаты в производственной деятельности курской молодежи. О таком положении наглядно свидетельствовали результаты работы сельской молодежи в ходе уборки урожая летом 1945 г. Достижения и просчеты весенней посевной и уборочной кампании детально обсудили участники X пленума Курского обкома комсомола, который прошел 27–29 июля 1945 г.

В ходе подготовки к уборке урожая в 1945 г. основной задачей сельских комсомольских организаций стала мобилизация комсомольцев и молодежи колхозов, совхозов, МТС на образцовую подготовку и выполнение в установленные сроки плана заготовок сельскохозяйственных продуктов.

С планами мобилизации молодежных ресурсов на проведение весеннего сева в 1945 г. успешно справились в Солнцевском (секретари РК ВЛКСМ – В. В. Афанасьев), Белгородском (Я. М. Шульгин), Октябрьском (М. В. Маркина), Суджанском (В. Т. Руденко) районах [7, л. 9].

Солнцевская районная комсомольская организация одной из первых включилась в социалистическое соревнование. Многие комсомольцы были выдвинуты на руководящие посты председателями колхозов, бригадирами, звеньевыми. К 27 июля 1945 г. отдельные колхозы уже приступили к уборке урожая. В первые же дни работы молодёжь показала хорошие результаты. Так, звеньевая Шилова с членами своего звена с первых дней уборочной перевыполняла нормы выработки.

В Глушковском районе работали 37 комсомольско-молодежных звеньев. Признанными лидерами среди них были звенья Бруснецовой и Горбуновой. Хорошие результаты в работе показали комсомольско-молодежные полеводческие бригады, созданные в совхозе имени А. И. Микояна. Например, бригадир Фоменко носил почетное звание «Лучший звеньевой совхоза».

В районе действовало пять комсомольско-молодежных звеньев, которые добились высоких результатов в работе. Эти комсомольско-молодежные звенья собрали от 15 до 22 ц зерна с га. Первичная комсомольская организация колхоза им. Карла Маркса оказала положительное влияние на работу отстающего в прошлом коллектива. В 1945 г. колхоз первым в районе закончил весенний сев. Молодые колхозники успешно справились с производственными заданиями по вспашке паров и подготовке к уборочной кампании.

В районе были созданы и транспортные бригады численностью 350 чел. Они предназначались для транспортировки хлеба. При полной нагрузке комсомольско-молодежные звенья ориентировались на вывоз 1 424 ц хлеба в сутки. Для охраны урожая в каждом колхозе создавались комсомольско-молодежные посты, объединившие 782 чел. Начальниками этих постов стали самые принципиальные и ответственные комсомольцы, на которых возлагалась обязанность обеспечить сохранность урожая.

Во время проведения весеннего сева комсомольская организация Белгородского района также добилась неплохих результатов. Бригада Коваленко стала передовой в районе. К 20 июля 1945 г. она обработала 15-сильным трактором 34 га посевных площадей.

В Октябрьском районе одиннадцать комсомольских звеньев в ходе весеннего сева провели неплохую посевную работу. Комсомольско-молодежное звено Марии Звягинцевой из колхоза «Путь Ильича», где особенно четко поставлена трудовая дисциплина, получила почетную грамоту. По опыту 1944 г. в Октябрьском районе было создано 37 комсомольско-молодежных транспортных бригад. Райком комсомола, несмотря на активную организационную работу, допускал и просчеты. Например, руководством райкома недостаточно внимания уделялось разъяснительной работе с молодёжью и комсомольским активом.

Суджанская районная комсомольская организация приложила немало усилий к выполнению хозяйственно-политических задач. И в проведении весеннего сева, и в прополке, и в поднятии паров молодые колхозники перевыполняли нормы выработки. Например, на подъеме пара – в 2–2,5 раза. Гордостью района стали комсомольско-молодежные звенья, число которых было доведено до 26. Так, звено Наталии Ястребовой активно участвовало в производственном соревновании на протяжении нескольких лет. Летом 1944 года ее молодежное звено получило особенно высокий урожай сахарной свеклы. Звено было отмечено почётной грамотой ЦК ВЛКСМ и денежной премией [9, л. 149; 8, с. 118]

Звено Ястребовой в зимний период 1944/1945 гг. вывезло на закреплённый участок большое количество органических удобрений, провело все агротехнические мероприятия по обеспечению весеннего сева и уходу за посевами. Все эти сельскохозяйственные работы выполнялись, в основном, на коровах [11, с. 441].

В 1945 г. звенья Н. Ратьковой и Н. Ястребовой из колхоза «Новый мир» Суджанского района с восьми гектаров получили по 30,7 ц ржи. Решением бюро обкома комсомола эти звенья были занесены в Книгу почета областной комсомольской организации и были награждены Почетными грамотами ВЛКСМ [10, с. 254; 11, с. 263].

В Суджанском районе насчитывалось 8 комсомольско-молодежных тракторных бригад. В числе передовых выделялась бригада комсомольца Кольцовского, которая на одном 15-сильном тракторе вспахала более 600 га. В районе успешно практиковалась отчетность счетоводов на бюро комитета. Но численность комсомольских организаций в районе оставалась недопустимо низкой: в 49 колхозах из 87 первичные организации отсутствовали. Подобная ситуация признавалась нетерпимой, поскольку колхозная молодежь была лишена организационных начал в обеспечении выполнения производственных показателей.

Таким образом, протоколы и стенограммы пленумов Курского обкома ВЛКСМ, находящиеся на хранении в фондах Государственного архива общественно-политической истории Курской области, содержат разноплановую информацию о деятельности областной комсомольской организации по мобилизации сельской молодежи на добросовестное выполнение весенних посевных и уборочных работ завершающего года Великой Отечественной войны. Документы отражают как успехи проводимой комсомолом работы, так и проявление кризисных тенденций, связанных с сокращением численности рядов ВЛКСМ на местах.

Источники и литература

1. Феномен комсомола: середина 1950-х – вторая половина 1960-х годов / под ред. А.А. Слезина. Тамбов, 2017.
2. Славный путь Ленинского комсомола. В двух томах. М., 1974. Т. 2.
3. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-131. Оп. 1. Д. 103.
4. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 114.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3668.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3669.
7. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 224.
8. «Время выбрало нас...»: Вклад молодых курян в Великую победу 1941–1945 гг. / В. В. Коровин, А. Н. Манжосов, Е. А. Головин и др. Курск, 2018.
9. ГАОПИКО. Ф. П-131. Оп. 1. Д. 139.
10. Из истории Курской области комсомольской организации (1918–1970 гг.) / гл. ред. В. Е. Шаров. Курск, 1972.
11. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. В 2 т. / под ред. Т. И. Архиповой. Курск, 1962. Т. 2.

О. А. Черников

ИЗ ИСТОРИИ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА ГОРОДА КУРСКА (1954–1959 гг.)

Начало 50-х гг. XX в. было достаточно сложным для советской экономики, особенно в сфере сельского хозяйства. Несмотря на успешное его восстановление в годы четвертой пятилетки, производство сельскохозяйственных продуктов отставало от растущих потребностей страны. Данное объяснялось рядом причин, среди которых и то, что государство не располагало необходимыми средствами и возможностями, чтобы одновременно быстрыми темпами развивать и промышленность, и сельское хозяйство. Наиболее напряженным было положение в сфере животноводства.

Именно в этих условиях в сентябре 1953 г. прошел пленум ЦК КПСС который рассмотрел вопрос «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР». Здесь впервые за долгие годы подверглась критике прежняя аграрная

политика и была предпринята попытка ее реформирования. Среди поставленных задач – быстрый подъем животноводства, в том числе и через повышение продуктивности личных подсобных хозяйств.

Именно решение пленума стало толчком к созданию курского объединения владельцев личных хозяйств. Хотя данная форма была не новой. Решение о создании подобных товариществ было принято СНК СССР еще в 1945 г. (Постановление СНК СССР от 23 ноября 1945 г. № 2962 «О развитии индивидуального животноводства и птицеводства среди рабочих и служащих»).

В Государственном архиве Курской области сохранился фонд Р-5225 «Животноводческое товарищество г. Курска» документы которого позволяют проследить деятельность местного объединения. Кроме того, материалы, раскрывающие его функционирование, имеются в фонде Р-770 «Курский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет».

Как свидетельствуют документы активная работа в сфере организации единоличных владельцев скота на территории города Курска развернулась в начале 1954 г. В это время было подробно изучена реальная ситуация и подготовлен документ под названием «Проект планировки пастбищ на городских землях с целью их улучшения» [5].

Особый интерес представляет пояснительная записка к проекту за подписью агронома сельскохозяйственного отдела городского Совета Чернушец. В ней отмечается, что: «После решения сентябрьского Пленума ЦК КПСС создаются все условия для значительного увеличения поголовья скота у городского населения. Задача городских советских и партийных организаций содействовать городскому населению в развитии животноводства и, в первую очередь, в организации пастбищ на городских землях для летнего содержания скота» [5, л. 14 об.].

Так же городской агроном указывал: «Все участки, выделенные под пастбища, используются бессистемно. Никаких улучшений пастбищ не проводится. Севооборотов не имеется. Посев и подсев трав не проводится, почва не обрабатывается, удобрения не вносятся. Пастьба усиленная и бессистемная. Вследствие этого пастбища запущенные, растительность угнетена, урожайность в среднем определяется 1 т сухой или 4 т зеленой массы. На всей площади 355 га получается 1420 т, что может обеспечить нормальный выпас 280 голов крупного рогатого скота» [5, л. 18–18 об.]. И это при том, что у населения г. Курска по состоянию на 1 января 1954 г. числилось 1 810 голов крупного рогатого скота и 2 820 коз [5, л. 14].

В связи с тем, что возможности для увеличения пастбищных угодий у города не было, в качестве решения имеющихся проблем в завершении пояснительной записки рекомендовалось: «Для правильного использования пастбищных угодий и повышения продуктивности скота, необходимо объединение скотовладельцев в животноводческие товарищества. Товарищества, объединяя владельцев скота, организуют уход за пастбищами, принимают меры к повышению их кормовых качеств, к правильному использованию пастбищных угодий. Заботятся об обеспечении кормами скота как в летний, так и зимний периоды.

Для летнего содержания скота товарищества могут использовать свободные пахотные земли в городской части для посева трав и кормовых культур на зеленый корм, использовать на пастбища свободные земли в ближайших колхозах, также получать в организованном порядке сенокосные угодья в лесничествах, в Стрелецкой и Казацкой степях для заготовки сена для скота членов товарищества. Организованно приобретать в колхозах Курской и других областей грубые корма и концентраты для скота. Все это даст возможность обеспечить кормами скот

городского населения не только в летний, но в зимний периоды. Значительно возрастет продуктивность скота и заинтересованность городского населения в обзаведении скотом» [5, л. 22 об. – 23].

28 февраля 1954 г. состоялось общее собрание скотовладельцев Кировского района г. Курска на котором было решено организовать районное животноводческое товарищество, принять его устав, утвердить вступительные взносы в размере 15 руб. с члена и членские взносы – 3 руб. в месяц [7, л. 1].

Устав товарищества полностью совпадал с типовым уставом, утвержденным постановлением СНК РСФСР от 17 января 1946 г. № 38 «Об организации в городах и рабочих поселках животноводческих товариществ рабочих и служащих». Целью товарищества являлось «развитие индивидуального животноводства, птицеводства, пчеловодства, путем разведения и улучшения породности скота, птицы и пчел и повышения их продукции» [2, л. 274].

Из типового устава перешло положение, согласно которому «Работа товарищества осуществляется под общим руководством и контролем Курского городского исполкома» [2, л. 275].

Даже в отношении исключения из товарищества оговаривалось следующее: «<...> 14. Исключение из состава товарищества производится по решению общего собрания при наличии не менее 2/3 всего числа членов товарищества. Решение общего собрания об исключении из членства товарищества может быть обжаловано заинтересованным членом товарищества в Курский городской исполком. До решения городского исполкома решение общего собрания об исключении данного лица из состава членов товарищества не приводится в исполнение. Решение городского исполкома об исключении из состава членов товарищества является окончательным» [2, л. 276].

Исполком Курского городского Совета депутатов трудящихся своим решением от 19 марта 1954 г. № 165 утвердил устав товарищества и разрешил сельхозотделу предоставлять товариществу земли под выпасы и сенокосные участки. Одновременно в решение оговаривалась необходимость «<...> 3. Предложить правлению животноводческого товарищества осуществлять в 1954–1955 гг. намеченные планом сельхозотдела работы по коренному улучшению и осушению заболоченных мест на участке, представляемом товариществу под выпас скота» [1, л. 163–164]. Таким образом, выполнение части «Проекта планировки пастбищ на городских землях с целью их улучшения» фактически предполагалось переложить на плечи членов товарищества.

Следует отметить что первоначально активности в отношении вступления в товарищество не прослеживалось. Например, из 54 чел. присутствовавших на собрании 28 февраля 1954 г. заявления в члены подали 32 [2, л. 280].

Тем не менее постепенно товарищество стало расти. 6 апреля 1954 г. состоялось собрание скотовладельцев Мурыновского стада, на котором было принято решение всем вступить в товарищество поскольку: «Это дело очень важное и мы организованным порядком можем лучше достать для скота и корма, и выпасы» [7, л. 4]. Данным заявлением скотовладельцы фактически раскрыли реальную цель своего вступления в общество.

В полной же мере ускорился процесс вступления после постановки вопроса о распределении сенокосных угодий (май – июнь). Именно в это время выяснилось, что их выделение будет происходить, в первую очередь, в интересах членов товарищества [7, л. 10].

С первых недель работы выявились и серьезные организационные проблемы. Уже на втором заседании правления 3 мая 1954 г. был поставлен вопрос

соблюдения дисциплины: «... само правление ведет не дисциплинировано, неявка на заседания и частые разногласия по ряду вопросов. Часто сами члены правления дезорганизуют скотовладельцев и по ряду вопросов, заданных скотовладельцами отвечают путанно. Необходимо лучше ознакомиться с уставом и решениями местной власти» [7, л. 6–6 об.].

Складывавшуюся ситуацию в полной мере отражает протокол общего собрания товарищества от 5 сентября 1954 г. [7, л. 18–22].

К этому времени было собрано вступительных взносов от 124 человек на 5 029 руб. Задолженность имели 42 чел. [7, л. 18].

Несмотря на содержащиеся в протоколе заявления о большой и достаточно успешной работе факты свидетельствуют о ее значительной запущенности. Финансовые дела были запутаны. В товариществе развернулась «внутриусобная» борьба. Выступавшими отмечались факты воровства самими же скотовладельцами материалов, собранных для строительства мостов, несанкционированных покосов, грубости и неисполнительности членов правления и т. д.

При этом в итоговом постановлении собрания фактически нет ничего о негативных моментах. Было решено: обязать правление навести порядок в учете членов и сборе взносов, добиться выделения фуража и привлечения к ответственности расхитителей, приобрести быка-производителя и козлов, добиться отвода под искусственное пастбище урочищ Дубняк и Боева дача, добиться отпуска семян многолетних трав и т. д. [7, л. 22].

Часть поставленных задач в дальнейшем была решена. Был приобретен бык-производитель, открыт случной пункт, организовано искусственное осеменение.

В тоже время попытка решения главного вопроса о выделении дополнительных пастбищ оказалась неудачной. Ответ заведующего сельхозотделом исполкома горсовета от 24 ноября 1954 г. гласил: «Увеличить площади для выпасов за счет городских земель не имеется возможности в виду отсутствия свободных площадей, а поэтому Вам необходимо произвести коренное улучшение пастбищ, отведенных для животноводческого товарищества по решению исполкома Горсовета» [6, л. 2].

Следует отметить, что решить данную проблему не удалось на протяжении всего периода существования товарищества.

Тем не менее, несмотря на многочисленные проблемы, деятельность товарищества расширялась. Например, в феврале 1955 г. товарищество согласилось принять на свой баланс, а фактически выкупить, пункт осеменения сельскохозяйственных животных г. Курска вместе с племенными животными и постройками [9, л. 2].

Интересным по содержанию стало общее собрание членов, прошедшее 6 марта 1955 г. Главным, по-прежнему, был вопрос о пастбищах. Присутствовавшими членами был задан вопрос председателю товарищества; «Где будут пастись коровы в этом году, ставился ли вопрос перед сельхозотделом об улучшении пастбищ?». Ответ председателя: «Да не однократно в Горсовете вопрос этот ставился, но в этом году мы должны своими средствами осушать болотные места и сеять траву» [9, л. 5–5 об.]. Таким образом руководство товарищество четко дало понять членам, что мелиоративные работы необходимо проводить за их счет. Так же следует отметить, что в это день был избран очередной новый председатель правления [9, л. 8].

Март 1959 г. стал важным для товарищества и благодаря еще одному событию. Именно с этого времени в официальных документах фигурирует товарищество не Кировского района, а города Курска. Документов, отвечающих на

вопрос: «Как произошло изменение территориальных границ деятельности?», выявить не удалось.

30 марта 1955 г. правление товарищества животноводов г. Курска принимает решение обратиться в исполком Курского горсовета с просьбой передать все выпасные угодья, расположенные на территории города, в ведение товарищества [9, л. 13–13 об.].

В результате 8 апреля 1955 г. исполком Курского горсовета депутатов трудящихся принимает решение «О порядке пастьбы скота на городских землях», согласно которому предусматривалось:

«1. Организацию стад и охрану скота индивидуального использования для пастьбы на городских землях возложить на животноводческое товарищество г. Курска.

2. Передать животноводческому товариществу для пастьбы скота, принадлежащего населению города, следующие земельные участки:

- урочище «Парточки» – 112 га;
- урочище «Гремячка» и «Крутое» – 86 га;
- урочище «Моква» – 50 га;
- урочище «Цыганский бугор» – 50 га;
- урочище «Кулига» – 30 га;
- урочище «Солянка» – 20 га.

3. Предложить животноводческому товариществу выделенные земельные участки распределить между организованными стадами с учетом территориального их расположения.

4. Рекомендовать животноводческому товариществу установить оплату за охрану и пастьбу скота в размере: за 1 голову крупного рогатого скота 20–30 руб., молодняка – 15 руб. и коз – 10 руб. в месяц в зависимости от условий прогона и выпасных участков.

5. Обязать правление животноводческого товарищества осуществлять намеченные планом Сельхозотдела Горсовета работы по поверхностному и коренному улучшению пастбищных угодий, предоставленных под выпас скота.

6. Запретить на городских пастбищах индивидуальную пастьбу скота гражданами вне организуемых стад и скота учреждений на отведенных участках животноводческому товариществу <...>» [8, л.1].

Данное решение стало определяющим для дальнейшего развития товарищества. Именно оно привело к массовому вступлению индивидуальных животноводов в его ряды. Например, только на заседании правления 26 июня 1955 г. в члены было принято 360 чел. [9, л. 21]. С чем это было связано? Считаем с тем, что у скотовладельцев не было иной альтернативы. Все городские пастбища оказались у товарищества. Так же для его членов предусматривалось выделение и сенокосов [9, л. 22 об. – 23].

Но за резким увеличением количества членов скрывалась огромное число сохранявшихся внутренних проблем: запущенность в финансовой деятельности, склоки между членами правления, злоупотребления при распределении фуража, самоуправство и пьянство пастухов и т. д.

Сказывалось и сложная ситуация во взаимоотношениях с сельскохозяйственной комиссией горсовета. Товарищество надеялось на активную помощь, но на практике было не всегда так. В результате на заседании сельскохозяйственной комиссии 5 августа 1955 г., на котором был заслушан доклад председателя товарищества, прозвучали взаимные упреки. Часть членов комиссии обвинило товарищество в иждивенчестве, не желании заниматься заготовкой

кормов, улучшением пастбищ и т. д. В свою очередь председатель товарищества указывал на отсутствие необходимого количества угодий (из расчета имеющихся 500 членов и наличия 22 стад), необходимых помещений, поддержки со стороны исполкома. Действенных же способов устранения имеющихся проблем так и не было предложено. Решение комиссии в своей сущности свелось к призывам «усилить», «обсудить», «просить» [3, л. 12–16 об.].

В итоге такое решение привело не к улучшению работы, а к очередной смене председателя правления, «не сработавшегося с членами правлением». В октябре 1955 г. был утвержден новый председатель, рекомендованный исполкомом горсовета [9, л. 48–49 об.]. Понятно, что это не могло сразу ликвидировать сложившиеся проблемы. Тем более, что сами члены товарищества регулярно отмечали то, что в течение длительного периода вся финансовая деятельность шла исключительно «самотеком» [11, л. 2–2 об.]. В результате по итогам 1955 г. только по козьему стаду задолженность составила 3 200 руб. [11, л. 5].

Определенные изменения в развитии товарищества произошли в 1956 г., но связаны они были не с активностью его членов.

Первая половина года фактически свелась к попыткам добиться увеличения площадей для выпаса скота и сенокосов. Основное количество этих просьб была отклонена. Так, 25 июня 1956 г. исполкомом горсовета был дан ответ на обращение очередного председателя правления. В нем отмечалось, что все 400 га пастбищных угодий, имеющихся у города, уже отведены товариществу и увеличить их нет возможности. Одновременно товариществу было рекомендовано: «<...> В целях кормовых ресурсов и удовлетворения нужд членов товарищества в кормах для скота правлению животноводческого товарищества необходимо проводить коренное улучшение пастбищных угодий с посевом трав, а также организовать заготовку грубых и концентрированных кормов в колхозах и совхозах за пределами области. Наладить сдачу излишков продуктов животноводства молока, мяса, яиц, а также молодняка организациям по договоренности с условием отоваривания сдаваемой продукции зернофуражем» [10, л. 5].

При этом на практике происходило постоянное уменьшение пастбищ вследствие развития городской инфраструктуры. Например, решением горисполкома от 21 марта 1956 г. у товарищества были изъяты 6,5 га выгона в урочище «Цыганский бугор» с целью передачи их горпищекормбинату для увеличения производства овощей [4, л. 156].

Дальнейшие события были связаны с принятием 27 августа 1956 г. Постановления Совета министров СССР «О мерах борьбы с расходом из государственных фондов хлеба и других продовольственных продуктов на корм скоту», а также Указа Президиума Верховного Совета СССР «О денежном налоге с граждан, имеющих скот в городах». Эти два документа серьезно изменили условия для содержания скота городским населением.

Повсеместно начался массовый забой скота. Не стал исключением и Курск. Если на 1 октября 1955 г. у населения города числилось 1 874 головы крупного рогатого скота, коз – 2 518, свиней – 10 182, то на 1 октября 1956 г. 1 052 головы крупного рогатого скота, коз – 2 308, свиней – 5 871 [10, л. 6].

В таких условиях 2 ноября 1956 г. состоялось заседание сельскохозяйственной комиссии горсовета, на котором был рассмотрен вопрос о работе товарищества.

Согласно докладу председателя правления, произошло резкое падение количества скота (в стадах паслось всего 325 коров), сохранялись сложности с пастбищами, самопасами и т. д. Возникли и дополнительные финансовые проблемы: не стало хватать средств для выплат взносов членам, выходящим из

состава объединения. Товарищество вынуждено было сократить штат работников (бухгалтера, санитарку, конюха), снизить зарплату части оставшихся. Завершил же свое выступление председатель следующей просьбой: «Просим постоянную комиссию оказать помощь или же поставить вопрос о ликвидации товарищества» [3, л. 60–61].

По итогам доклада между членами комиссии разгорелся спор. Часть присутствовавших считала необходимым сохранить товарищество, часть – ликвидировать. В результате было принято решение, в котором отмечалось: «<...> необходимость объединения скотовладельцев в животноводческое товарищество не потеряла своего значения, тем более, что состав скотовладельцев, после решения Правительства, значительно изменился. Остался скот главным образом у инвалидов войны и труда, многосемейных рабочих и служащих» [10, л. 6].

В целом сельхозкомиссия постановила: «Для укрепления товарищества, создания необходимых условий для его работы, необходимо проведение следующих мероприятий:

1. Сельхозотделу Горсовета и Исполкомам Райсоветов оказывать содействие товариществу при организации стад. Принимать действенные меры по заявлениям товарищества на потраву, самопасы и другие нарушения, допускаемые владельцами скота и предусмотренные обязательным решением Исполкома Горсовета № 363 от 8 июня 1955 года.

2. Горпищеторгу для упорядочения торговли концентрированными кормами следует открыть ларек для продажи кормов на усадьбе животноводческого товарищества.

3. Запретить Курскому лесхозу и Сельхозинституту принимать скот для выпаса по лесным и выпасным угодьям. Свободные выпасные угодья, имеющиеся в этих организациях передавать в пользование животноводческого товарищества.

4. Сельхозотделу Горсовета и Курскому лесхозу все свободные сенокосные угодья, после удовлетворения нужд учреждений и организаций города выделять животноводческому товариществу.

5. Просить Облисполком рекомендовать пригородным колхозам свободные выпасные угодья предоставлять животноводческому товариществу и не принимать самим скот на выпас от частных лиц. Запретить пригородным колхозам проводить естественное осеменение скота городского населения.

6. В целях предотвращения заражения крупного рогатого скота вагинитом и распространения инфекционных заболеваний, запретить городским хозяйствам, имеющих производителей, допускать естественное осеменение скота городского населения. С этой целью запретить частным лицам содержать козлов с использованием их для осеменения коз городского населения.

Возложить на животноводческое товарищество обеспечить осеменение крупного рогатого скота и коз городского населения, имея для этого необходимое количество производителей <...>» [10, л. 7].

Данное решение позволило сохранить товарищество и даже, в определенной мере, активизировать деятельность. Например, значительное внимание стало уделяться вопросам осеменения. Летом 1957 г. было принято решение об открытии дополнительных осеменительных пунктов во всех городских районах [12, л. 26–27]. К февралю 1958 г. все было готово к открытию 3-х филиалов (Кировский район, Казацкая, Рышково), в том числе подобраны кадры [13, л. 1 об.]. План на 1958 г. предусматривал расходы на содержание основного пункта на ул. Литовской и 3-х филиалов в размере 68 649 руб. 80 коп (в том числе содержание 4 быков, 2 лошадей, 15 козлов – 11 169 руб. 80 коп.; зарплата сотрудников – 48 480 руб.); доход –

73 050 руб. (в том числе от осеменения коров – 50 000 руб., коз –1 480 руб.) [13, л. 3 об.].

Но очень быстро и здесь появились проблемы. Выяснилось, что в Кировском пункте осеменатор превратил его фактически в собственное учреждение. За все проводимые действия требовал дополнительную плату, грубил посетителям, пьянствовал, отказывался выполнять указания председателя товарищества, производил случку естественно, что привело к заболеванию быка. На замечания же членов правления отвечал: «<...> я хозяин, мне не создали условия для работы» [13, л. 5 об. – 6]. В итоге осеменатор был уволен, а в июне 1958 г. по требованию ветеринарного надзора пункт осеменения в Кировском районе был закрыт [13, л. 31 об.].

Не лучше было положение с пастухами. Многие из них по-прежнему пьянствовали, оставляли себе собранные деньги. Так, в 1958 г. выяснилось, что пастух Стрелецкого стада – Кривецкий пост брал за пастьбу со скотовладельцев 65 руб. вместо установленных 25 руб. И это при том, что являлся членом правления товарищества [13, л. 31].

Сохранялись проблемы и со скотовладельцами, не желавшими платить за пастьбу их скота [12, л. 19 об., 23–24 об.].

Еще в большой степени стал осложняться вопрос с пастбищами и сеноугодьями. Под последние горисполком стал выделять очень небольшие участки, которых не хватало значительной части членов. В 1957 г. скотовладельцам некоторых районов горисполком вообще отказал в участках под заготовку сена [12, л. 22 об. –23].

Складывающую ситуацию четко раскрыл в своем выступлении на городской конференции в апреле 1958 г. представитель горсовета Кузнецов: «В отношении пастбищ этот вопрос принимает в наших городских условиях напряженное положение, так как город растет – строятся заводы и новые жилые кварталы, поэтому на расширение пастбищ рассчитывать нельзя, надо имеющиеся пастбища правильно содержать и производить их улучшение. Отводить новые пастбища мы не можем, так как нет для этого земли» [13, л. 19 об.].

В целом же следует признать, что весной 1958 г. внутри товарищества вновь обострилась обстановка. Среди членов стало зреть недовольство деятельностью правления. Например, на собрании скотовладельцев Суворовского козьего стада Ленинского района 29 марта 1958 г. из 17 чел. за признание работы правления удовлетворительной проголосовало 8 чел., за признание неудовлетворительной – 5 [13, л. 11].

Ярко ситуацию отражает протокол отчетной конференции товарищества за период с 20 апреля 1957 г. по 20 апреля 1958 г. [13, л. 15–20 об.]. Здесь после выступлений председателя товарищества и председателя ревизионной комиссии разгорелись жаркие прения. Были озвучены жалобы на нарушения при ремонте помещений товарищества, выдаче комбикорма, на отсутствие выпасов, зараженность быков-производителей, самоуправство председателя, в том числе при выдаче денежных средств. Важнейшая же проблема, которая была озвучена состояла в том, что «<...> в самом правлении образовался раскол, который пагубно отразился на результатах» [13, л. 18].

В таких условиях поражают итоги голосования. За признание работы правления удовлетворительной из 66 присутствующих проголосовало 61 чел. Против – 1. Воздержавшихся – 4. За кандидатуру прежнего председателя проголосовало 65 чел. Против – 1. Правление было значительно обновлено за счет удаления противников председателя [13, л. 20].

Интересное то, что после конференции, состоявшейся как отмечалось 20 апреля 1958 г., переизбранный председатель правления 1 мая ушел в отпуск, из которого так и не вышел. 4 августа 1958 г. он написал заявление с просьбой освободить его от должности [13, л. 33].

Как свидетельствуют изученные документы каких-либо положительных изменений в итоге и не произошло. Протоколы заседаний правления говорят о сохранении негативных моментов: самопасов, пьянстве пастухов, потравах посеянных трав и т. д. [13, л. 23–24 об.]

Не совсем удачным была и попытка расширения товарищества за счет городских пчеловодов. На упоминавшейся апрельской конференции 1958 г. было принято решение о принятии в члены граждан, занимающихся пчеловодством и о создании секции пчеловодства [13, л. 16]. Согласно же протокола заседание правления от 24 мая 1958 г. из 45 чел. пчеловодов, изъявивших первоначально желание вступить в товарищество, реально вступило только 3 [13, л. 25].

Обстановку, сложившуюся в товариществе, демонстрируют сведения, содержащиеся в бухгалтерском отчете за 1958 г. Вместо планируемой прибыли от выпаса скота и его осеменения в размере 15 900 руб. товарищество получило убыток в 7 184 руб. Это было результатом того, что часть членов товарищества либо пыталась перейти на самопасы (чтобы не оплачивать работу пастухов), либо просто ликвидировала животных. К концу сезона выпаса из 400 коров осталось 300, а из 1 100 коз – 700. Сказалось и не соблюдение правил получения платы за выпас. Некоторые пастухи просто не вносили собранные деньги в кассу товарищества [14, л. 10]. В целом же, как отражено в отчете, на начало 1959 г. «действительными» членами общества, т.е. «состоящими членами и платящих членские взносы» был 501 человек [14, л. 15].

Документов, подробно раскрывающих дальнейшее функционирование товарищества, нами не выявлено. Последний документ, сохранившийся в соответствующем фонде, это оборотный баланс по счетам товарищества за 1959 г. [15]. Он свидетельствует о продолжавшемся сокращении оборотов.

Но это было уже не столь важно. Судьба товарищества была предрешена принятием высшими государственными и партийными органами ряда решений об ограничениях в отношении индивидуальных хозяйств. Важнейшим среди них был вышедший в августе 1959 г. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Указом запрещалось содержание в личной собственности продуктивного и рабочего скота в столицах, краевых и областных центрах. Данное решение объяснялось тем, что, по мнению руководства страны, в это время появилась реальная возможность покончить с примитивным ведением животноводства в городах, которое приводило к значительному расходованию хлеба и других продовольственных товаров, отвлекало рабочую силу от производительного труда и создавало антисанитарные условия [16, с. 9–10]

Согласно исторической справке к фонду Р-5225 «Животноводческое товарищество г. Курска» оно было ликвидировано на основании распоряжения Курского городского Совета депутатов трудящихся от 9 ноября 1959 г. Само же распоряжение в документах фонда Р-770 «Курский городской Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» отсутствует.

Таким образом, следует признать, что созданное исключительно по инициативе органов власти животноводческое товарищество г. Курска на протяжении небольшой истории своего существования так и не смогло превратиться в организацию, в полной мере обеспечивающую запросы своих

членов. Этому мешали как объективные факторы (например, отсутствие должного количества земли под пастбища и сенокосы), так и субъективные факторы (постоянная «чехарда» в руководстве товарищества, внутренняя борьба, желание части членов «урвать» лично для себя и, в целом, иждивенческий настрой в ожидании постоянной помощи от горсовета). Тем не менее необходимо отметить, что часть проблем, возникавших у местных животноводов, удавалось решать и данное объединение вполне могло бы продолжить свою работу, но резкое изменение государственной политике в отношении индивидуальных хозяйств прервало его развитие.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 349.
2. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 353.
3. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 407.
4. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 8. Д. 522.
5. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 3.
8. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 5.
9. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 7.
10. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 11.
11. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 12.
12. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 17.
13. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 21.
14. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 22.
15. ГАКО. Ф. Р-5225. Оп. 1. Д. 26.
16. Мотревич В.П. Аграрная политика Н.С. Хрущева: основные направления и результаты //Аграрное образование и наук. 2019. № 1 [Электронный ресурс] // URL: <https://elar.ufr.ru/bitstream/10995/82271/1/motrevich-aon-2019-1.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

А. В. Петряева

УЧРЕЖДЕНИЕ КУРСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Система образования в СССР в 1950-х – начале 1960-х гг. находилась в тесной взаимосвязи с экономическим развитием страны, обусловленным воздействием научно-технической революции. Для достижения прогресса во всех сферах производства требовалась более качественная подготовка трудовых кадров.

С развитием производства, его механизации и автоматизации, а также с расширением использования химической промышленности, развитием электрификации, а вместе с ним и с увеличением применения электроники и появлением в более широком доступе счетно-решающих установок, изменился и характер труда. Труд и рабочих, и колхозников достиг единения физического и умственного труда, по сути, создав из них инженеров, агрономов и техников без соответствующей квалификации. Для дальнейшего развития в промышленности и экономике государству требовались разносторонне образованные трудовые кадры.

Так, Законом РСФСР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» была признана необходимость развития университетского образования в РСФСР с целью увеличить выпуск специалистов во всех ключевых науках. Кроме того, предполагалось усилить подготовку студентов и значительно поднять роль университетов в решении важнейших проблем естественных и гуманитарных наук [1].

Для повышения эффективности деятельности вузов в 1959 г. была произведена реформа организации управления вузами. Были созданы республиканские министерства высшего и среднего специального образования, в чье ведение были переданы некоторые вузы, находящиеся в союзном подчинении.

При этом Министерство высшего образования СССР преобразовалось в союзно-республиканское Министерство высшего и среднего специального образования СССР [2].

В феврале 1956 г., на XX съезде КПСС были приняты директивы по шестой «пятилетке» развития народного хозяйства СССР. Планировалось в 1,5 раза увеличить количество специалистов с высшим и средним специальным образованием в сфере народного хозяйства и строительства. Для отраслей тяжелой промышленности, строительства, сельского хозяйства и транспорта устанавливалась норма выпуска специалистов в два раза выше текущей [3, с. 56].

К 1963 г., по замечанию Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР произошли значительные изменения в развитии высшего образования. В том числе, отмечалось, что «за истекшее десятилетие выпуск специалистов с высшим образованием увеличился в 1,5 раза, в том числе инженеров – в 2,5 раза» [4].

Однако все еще сохранялась нехватка кадров, специализирующихся в новых технологиях, электронике, механизации и автоматизации производства, приборостроении и некоторых иных отраслях.

В связи с чем, в июне 1963 года Советом министров РСФСР было принято Постановление «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов», согласно которому устанавливался Перечень вновь организуемых высших учебных заведений Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР в 1963–1970 гг. [5]. В том числе в данный Перечень входил и Курский политехнический институт.

Так, 20 февраля 1964 года приказом Министра высшего и среднего специального образования РСФСР был организован Курский политехнический институт [6, л. 10]. Первыми специальностями Курского политехнического института, по которым производился набор, были «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты» и «Технология искусственных и синтетических волокон».

Следует отметить, что выбор именно города Курска для создания новой кузницы инженерных кадров не был случайным. Нехватка квалифицированных кадров на предприятиях области тормозила процессы развития промышленности. А действующих предприятий, причем действующих в масштабах не только области, но и всей страны в Курской области к 1960-м гг. было достаточно.

Так, с 1946 гг. в самом центре города начал свое производство Курский электроаппаратный завод. В 1960-е гг. его продукцией оснащались тепловые станции Пакистана, Болгарии, Кубы и Ирана, поставки велись в Бразилию, Боливию и Марокко.

В 1948 г. в Курске заработал завод по производству счетно-вычислительных машин «Счетмаш». В 1960-х гг. на предприятии начали самостоятельно разрабатывать вычислительные машины.

Тогда же, в 1948 г. был введен в эксплуатацию Курский завод резиновых технических изделий (РТИ). К 1960-м гг. завод включал в себя 16 производственных и вспомогательных цехов [7].

В 1953 г. заработал Курский завод передвижных агрегатов (КЗПА), выпускавший бензиновые и дизельные электростанции и электроагрегаты [8, л. 5].

С 1954 г. действовал Курский завод тракторных запасных частей (КЗТЗ), выпускавший необходимые запчасти для сельскохозяйственной техники. К 1964 г. КЗТЗ превратился в масштабное производство с множеством цехов, не только выпускающее разнообразные промышленные товары, но и самостоятельно себя обслуживающее. Однако, как отмечает Г. А. Салтык, «расширение существующего производства, выливавшееся в освоение выпуска новых деталей, наращивание объемов производства, требовало специалистов все новых специальностей и высокой квалификации» [9, с. 67].

С 1958 г. работал завод «Маяк», выпускавший средства радиационного контроля. С 1960 г. здесь начался выпуск радиоизмерительной техники для военного ведомства СССР.

В 1959 г. в эксплуатацию введен Курский завод «Прибор», состоящий из пяти цехов: инструментальный, механический, гальванический, сборочный, приемно-складочный [10, л. 2].

В 1960 г. в Курске начал свою работу первый в стране завод производству полиэфирного волокна лавсан «Химволокно». В корпусе опытного производства, полезной площадью свыше 6,5 тыс. м² было установлено более 600 единиц различного оборудования [11].

Отметим, что нами были перечислены крупнейшие предприятия, расположенные на территории областного центра. Помимо этого, в Курской области действовали десятки других производств.

Например, Щигровский механический завод, с 1927 г. специализировавшийся на выпуске геологоразведочного оборудования и буровой техники. В связи с возросшей потребностью в геологоразведочном оборудовании, связанной с восстановлением разрушенного войной народного хозяйства страны, в конце 1940-х – в начале 1950-х гг. завод был восстановлен и реконструирован. Активно внедрялись новые технологии в производстве и механической обработке. В 1965 гг. на базе завода было создано Специальное конструкторское бюро для расширения научных исследований и проведения проектно-конструкторских работ.

Кроме того, не следует забывать и о наличии на Курской земле Курской магнитной аномалии. Разработка одного из самых масштабных железорудных бассейнов также требовала все больше подготовленных квалифицированных кадров, как для работы на местах, так и для создания условий для масштабных изыскательных работ. В 1960 г. в Михайловском месторождении добыли первую руду. Для работы в карьере требовалась соответствующая техника, инструменты, а также квалифицированные строители, инженеры и механики.

Курская область исторически считается аграрным регионом, соответственно, как отмечают Е. А. Головин, В. В. Коровин, отличительной особенностью деятельности промышленных предприятий региона являлась не только специализация большинства из них на переработку сельскохозяйственной продукции, но и ориентация на их активное участие в материально-техническом обеспечении аграрного производства [12, с. 96].

Однако в начале 1960-х гг. сельское хозяйство во всей стране находилось в кризисе, явившемся, по мнению М. Ф. Польшова, результатом аграрной политики Хрущева в период 1958–1963 гг. [13, с. 11].

С одной стороны, во всех районах области создавались сахарные заводы, маслозаводы и мясокомбинаты. С другой стороны, большая доля ручного труда в производстве тормозила темпы развития сельского хозяйства. С увеличением материально-технической базы колхозов и совхозов возрастали и темпы производства сельхозпродукции. От конструирования сельскохозяйственной

техники до ее обслуживания и ремонта в дальнейшем – на всех этапах требовались квалифицированные промышленные кадры.

Итак, исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что Курская область к 1960-м гг. превратилась в развивающийся регион с большим количеством промышленных предприятий. Появление новых видов сырья, материалов, появление и развитие ЭВМ, разработка нового оборудования и станков, а также развитие отдельных отраслей промышленности требовали нового подхода к подбору кадров. Следствием обозначенной тенденции стала необходимость развития системы подготовки кадров высокой квалификации в профессионально-технических учебных заведениях, включая создание новых высших учебных заведений.

Учитывая количество промышленных предприятий, действовавших на территории Курской области и самого города Курска, учреждение Курского политехнического института, является вполне обоснованным решением и ответом на вызовы развивающегося общества. Создание Курского политехнического института позволило повысить кадровый потенциал региона и создало предпосылки для дальнейшего развития производственных мощностей Курской области.

Источники и литература

1. Закон РСФСР от 16 апреля 1959 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1959. № 16. 23–30 апр.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т.8: 1946-1955.
3. XX съезд КПСС. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956.
4. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 9 мая 1963 г. № 533 «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов» // СП СССР. 1963. № 8. Ст. 89.
5. Постановление Совмина РСФСР от 15 июня 1963 г. № 757 «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 3.
6. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-724. Оп. 1. Д. 7.
7. Курская энциклопедия / Ш. Р. Гойзман [Электронный ресурс] // URL: <https://www.mke.su/wide.html> (дата обращения: 05.09.2024).
8. ГАКО. Ф. Р-5366. Оп. 1. Д. 1.
9. Салтык Г.А. Курский завод тракторных запасных частей: история становления и развития (1954–1984 гг.) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 3. (39). С. 65–78.
10. ГАКО. Ф. Р-730. Оп. 1. Д. 1.
11. Коровин В.В., Коптев С.С. Возникновение и развитие ООО «Курскхимволокно» [Электронный ресурс] // URL: <https://infourok.ru/statya-na-temu-vozniknovenie-kurskhimvolokno-3574642.html> (дата обращения: 05.09.2024).
- 12) Головин Е.А., Коровин В.В., Архивные документы о развитии отечественной промышленности в 1950–1960-е гг. по материалам Курской области // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 87–99.
- 13) Польшов М.Ф. Не повезло крестьянству в стране Советов: Аграрная политика советского правительства в 1950-х – первой половине 1980-х гг. // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 1. С. 3–18.

М. А. Батавина

КУРСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ (1990–1993 гг.): ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В соответствии со статьей 16 Закона РСФСР от 27 октября 1989 г. «О выборах народных депутатов РСФСР» [1] и Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 8 февраля 1990 г. «О ходе подготовки к выборам

народных депутатов РСФСР, автономных республик и местных Советов народных депутатов» [2] 4 марта 1990 г. состоялись выборы депутатов в Курский областной Совет народных депутатов двадцать первого созыва путем прямого всенародного голосования. Выборы проходили по 230 избирательным округам.

Это были первые альтернативные выборы в истории современной Курской области. Всего на 230 мандатов кандидатами в народные депутаты выдвигались 452 человека, в том числе 62 – от общественных организаций [3, л. 16].

В результате в выборах народных депутатов областного Совета, состоявшихся 4 марта 1990 г., приняли участие 823,4 тыс. избирателей, или 85,6 % от включенных в списки. В 29-и округах 18 марта были проведены повторные голосования, а 22 и 28 апреля – еще в 43-х округах. При повторном голосовании в двух округах выборы были признаны не состоявшимися, так как в голосовании приняли участие менее половины избирателей. Областная избирательная комиссия на основании протоколов участковых и окружных комиссий зарегистрировала 185 избранных депутатов, из которых 69 % были избраны впервые [3, л. 17–18]. Позднее, за период работы созыва с марта 1990 по сентябрь 1993 г., количество депутатов и их состав изменялись.

Первая сессия Курского областного Совета народных депутатов двадцать первого созыва начала работу 29 марта 1990 г. Этот созыв стал уникальным: он был последним, избранным в СССР, и единственным, который работал уже в независимой РСФСР, позднее – Российской Федерации.

Ключевые вопросы областной Совет решал на сессионных заседаниях. Всего за время работы Курского областного Совета народных депутатов двадцать первого созыва сессии созывались 18 раз. Повседневные дела Совета решались на заседаниях президиума, избранного из состава депутатов Совета, а с января 1992 г., согласно статье 1 Закона Российской Федерации от 5 декабря 1991 г. «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов», – малого Совета [4].

Именно документы сессий и заседаний президиума Совета (с января 1992 г. – малого Совета) составляют основную часть материалов, отложившихся в ходе работы данного органа власти. Они находятся на хранении в Государственном архиве Курской области в описи № 45 архивного фонда «Курский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет».

Говоря об этих документах, необходимо отметить их видовое разнообразие. Так, основу составляют протоколы заседаний сессий, президиума Совета и малого Совета и документы к ним. Кроме того, к большинству протоколов прилагались стенограммы заседаний, которые существенно расширяют информацию, изложенную в протоколах, за счет того, что стенографировались выступления депутатов, участвовавших в прениях по тем или иным вопросам.

Протоколы заседаний оформлялись по единому формуляру, отражая количественный состав участников заседания, вопросы, рассмотренные на заседании, выступавших в дискуссиях по этим вопросам и принятые по ним решения. Во многих случаях также имеются сведения о результатах голосования по рассмотренным вопросам. Сохранились протоколы заседаний всех восемнадцати сессий: за 1990 г. их было проведено 3, за 1991 г. – 5, за 1992 г. – 3, и за 1993 г. – 7. Наибольшее количество сессий в 1993 г. объясняется тем, что за год депутаты провели пять внеочередных и одну чрезвычайную сессию в связи с политическим кризисом сентября – октября того года в стране.

В ходе работы сессий областного Совета обсуждались наиболее общие вопросы, касавшиеся функционирования органов государственной власти и жизни

общества в регионе, а также внутренние вопросы работы облсовета. В качестве примера рассмотрим протокол десятой сессии областного Совета, которая состоялась 19 марта 1992 г. В ходе ее работы депутаты рассмотрели 18 вопросов, в числе которых:

- о досрочном прекращении полномочий отдельных депутатов;
- о региональной программе приватизации государственной и муниципальной собственности;
- о передаче отдельных предприятий и организаций из государственной в муниципальную собственность;
- о штрафах за различные правонарушения;
- о либерализации цен;
- о социальной поддержке различных, прежде всего малоимущих, слоев населения;
- об утверждении народных судей;
- о составе комитетов при облсовете и пр. [5, л. 1–2].

Отдельно хотелось бы выделить рассмотрение вопроса об обращении в Верховный Совет и Президенту РФ. Данный документ отражает реакцию подавляющего числа депутатов («за» проголосовали 165 депутатов, при одном голосе «против» и трех воздержавшихся [5, л. 4, 13]) на установление свободных цен на энергоносители: народные избранники высказались резко против либерализации цен на топливо, которая могла бы (и привела) «к значительному снижению уровня жизни большинства населения области», а также к разбалансировке потребительского рынка за счет усугубления положения с не эквивалентным обменом между сельскохозяйственными и промышленными производителями. Курские депутаты при этом предлагали ряд мер, которые могли улучшить экономическое положение в стране: государственное регулирование цен, дотации для сельскохозяйственных производителей, снятие НДС на ряд товаров массового потребления и пр. «Не пойти сейчас на такие меры – значит в очередной раз взвалить трудности по созданию рыночной инфраструктуры на плечи наших избирателей», – подчеркивалось в обращении [5, л. 118–119].

Стоит отметить, что ввиду крайне сложной социально-экономической ситуации в нашей стране в начале 1990-х гг. подобные вопросы рассматривались в рамках работы практически каждой сессии облсовета, а перечень обсуждаемых проблем фактически был идентичным. Однако данный спектр проблематик был характерен для очередных сессий.

За период существования Курского областного Совета народных депутатов было созвано шесть внеочередных сессий: одна – как реакция на ГКЧП, пять – в связи с конституционным кризисом в стране в 1993 г.

Обращает на себя внимание ряд весьма интересных фактов.

Курский облсовет на шестой (внеочередной) сессии, которая прошла 31 августа 1991 г., осудил действия ГКЧП и выразил «глубокую признательность Президенту, Правительству, Верховному Совету РСФСР, всем гражданам, вставшим на защиту демократии». Кроме того, было заявлено, что органы государственной власти и управления области в лице президиума, исполкома облсовета, областного прокурора «проявили медлительность в оценке происходящих событий» и «не могли объективно определить свою позицию в это время». Решением сессии была принята отставка председателя облсовета А. И. Селезнева, выражено недоверие прокурору области А. В. Рошину и поставлен вопрос о его освобождении от занимаемой должности перед Генеральным прокурором РСФСР. Обращает на себя внимание пункт 6 данного решения:

«Президиуму областного Совета народных депутатов, облисполкому сосредоточить внимание на безусловном исполнении Указов Президента РСФСР, постановлений Правительства республики на территории области [6, л. 16–17].

9 июня 1993 г. состоялась четырнадцатая (внеочередная) сессия облсовета, которая была созвана в связи с инцидентом, произошедшим между Р. И. Хасбулатовым и Б. Н. Ельциным в ходе расширенного заседания конституционного совещания 5 июня 1993 г., когда последний всеми силами пытался отстранить Верховный Совет от работы над новой конституцией страны. Сессией было принято решение осудить данный конфликт с целью его нераспространения в регионы и «выразить несогласие с позицией Президента, изложенной в Указе от 12 мая 1993 года № 660 и его выступлением на пленарном заседании о том, что Съезд народных депутатов Российской Федерации является главным препятствием осуществления демократических реформ» [7, л. 9–10].

В ходе работы пятнадцатой сессии облсовета, которая состоялась 3 сентября 1993 г., курскими депутатами был отвергнут проект Конституции Российской Федерации, предложенный конституционным совещанием как «не отвечающий интересам абсолютного большинства населения Российской Федерации, способствующий установлению неограниченной власти Президента, а потому неприемлемый, как Основной Закон государства» [8, л. 13–14]. Кроме того, было принято заявление о протесте против издания Указа Б. Н. Ельциным о временном отстранении от должности вице-президента РФ А. В. Руцкого [8, л. 37–40].

Шестнадцатая (чрезвычайная) сессия областного Совета, созванная 22 сентября 1993 г., рассматривала только один вопрос, а именно: о политической ситуации в связи с обращением по центральному телевидению и радио Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина и Указом Президента «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». В ходе обсуждения данного вопроса было принято решение направить Заявление областного Совета народных депутатов в связи с неконституционными действиями Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, высказанное по российскому радио и телевидению 21 сентября 1993 г. о прекращении деятельности Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ в Верховный Совет Российской Федерации, Президенту, Конституционному Суду РФ, Генеральному прокурору РФ В. Г. Степанкову. В данном документе курские депутаты выступили с острой критикой действий Б. Н. Ельцина, которые нарушали Конституцию РФ, а также указали на неисполнение «на территории Курской области любых антиконституционных и противозаконных решений, от кого бы они не исходили» [9, л. 1–6].

Семнадцатая (внеочередная) сессия, прошедшая 29 сентября 1993 г., подтвердила решения чрезвычайной сессии, еще раз встав на сторону Верховного Совета в ходе конституционного кризиса [10, л. 6–7].

23 декабря 1993 г. была созвана последняя восемнадцатая (внеочередная) сессия, в ходе которой депутаты не смогли обеспечить кворума, тем самым, ее решения не могли быть легитимными [11, л. 10–11].

Анализируя данные документы, мы можем проследить эволюцию отношения местных депутатов к верховной власти и процессам, происходящим в стране, что делает их чрезвычайно важными для нас.

Не менее значимый комплекс документов представляют протоколы заседаний Президиума (с 1992 г. – малого Совета) облсовета. Всего в нашем распоряжении имеется комплекс из 37-и протоколов Президиума и 25-и протоколов малого Совета. Данный комплекс документов не менее интересен, так как он отражает проблемы, решавшиеся властью повседневно.

Кроме того, практически ко всем протоколам заседаний как сессий, так и Президиума и малого Совета сохранились документы, связанные с их ведением и рассматриваемыми вопросами, которые зачастую существенно расширяют наши представления об истории курского региона в начале 1990-х гг. Отдельные особенности данных документов в контексте рассмотрения вопросов об административно-территориальных преобразованиях были освещены в одной из наших статей [12].

При Курском областном Совете функционировали постоянные комиссии, постоянные и временные депутатские группы для предварительного рассмотрения и подготовки вопросов, относящихся к деятельности облсовета, для содействия проведению в жизнь его решений и законодательства страны, осуществления в пределах компетенции Совета контроля за деятельностью облисполкома, а затем с декабря 1991 г. областной администрации, а также для контроля за работой предприятий, учреждений и организаций области. На постоянной основе при областном Совете действовали следующие комиссии: мандатная; финансово-бюджетная; по законности и правопорядку; по экономической реформе и предпринимательству; по социальной защите и социальному обеспечению; по земельным вопросам и продовольствию; по жилищно-коммунальному и дорожному хозяйству, благоустройству, транспорту и связи; по потребительскому рынку, торговле, сфере услуг; по экологии и природопользованию; по средствам массовой информации; по делам молодежи; по делам женщин, охране семьи, материнства и детства; по контролю за эксплуатацией Курской АЭС и ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС [13, л. 2–4].

В ходе работы данных комиссий создавался целый ряд различных делопроизводственных документов, начиная от протоколов заседаний данных комиссий до различных решений, справок, отчетов. Кроме того, среди данных материалов встречаются документы различных организаций, чьи вопросы рассматривались в ходе заседаний комиссий.

Не менее обширным массивом документов, отложившимся в ходе работы Курского облсовета, являются письма, заявления, жалобы граждан, поступившие в областной Совет в 1990–1993 гг. К изучению данного комплекса источников мы еще не приступали, однако, как видится нам, он может стать достаточно интересным источником информации о повседневной жизни граждан нашей страны, их видении путей ее развития, реакции на различные политические и социально-экономические процессы.

Подытоживая, необходимо отметить, что комплекс документов Курского областного Совета народных депутатов за 1990–1993 гг., находящийся на хранении в Государственном архиве Курской области, является ценнейшим источником исторической информации о жизни курского региона в начале 1990-х гг. К сожалению, данный комплекс документов в настоящее время практически не введен в научный оборот и малоисследован, что делает его изучения перспективным с точки зрения осмысления истории как Курской области, так и страны в сложный период начала 1990-х гг.

Источники и литература

1. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1989. № 44. Ст. 1305.
2. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. № 6. Ст. 171.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 25.
4. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 51. 12 дек. Ст. 1794.
5. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 228.

6. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 90.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 390.
8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 391.
9. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 392.
10. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 393.
11. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 45. Д. 394.
12. Аргунов О.Н., Батавина М.А., Есипов Д.М. Административно-территориальные преобразования в Курской области (1991–2024 гг.): административно-хозяйственный и управленческий аспекты // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2024. № 3(71) [Электронный ресурс] // URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5402/ (дата обращения: 08.10.2024).
13. ГАКО. Ф. Р-3322. Предисловие к описи № 45 архивного фонда «Курский областной Совет народных депутатов и его исполнительный комитет» за 1990–1993 гг.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. И. Емельянова, монахиня Иустина (Трофимова)

СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛИ КУРСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКОВ): БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Научных исследований о судьбах священно- и церковнослужителей Курского Свято-Троицкого женского монастыря, служивших в обители во второй половине XVIII – первой половине XX вв. практически нет. Мы постарались восстановить этот пробел на основе архивных источников Государственного архива Курской области (далее – ГАКО), Российского государственного исторического архива (далее – РГИА) и Архива Курского Свято-Троицкого женского монастыря, которые впервые вводятся в научный оборот.

В Курском Свято-Троицком женском монастыре по традиции служили женатые священники (белое духовенство). Это были люди крепкого христианского духа, глубокой веры, благочестивые, безупречные в священнослужении, ревностные. Священники были преданы обители и подвизались в ней в течение долгого времени. Они были терпеливы, мудры, образованы, имели заслуги перед Церковью.

На сегодняшний день известны имена 20-и священно- и церковнослужителей монастыря указанного периода. О некоторых время сохранило только скудные факты: имя, фамилия, годы службы в монастырском храме. Наиболее полные сведения о священниках содержат «Клировые ведомости церкви Свято-Троицкого монастыря» с 1880 г. по 1916 г. и на страницах «Обыскной книги монастыря за 1838–1843 гг.» ГАКО, а также в фонде Канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода РГИА.

Некрологи, печатавшиеся в Курских епархиальных ведомостях, сохранили подробную информацию о жизни и служении маститых священников, которых знали и любили во всем городе.

Сведения о священниках советского периода собирались по крупицам в различных фондах ГАКО: Это подписи в документах об изъятии церковных ценностей из монастыря в 1922 г., в делах о закрытии монастыря в 1923 г. и в 1950 г., в списках лишенных избирательных прав, в документах об избрании игуменьи монастыря в 1921 г. и 1947 г. и других. Поиск сведений о священниках после его закрытия в 1923 г. привел нас к документам бывшего монастырского скита в д. Шуклинка, с 1921 г. являвшегося самостоятельной обителью. Здесь мы обнаружили их подписи и фамилии в списках пресвитеров.

По выявленным архивным данным можно составить краткие биографии следующих священно- и церковнослужителей.

1. **Отец Иоанн Матчин**, служил в монастыре: 1762–1765 гг. [1, с. 9].
2. **Отец Михаил Нифонтов**, служил в монастыре: 1762–1765 гг. [1, с. 9].
3. **Дьячок Михаил Матчин**, служил в монастыре: 1762–1765 гг. [1, с. 9].
4. **Пономарь Василий Калмыков** служил в монастыре: 1762–1765 гг. [1, с. 9].
5. **Священник Димитрий Сойников**, служил в монастыре: 1787–1788 гг. [2, с. 3].
6. **Священник Михаил Сойников**, служил в монастыре: 1787–1788 гг. [2, с. 3].

7. Протоиерей Павел Васильевич Свешников, служил в монастыре: 1838–1843 гг. [3, л. 1–136].

8. Дьячок Иоан Афанасьевич Горохов, служил в монастыре в 1838–1843 гг. [3, л. 1–136].

9. Иерей Василий Илларионович Соболев (1808–1888 гг., служил в монастыре: 1832–1888 гг.). Сын пономаря из села Мармыжи Димитриевского уезда. Уволившись из низшего отделения Курской духовной семинарии в 1832 г. за неимением средств к продолжению образования, сначала был определен псаломщиком при Курском девичьем монастыре, затем рукоположен во дьякона, потом в иерея [4, 3 об.].

За годы служения был награжден набедренником, орденом Святой Анны III степени [5, л. 89 об., 90 об. – 90, 91].

Вдовец. В семье были две дочери Мария и Пелагея, сын.

В некрологе об иерее Василии, написанном еще одним священником женской обители, митрофорным протоиереем Иоанном (Шкорбатовым), глубоко раскрыта личность батюшки. Позволим себе привести ее здесь частично. *«В жизни на почившего были возложены от Бога тяжелые кресты – знаки отличия истинных христиан: в детстве и юности – бедность, раннее вдовство, затем – трудное воспитание сирот детей, для которых пришлось ему исполнять обязанности не только отца, но и матери. Замужество двух дочерей не облегчило старости о. Василия. Вскоре умирает один зять, оставляя дочь с сиротами внуками. Затем умирает другой зять, и вторая дочь и шестеро сирот внуков остаются без достаточных средств к жизни. Наконец, умирает сын, получивший видное положение в обществе, и бедный отец лишается в нем последней утехи и надежды.*

При всех этих тяжелых бедах и скорбях почивший иерей Василий не только не падал духом, но становился все тверже и тверже, крепко веруя, что на все воля Божия. Таким же глубоко христианским духом отличалось и многотрудное пастырское служение священника Василия. В таком роде служения человек не только обязан избегать мирских развлечений, но должен нередко отказывать себе даже в необходимом.

Как и всякому священнику, о. Василию до преклонных лет приходилось нередко жертвовать для блага ближних и своим покоем, и своим здоровьем, и своими силами. Раннее вставание к заутрене, в два часа ночи, затем продолжительная служба, долгое стояние без подкрепления себя пищею – все это стоило немало труда для глубокого старца, но он переносил все терпеливо.

В монастыре, где лица, посвятившие себя на служение Богу, строже к себе, тем более строже они и в отношении к священнику. Но почивший о. Василий прошел свое полувековое служебное поприще в иноческой обители безупречно, хотя и не без трудов и горестей, тяжелой внутренней борьбы.

Высокопреосвященный архиепископ Виленский Алексей (Лавров-Платонов) на сообщение ему о том, что почивший не окончил даже семинарии, выразился так: «Прослужить 50 лет хорошо и с честью в женском монастыре, да это значит более, нежели прослушать курс не только семинарии, но даже и академии». Счастлив по смерти тот, кому судил Господь быть в жизни в духовном чине и действовать достойно своего звания. Как сосуд, хотя и нечистый, будучи часто вымываем водою, очищается, так священник от частого усердного моления и причащения Животворящих Таин очищается от грехов. Счастлив по смерти тот, кому судил Господь служить в таком месте, где, при бескровной жертве, бывает ежедневное поминовение умерших и совершается непрестанная молитва о них.

Счастливы по смерти тот, кто с молитвою на устах и с глубоким сердечным покаянием оканчивает жизнь. Так именно жил и так окончил жизнь почивший иерей Василий» [9, л. 336–338].

Иерей Василий Соболев проживал в г. Курске на ул. Можаяевская, д. 16 [6, л. 3]. Дом сохранился до наших дней.

10. Священник Иоанн Иоаннович Ковалевский. (1839–1911 гг., служил в монастыре: 1861–1901 гг.) Сын бедного дьячка монастыря слободы Холка Ново-Оскольского уезда Курской епархии. В 1851 г. был назначен дьяконом в Николаевскую церковь слободы Чернянки, Ново-Оскольского уезда Курской губернии. После окончания низшего отделения Курской духовной семинарии был рукоположен во дьякона к Свято-Троицкой церкви Курского женского монастыря и затем в священника к той же церкви на место третьего священника [7, л. 90 об. – 91].

За усердную пастырскую службу был награжден набедренником, скуфьей. За службу в царствование императора Александра III имел серебряную медаль с изображением лица императора, был награжден орденом Владимира IV степени. Вдовец. В семье была дочь Лидия [8, л. 10 об.]

Жизненные тяготы, пережитые отцом Иоанном, и его характеристика как священника раскрыты в некрологе: *«Детство провел в своей бедной, но за то религиозной, доброй, отзывчивой на чужое горе семье. Глубокая религиозность, бессеребрность, чуткость сердца на чужия страдания – вот те высокие стороны характера покойного, о которых грех молчать...*

Смерть отца заставляет покойного о. Иоанна Ковалевского оставить семинарию и взять на себя святое бремя – кормильца осиротевшей семьи...

На пятом году счастливой супружеской жизни у покойного умирает жена... А это ведь самый тяжелый удар для священника или диакона-человека... Осталась после смерти жены, у покойного дочь Лидия. Воспитание ее – было для покойного важной задачей жизни. Он руководил образованием и воспитанием дочери и не только до поступления ее в среднюю школу, но и по поступлении... Чуть ли не ежедневно посещал он Курское Епархиальное женское училище, где воспитывалась дочь, принося туда свое родительское наставление, ласки и лакомства не только для дочери, но и ее подруг. И епархиалки отплачивали сердечною благодарностью и любовью за наставления и ласки отца Лиды.

... в 1901 г. умирает у него любимая дочь. И новый удар переносится им мужественно. Он затворяется в тесном кругу родственников, паствы – сестер монастыря, городской деревенской бедноты и только им посвящает свою жизнь.

Полученный за десять лет до смерти дочери, сан священства открыл ему большее поле деятельности, чем диаконство. Раньше он был идеальным диаконом – обладал прекрасным голосом и умел владеть им. Теперь стал идеальным священником. – Кто слышал его службу, тот долго не забудет ее. Отчетливо, умиленно, возвышенно и сознательно произносимые возгласы, сановитая и, в то же время, как то простая наружность седого старика-священника, все это невольно бросается в глаза, располагает к молитве, тепло действует на душу. Я много знаю людей-интеллигентов, которые посещали женский монастырь только потому, чтобы послушать службу покойного. Только на службе о. Иоанна, говорили они, отдыхаешь душою, забываешь горе, возвышаешься к Небу... Паства глубоко любила покойного. Да и нельзя было не любить такого человека. Ни одна сестра в монастыре не слышала от него слова насмешки или оскорбления. Все они шли к нему со своим горем и он утешал их, как мог, в своей простоте. Утешал он и в обыкновенное время, и на исповеди. Сестры монастыря любили исповедоваться у

покойного, несмотря на то, что имели своего духовника-монаха. Исповедовались и многие миряне...» [9, с. 356].

Захоронен отец Иоанн на Никитском кладбище г. Курска в одной могиле с дочерью. Могила сохранилась до наших дней [6, л. 3].

11. Священник Василий Иоаннович Попов (1830 – (?) гг., служил в монастыре в 1876 г.) [3, л. 3 об.] Сын дьякона. Окончил курсы семинарских наук со степенью студента. Стоит отметить, что в XIX в. особые преимущества получали те, кто заканчивал семинарию со званием «студента». Такой аттестат свидетельствовал о выдающихся способностях его обладателя и, соответственно, открывал путь в духовную академию, возможность получения должности помощника инспектора в семинарии, зачисление на гражданскую службу (XIV класс). В связи с чем, звание студента получали немногие [7, л. 86 об.]

До службы в монастыре, в разные годы, священник Василий был наставником в Михайловском поселянском училище, служил во временном ревизионном Комитете для обревизования сумм Курского Попечительства о детях духовного звания. Был командирован для отправления треб в 4-й резервный батальон Белостокского пехотного полка, где еще преподавал Закон Божий нижним чинам. Преподавал безмездно Закон Божий нижним чинам Курской Жандармской команде. Служил увещателем в Курской палате Уголовного Суда. Проходил должности депутата по ведомству благочинного, законоучителя при Курском Александровском Образцовом училище, попечителя Казначей в Курском Епархиальном Попечительстве о бедных духовного звания [7, л. 86 об. – 88]. В разные годы служил священником Николаевской Стрелецкой церкви, Николаевской церкви при тюремном доме в г. Курске.

Был награжден бронзовым наперсным крестом на Владимирской ленте в память о Крымской войне 1853–1856 гг., набедренником, бархатною фиолетовою скуфьей, камилавкой, наперсным крестом.

На 1880 г. известно, что у него были сын Николай, студент Харьковского Императорского университета, и дочь Зинаида. Вдовец [7, л. 86 об. – 88].

12. Священник Косма Терновский (годы жизни неизвестны, служил в монастыре в 1878 г.). Известно, только, что в 1880 г. осталась его вдова Наталья Васильевна Терновская 36 лет, жившая в собственном доме и получавшая ежегодное попечительское пособие, также дочь Александра и три их сына Митрофан, Николай, Василий [3, л. 3 об.; 7, л. 90 об.].

13. Священник Михаил Михайлович Спесивцев (1867 – (?) гг., служил в монастыре: 1887–1912 гг.). Из Клировой ведомости монастыря за 1912 г. известно немного: «Уволен за штат по болезни 4-го апреля 1912 г. впредь до выздоровления». На службе состоял 25 лет. Жена Лидия Ивановна. Сын Николай на 1912 г. был студентом Курского реального училища [10, л. 19]. В 1916 г. Лидия Ивановна в клировой ведомости монастыря значится уже как вдова. Проживала в собственном доме.

14. Митрофорный протоиерей Иоанн Васильевич Шкорбатов (1843 – (?) гг., служил в монастыре: 1880–1921(?) гг.) Родом из Курской губернии, Дмитриевского уезда, села Романовки, сын священника. Окончил полный курс наук в Курской духовной семинарии по первому разряду со званием студента [7, л. 88 об. – 89].

В разные годы служил священником Дмитриевской церкви села Жердева, Курского уезда, Покровской церкви села Плоское, Курского уезда. Проходил должность законоучителя и учителя грамоты, пения в сельской школе с. Плоское,

должность благочинного в 4-м благочинническом округе Курского уезда [7, л. 88 об. – 89].

Во время служения в монастыре занимал должность законоучителя монастырской церковно-приходской школы, должность смотрителя мужского детского приюта, члена казначея Курского епархиального попечительства о бедных духовного звания, законоучителя воскресной женской школы, председателя комиссии религиозно-нравственных чтений в г. Курске. Состоял членом ревизионного комитета Курской духовной семинарии, казначеем при Курском комитете православного миссионерского общества, членом совета Курского епархиального женского училища, был духовником 1-го благочиннического округа г. Курска, наблюдателем Курской Воскресной школы. Проходил должность духовника по 1-му благочинническому округу г. Курска [8, л. 3 об. – 5 об.].

За усердие к облегчению судьбы бедствующих славян в Боснии и Герцеговине в 1879 г. был награжден установленным знаком Красного Креста. За время служения в монастыре был награжден набедренником, бархатной фиолетовой скуфьей, палицею, митрою. Имел благодарности от Епархиального Съезда духовенства. Был награжден Орденом Святой Анны 2-й и 3-й степеней, серебряной медалью с изображением лиц императоров Александра III и Николая II, Орденом Святого Владимира 4-й степени, наперсным крестом от Святейшего Синода. Имел благодарность от Училищного Совета за преподавание в монастырской церковно-приходской школе. Был возведен в сан протоиерея в 1905 г., в 1918 г. награжден митрой [4, л. 109 об.; 7, л. 88–89 об.; 10, л. 3–4 об.].

Был женат на дочери священника Александре Михайловне. В семье у них было на 1916 г. 5 детей и двое внуков. Две дочери Лидия и Мария, обучались в училище при Свято-Троицком монастыре и были замужем за священниками. Лидия за о. Михаилом Спесивцевым, священником монастыря. Мария – за законоучителем Рыльского училища священником Иоанном Тарасовым. В 1898 г. работала учительницей Вышне-Гуторовской церковно-приходской школы. Третья дочь Клавдия – за доктором и жила с ним в Воронеже. Сын Николай обучался в Курской духовной семинарии, служил в 1912 г. регентом в г. Юже Владимирской губернии, в 1916 г. – учителем в Александровской гимназии в Ялте. Сын Павел в 1912 г. был помощником классного наставника, учителем пения и библиотекарем в Великокняжеской станице Земли Донского Войска, был женат, имел дочь Александру и сына Ивана. На попечении о. Иоанна в 1880 г. была мать, вдова священника, Александра Ивановна и племянники Татьяна и Иван – круглые сироты, дети умершего священника Иоанна Боголюбова, служившего при Вознесенской церкви села Романовки Дмитриевского уезда [5, л. 261; 7, л. 88–89 об.; 10, л. 4–5].

Митрофорный протоирей Иоанн Шкорбатов председательствовал на избрании настоятельницы Александро-Невского монастыря, бывшего скита, 21 марта 1921 г., как самостоятельной обители [14, л. 10].

Возможно, там он и похоронен. Известно, что перед закрытием монастыря в 1925 г., там проживал один священник. Из воспоминаний сторожил – на территории монастыря похоронен митрофорный священник.

До 1917 г. протоирей Иоанн Шкорбатов проживал на ул. Можаяевская, д. 12 (по другим данным д. 18) в собственном доме [6, л. 3; 12, л. 75]. Ныне дом не сохранился.

15. Протоирей Иоасаф Иоаннович Лукашев (1855 – (?), годы службы в монастыре: 1887–1925 гг.). Окончил полный курс наук в Курской духовной семинарии. В разные годы до службы в монастыре проходил должности: учителя Михайловского сельского училища Дмитриевского уезда, священника

Богородицкой церкви с. Верхне-Ольховатского Щигровского уезда, законоучителя Верхне-Ольховатского сельского училища, законоучителя 2-го, затем 3-го приходского женского училища г. Курска, должность учителя русского языка и арифметики в церковно-приходской школе при Курском женском монастыре. Был членом Духовной Консистории, Курского отделения Епархиального училищного совета. Занимал должность казначея Курского комитета православного миссионерского общества, комитета Курского епархиального свечного завода. [5, л. 262 об. – 263 об.; 15, л. 33–38].

Был награжден набедренником, скуфьей, камилавкой, наперсным крестом, орденом Святой Анны III степени, серебряной медалью с изображением лиц императоров Александра III и Николая II, крестом в память 300-летия Дома Романовых. Был в сане протоиерея [5, л. 264 об. – 265 об.].

Вдовец. Скорее всего, был женат на дочери священника Иоанна Ковалевского. На 1916 г. в семействе у него было четыре сына, внучка. Иван обучался в курской классической гимназии, а по окончании юридического факультета Харьковского университета состоял мировым судьей Курского судебного округа. Дмитрий обучался в Курской духовной семинарии, окончил Харьковский ветеринарный институт и в 1913 г. служил врачом на фронте, как и брат Александр, окончивший медицинский факультет Харьковского университета. Василий окончил Курскую классическую гимназию, обучался в военном артиллерийском училище. У Дмитрия была дочь Валерия. [5, л. 88; 15, л. 33–38].

Фамилия протоиерея Лукашева также значится в списке пресвитеров Религиозного Свято-Троицкого общества Христианского Православного исповедания при бывшем Курском женском монастыре за 1925 г. [12, л. 75]. В 1927 г. был Председателем Приходского Совета Александра-Невского религиозного общества в д. Шуклинка [14, л. 4; 12, л. 7, 75].

На 1925 г. протоиерей Иоасаф Лукашев проживал на ул. Золотая, д. 4, д. 6 в собственном доме совместно с сыном Иваном, служащим коммунального отдела и его женой Варварой Владимировной, домохозяйкой [6, л. 3; 12, л. 77 об.]. До наших дней дом не сохранился.

16. Дьякон Георгий Иоаннович Архангельский (1869 – (?) гг., служил в монастыре: 1891–1925(?) гг.) Родом из Курской губернии, сын протоиерея с. Звягинцева Фатежского уезда. В 1891 г. был рукоположен в диакона к Свято-Троицкой церкви Курского женского монастыря по увольнении из III класса Курской духовной семинарии [10, л. 9 об. – 10 об.].

Был награжден серебряною медалью с изображением лица императора Александра III.

Женат был на Елене Герасимовне, дочери священника слободы Борисовки Грайворонского уезда Николаевской церкви. В семействе у них на 1916 г. были дочь Мария, окончившая высшие женские курсы Курской Мариинской гимназии, и сын Александр, гимназист Курской классической гимназии [5, л. 268 об.].

Подпись дьякона Георгия Архангельского стоит в протоколе об изъятии церковных ценностей из монастыря от 2 мая 1922 г., проходившей в стране в ходе антирелигиозной кампании [11, л. 78–79 об.].

В 1925 г. находим его фамилию в списке пресвитеров Религиозного Свято-Троицкого общества Христианского Православного исповедания при бывшем Курском женском монастыре, а затем, в 1927 г., религиозного Александро-Невского Общества Христианского православного исповедания Курского уезда, Ямской волости. Это общество было создано при Александро-Невской церкви женского монастыря в д. Шуклинка, где до 1921 г. был монастырский скит [12, л. 7].

Известно, что в 1925 г. дьякон Георгий Архангельский проживал на ул. Веселая (ныне К. Зеленко), д. 26 в собственном доме совместно с супругой Еленой Герасимовной, сыном Александром, служащим, и дочерью Марией, служащей Управления Московско-Киевской железной дороги [6, л. 4; 12, л. 75, 78]. До наших дней дом не сохранился.

Возможно, среди репрессированных курских священников есть его брат протоиерей Архангельский Николай Иоаннович 1866 г. рождения из того же села Звягинцево Фатежского района Курской области. Сведения о нем содержатся в Книге памяти жертв политических репрессий Курской области. Местом службы Николая Иоанновича был г. Фатеж [13, с. 36].

17. Протоиерей Михаил Григорьевич Колмаков

(1864 – (?) гг., служил в монастыре: 1911 – (?) гг.). Родом из Курской губернии, сын священника села Сулы, Суджанского уезда. Окончил полный курс наук в Курской духовной семинарии. До службы в монастыре в разные годы служил псаломщиком в Соборной церкви г. Рыльска, учителем пения и чистописания в Обоянском духовном училище, учителем Обоянского городского училища, заведующим Лебедянской церковно-приходской школой, законоучителем Лебедянского начального народного училища. Был рукоположен в священника к Богородицкой церкви села Лебеди, Старооскольского уезда [5, л. 265 об.]

Во время служения в монастыре с 1911 г. был законоучителем церковно-приходской школы при обители, законоучителем Курского городского двухклассного Семеновского училища, членом Курского отделения епархиального училищного совета, делопроизводителем Курского отделения епархиального училищного совета.

Был награжден набедренником, скуфьей, камилавкой. Имел серебряные медали с изображением лица Александра III и Николая II, а также крест, установленный для священнослужителей в память 300-летия дома Романовых. В 1918 г. возведен в сан протоиерея [4, л. 107].

Женат был на дочери коллежского асессора Александре Михайловне. В семье было четверо детей: три дочери и сын. Дочери Елена и Вера обучались на высших курсах в Петербурге, Мария – в Курской женской гимназии. Сын Сергей воевал на фронте Первой мировой в звании штабс-капитана [5, л. 266].

В 1925 г. протоиерей Михаил Григорьевич Колмаков значится в списке пресвитеров Религиозного Свято-Троицкого общества Христианского Православного исповедания при бывшем Курском женском монастыре, в 1927 гг. – религиозного Александро-Невского Общества Христианского православного исповедания Курского уезда, Ямской волости, созданного при храме Александра Невского в женском монастыре д. Шуклинка [14, л. 7; 12, л. 75].

Его фамилия указана в списке граждан, лишенных избирательных прав на 4 ноября 1924 г. [16, л. 48]. В 1925 г. – ул. Можаяевская, д. 18 совместно с женой Александрой Михайловной и дочерью Верой, учительницей [12, л. 7, 77об]. Захоронен отец Михаил на Никитском кладбище г. Курска. Могила сохранилась до наших дней.

18. Протоиерей Илья Преображенский. О нем известно только, что 23 мая 1947 г. проводил избрание игуменьей монастыря монахини Агнии (Мелениной), которая стала руководить монастырем после смерти игуменьи Емилии. 31 мая

1947 г. был перемещен к Николаевской церкви слободы Стрелецкой Курского района [17, л. 38].

19. Архимандрит Израиль (Адрианов). Настоятель Свято-Троицкой женской община женского монастыря в июне 1947 г. [18, л. 15–18]. Больше нам о нем ничего неизвестно, но в архиве монастыря сохранилось его фото.

20. Протоиерей Сергей Григорьевич Ханов. В 1949 г. был зарегистрирован в качестве священника и назначен настоятелем приходской общины Троицкой православной церкви бывшего женского монастыря г. Курска. К этому времени монастырский храм был переведен в разряд приходского, при котором была сформирована община прихожан [17, л. 36]. Дальнейшая судьба протоиерея нам неизвестна.

В ходе исследования нами были выявлены еще имена и краткие сведения о двух духовниках Троицкой женской обители – насельниках Курского Знаменского мужского монастыря. Это иеромонах Ассон (в миру Иван Чумаченко), и иеромонах Вениамин (в миру Василий Туров). Считаем необходимым указать здесь и их краткие биографии, так как духовник женской обители совместно с игуменьей «руководил» духовной жизнью сестер.

1. Иеромонах Ассон происходил из временно-обязанных крестьян. В послушники был определен в Глинской пустыни в 1863 г., там же был пострижен в монашество в 1874 г., а 1977 г. – рукоположен в иеродьякона. В Знаменский монастырь был переведен в 1879 г., где был рукоположен в иеромонаха в 1884 г. и в 1888 г. был утвержден духовником Курского женского монастыря, также по словесному распоряжению Преосвященства исполнял должность духовника ставленников. Был награжден набедренников [19, л. 12–13].

2. Иеромонах Вениамин, 1843 г. р., из крестьян с. Локня Суджанского уезда Курской губернии. Был пострижен в монашество в Глинской пустыни в 1882 г., куда поступил в 1873 г. В 1889 г. рукоположен в иеродьякона. В Знаменский монастырь перемещен в 1889 г., где рукоположен в иеромонаха в 1891 г. С 1894 по 1902 г. был духовником Курского Свято-Троицкого женского монастыря. За благочестивую монашескую жизнь и особенные труды в этой должности имел грамоту от Святейшего Синода. Также был награжден набедренником, серебряной медалью в память царствования императоров Александра III на Андреевской ленте, орденом Святой Анны III степени и наперсным крестом от Святейшего Синода [20, л. 13].

Таким образом, мы выявили краткие биографические сведения 20-и священно- и церковнослужителей и двух духовниках Курского Свято-Троицкого женского монастыря, служивших в обители во второй половине XVIII – первой половине XX вв. Все священно- и церковнослужители были уроженцами Курской губернии, хорошо образованы, большинство обучалось в Курской духовной семинарии. По традиции они были выходцами из семей священно- и церковнослужителей и были женаты на дочерях священников. Некоторые из них стали вдовцами. Это были люди крепкого христианского духа, глубокой веры, благочестивые, безупречные в священнослужении, ревностные. Священники были преданы обители, подвизались в ней в течение долгого времени. Послереволюционные скорби переживали вместе с родным монастырем и сестрами. Они были терпеливы, трудолюбивы, добросовестны. Священники за годы служения в обители приобретали такие качества, как смирение, покорность, жертвенность, твердость, мужество. Были

заботливыми родителями и мудрыми наставниками. Имели большое попечение о воспитании детей и устройении их будущей жизни. Священников монастыря отличала доброта, ласковость, приветливость, отзывчивость, миролюбие.

Изучая характеры священников, можем сделать вывод, что в их родительских домах бережно хранились и передавались христианские традиции воспитания детей. Глубоко-религиозные родители были для детей примерами для подражания. Они ревностно служили на благо Церкви и Родине, были награждены многими наградами за церковные и государственные заслуги.

Священники закладывали в воспитание своих детей такие христианские добродетели, как:

- глубокая религиозность;
- благоговение и любовь к богослужению;
- послушание и смирение;
- стремление к получению знаний, образованность;
- жертвенность и любовь к ближнему;
- служение на благо Церкви и Родины.

Надо сказать, что биографии батюшек Троицкой обители настолько многогранны, поучительны, информативны, и, в тоже время, традиционны для той эпохи, что позволяют в научно-исследовательском формате сделать анализ жизненного уклада определенных социальных групп определенного исторического периода России.

Сбор сведений о священниках, служивших в разные годы в Курском Свято-Троицком женском монастыре, продолжается сотрудниками историко-церковного кабинета при обители.

Источники и литература

1. Курский Свято-Троицкий женский монастырь в православной истории Курского края: краткая летопись / [сост. монахиня Иустина (Трофимова)]. Курск, 2018.
2. Игуменья Емилия. Курский Свято-Троицкий женский монастырь (Краткий исторический очерк). Курск, 1912.
3. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 654. Оп. 1. Д. 4.
4. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 358.
5. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 4.
6. Архив Курского Свято-Троицкого женского монастыря (дело – АКСТЖМ). Дело «Адреса проживания священнослужителей г. Курска до 1917 года».
7. ГАКО. Ф. 483. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАКО. Ф. 654. Оп. 1. Д. 6.
9. Курские епархиальные ведомости. 1911. № 37.
10. ГАКО. Ф. 654. Оп. 1. Д. 13.
11. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 683.
12. ГАКО. Ф. Р-1287. Оп. 1. Д. 54.
13. Книга памяти жертв политических репрессий Курской области. Курск, 1998. Т. 2.
14. ГАКО. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 204.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 831. Оп. 1. Д. 132.
16. ГАКО. Ф. Р-1287. Оп. 1. Д. 2.
17. ГАКО. Ф. Р-5027. Оп. 4. Д. 35.
18. АКСТЖМ. Дело «Троицкая церковь бывшего женского монастыря».
19. ГАКО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 55.
20. ГАКО. Ф. 186. Оп. 1. Д. 99.

Н. В. Золоторева

**ЛЮДВИГ КАРЛОВИЧ МАРТЕНС:
ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ**

В газете «Набат» Щигровского уездного комитета от 8 февраля 1921 г., в заметке «Приветствие представителю Советской России» описывался отъезд из Америки тов. Мартенса: «<...> на пристани собралась громадная толпа людей, приветствовавшая в лице изгнанника Советскую Россию» [1].

18 февраля Мартенса по прибытию в Россию встречал в квартире, в Кремле Владимир Ильич Ленин. Расспрашивая об американском рабочем движении, об общественных течениях, о российской эмиграции в США, о возможности установления экономических и политических взаимоотношений Советской власти с правительством США, о попытке налаживания контакта между двумя великими странами Мартенсом в качестве первого официального представителя Советского правительства, Ленин высоко оценил деятельность Людвиг Карловича.

Кто же такой Мартенс?

Если коротко, то российский революционер, один из соратников Ленина, после 3-летнего заключения за участие в марксистских кружках был выслан в Германию, затем эмигрировал в Англию, а в 1916 г. в Америку. В 1919 г. был назначен официальным представителем советского правительства в США. Ввиду отказа американского правительства признать РСФСР был отозван в Москву. В течение двадцати лет, начиная с 1921 г., Людвиг Карлович занимался приоритетными направлениями развития нашей страны: был членом президиума ВСНХ и председателем Главметалла, председателем Комитета по делам изобретений при ВСНХ, директором научно-исследовательского дизельного института, также главным редактором «Технической энциклопедии». Сын Людвиг Карловича, Вильгельм Людвигович, в военные годы возглавлял центральную антифашистскую школу «ЦАШ», работал вместе с Фишером (Абелем), и стоял фактически у истоков создания ГДР.

Людвиг Карлович родился в 1874 г. в Бахмуте в семье прусских подданных Карла Августа и Христианы Мертенсов.

Именно «Мертенс» фамилия Людвиг Карловича, а не «Мартенс», как пишется во многих статьях, книгах, энциклопедиях, посвященных жизни и деятельности Людвиг Карловича. Фамилия в немецкой транскрипции звучит как «Мертенс», но, по всей вероятности, при эмиграции в англоязычную страну ее пришлось адаптировать к английскому произношению. Так появилась фамилия «Мартенс».

Людвигу было два года, когда семья переехала в Курск. Его семье принадлежал чугунно-литейный завод и усадьба с домом на углу улиц Нижней Лазаретной и Золотой. В архиве сохранился рапорт Курского полицмейстера на имя губернатора от 30 октября 1877 г. Это «Акт об осмотре механического вино-курно-аппаратного, чугунного и медно-литейного заведения иностранца Мертенса» [2, л. 2]. Для осмотра заведения на место прибыли Курский губернский архитектор, Курский полицмейстер и помощник врачебного инспектора [2, л. 3]. Карл Мертенс был ознакомлен со всеми нужными «перестройками» на заводе и обязался их выполнить [2, л. 9].

Учился Людвиг в Курском реальном училище им. Кутузова вместе с младшим братом Отто. В архивных фондах сохранились списки учеников училища, «которым понижена отметка поведения за шалости и другие проступки» [3, л. 118]. В этом списке оказались Людвиг и Отто Мертенс [3, л. 157 об.]. После смерти отца и

окончания училища в следующем году [3, л. 216 об.], Людвиг поступил в Петербургский технологический институт. В рапорте Курского городского полицейского управления в адрес Курского губернатора от 3 июля 1892 г. сообщается, что «14 июня сего года скоропостижно умер от разрыва сердца прусский подданный Карл Август Адольф Мертенс, проживавший во 2-й части города Курска с 1865 года в собственном доме с семейством, состоящим из жены его Христины и совершеннолетних детей Василия, Карла, Ольги и Георгия, и несовершеннолетних Марии, Людвиг и Оттона <...>» [4, л. 1].

Судьбу некоторых членов этой семьи мы можем проследить по архивным документам, сохранившимся в Государственном архиве Курской области.

В газете «Курская быль» за 1908 г. было напечатано рекламное объявление, где дирекция завода машиностроительного завода «Мертенс» доводила сведения до заказчиков о наличии на складе по улице Семеновской в собственном доме ветряных двигателей системы Филлер в Гамбурге, газогенераторных, спиртовых, нефтяных и керосиновых двигателей системы Л. Мертенс в Лондоне и Берлине, а также все возможные технические предметы и принадлежности. Мертенсы занимались изготовлением «кирпичеделательных» прессов, земледельческих орудий и машин, принимали заказы на оборудование абиссинских и артезианских колодцев по новейшему способу бурения [5].

После смерти матери «<...> прусской подданной Христианы Христиановны Мертенс, последовавшей 25 числа февраля месяца 1906 года <...>» [6, л. 2], руководством чугунно-литейным заводом продолжали заниматься Георгий и Отто Мертенс.

Накануне и в годы Первой мировой войны по действующему законодательству за иностранными подданными устанавливался полицейский надзор. Так, начальником Курской губернской тюрьмы был направлен в жандармское управление список военнопленных, доставленных в Курскую тюрьму с 5-е на 6-е августа 1914 г. В списке значились Отто и Георгий Мертенсы [7, л. 291]. Причина ареста не была указана. Но уже 14 августа в адрес Курского губернатора от имени Отто Карловича Мертенса было направлено прошение об освобождении его из-под ареста в виду хронических заболеваний. Были представлены медицинские свидетельства, на основании которых было освобождение от военной службы [8, л. 95–96]. Также были представлены протоколы допросов Мертенсов, где были сообщены сведения, по какой причине выезжали за пределы страны: в разные годы по торговым делам (управление чугунно-литейным заводом) и для получения образования в Саксонии [7, л. 302–303]. В этом же фонде сохранились сведения о братьях Мертенс, как об иностранцах, прибывших на жительство в г. Курск: проживают в России со дня рождения, германские подданные, поселились на Семеновской улице в собственном доме, занимаются чугунно-литейным производством, военной службы не проходили, по явке к исполнению воинской повинности зачислены в ландштурмы армии, выезжали за границу на три года для обучения. Даются приметы: Отто Карлович 35 лет, рост умеренный, вышесредний с бородой, волосы русые, глаза серые, нос умеренный. Георгий Карлович 43 лет, среднего роста, шатен, носит бороду, усы, волосы русые, глаза серые, нос и рот умеренные [7, л. 273]. Подтверждение, что арест не привел к высылке, нашлось. В архивном фонде «Финансовый отдел Курского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» за 1930 г. удалось обнаружить документ домовладения на углу ул. Семеновской, 36 (бывшая ул. Нижняя Лазаретная) и ул. Золотой, 32, принадлежавшее Отто Карловичу Мертенсу. Жили они вместе с братом, остальные квартиры сдавали. Кроме того, площадь в 400 м²

сдавали в аренду под кустарную мастерскую ящичной тары «Промкредит». В квартире с Отто Карловичем жили Георг Карлович и Звягинцева Анна Игнатьевна с дочерью [9, л. 59–60]. В отношении Звягинцевой Анны Игнатьевны был найден интересный документ, дотированный 1935 годом. Это заявление гражданки СССР Звягинцевой-Мертенс Анны Игнатьевны о выходе из советского гражданства. Ходатайство было удовлетворено [10, л. 119].

Во время учебы в Петербургском технологическом институте Людвиг Карлович являлся членом Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» основанного В. И. Лениным. В эти же годы сестра Людвиг Ольга тоже была вовлечена в революционную деятельность, о чем свидетельствуют архивные документы. В письме Московского обер-полицмейстера в адрес Курского губернатора от 1 мая 1896 г. было направлено предписание о необходимости «воспретить» прусской подданной Ольге Карловне Мертенс, в виду ее политической неблагонадежности, жительство в Москве и Московской области [11, л. 106]. Так как Ольга изъявила желание выехать из Москвы в Курск, ей было выдано проходное свидетельство на следование в обозначенный ею город. Но телеграмма, где она просила выслать билет из иностранного отдела канцелярии Московского генерал-губернатора и консульское свидетельство о национальности, была отправлена из столицы Дагестанской области Темир-Хан-Шуры [11, л. 107–107 об.]. В сентябре того же года начальнику Московского губернского жандармского управления был направлен ответ на полученное отношение: «Темир Хан Шуринский полицмейстер, которому было предложено выдать прусско-подданной Ольге Мертенс полученное при отношении <...> билет <...> и консульское свидетельство о национальности донес, что за выездом Ольги Мертенс в город Москву означенные документы препровождены им <...>» [11, л. 108]. И вот еще один документ архивного фонда Курского губернского жандармского управления от 1901 г.: «<...> состоящей под негласным надзором полиции прусская подданная Ольга Карловна Мертенс прибыла в г. Курск, остановилась по Нижней Лазаретной улице в собственном доме и негласный полицейский надзор на него учредил» [12, л. 88].

В 1902 г. на литейном заводе Мертенса был создан марксистский кружок. К передовым рабочим этого завода, наиболее сознательным и организованным, в первую очередь следует отнести П. Д. Медведева, А. А. Дюмина, И. Е. Котлякова, В. В. Серикова. «Для того времени это было наиболее передовое предприятие. Здесь собирались более грамотные и квалифицированные рабочие. Хозяевами завода являлись немецкие инженеры братья Мертенсы. Они, очевидно, придерживались либеральных взглядов. Они сквозь пальцы смотрели на общественную деятельность рабочих. <...> Рабочие имели также возможность в перерыве встречаться, проводить беседы, а иногда и собрания» – писал в статье «Зарождение Курской большевистской организации» ректор Курского государственного педагогического института И. Я. Климов [13, с. 121]. А может не случайно первоначальная ячейка Курской большевистской организации сложилась на литейном заводе, где собственниками были не только братья-либералы, но и большевики Ольга и Людвиг Мертенсы?

Прислушайся: за призрачной стеною
Бьет вечно сдержанный, но пламенный прилив;
Прислушайся: за вечной тишиною –
Безбрежности таинственный призыв.

Прислушайся: в глубокой, страшной дреме
Живет глубин твоих непонятый твой Бог,
В покинутой тобой, пустынном темном храме
Алкающей души услышит тайный вздох.

Прислушайся: что было сокровенным
На праздник духа из глубин плывет...
Там ожиданьем светлым, неизменным
Всегда твой час, твой радостный живет.

В Курске с 1921 г. существовало Курское отделение Всероссийского Союза поэтов. В городе выходили журналы «Народное просвещение» и «Культура искусства», в них печатались отдельные произведения курских поэтов: Е. Благиной, О. Мертенс, В. Бородаевского, А. Еськова, П. Загоровского, Ю. Богаторского, О. Резцовой, А. Голятовской. Выше приведено стихотворение Ольги Мертенс, напечатанное в журнале «Народное просвещение» в 1922 г. [14, с. 125].

К сожалению, мы не многое знаем об этой семье. Но даже те скудные документы, которые удалось обнаружить, ярчайшие биографии Людвиг Карловича Мертенса и его сына Вильгельма Людвиговича, характеризуют всех представителей этой немецкой фамилии как настоящих патриотов России.

Источники и литература

1. Набат. 1921. 8 февр.
2. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО) Ф. 33. Оп. 2. Д. 5247.
3. ГАКО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 27.
4. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3974.
5. Курская быль. 1908. 18 апр.
6. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 11233.
7. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 535.
8. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10711.
9. ГАКО. Ф. Р-2610. Оп. 1, Д. 290.
10. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 114.
11. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5705.
12. ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 150.
13. Климов И.Я. Зарождение Курской большевистской организации // Ученые записки. 1968. Т. 47 (вопросы истории и краеведения). Ч. 2. С. 110–125.
14. Плотникова И. Курские поэты // Народное просвещение. 1922. № 5–6. С. 120–127.

Е. В. Холодова

**АРХИТЕКТОР ДМИТРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ДЕГТЯРЕВ (1890–1956):
МАТЕРИАЛЫ К ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ**

Имя архитектора Дмитрия Алексеевича Дегтярёва, кратко упомянуто в сборниках об архитекторах [1; 2, с. 11; 3, с. 55–56] и немногих публикациях об архитектуре г. Воронежа периода 1920-х – 1930-х гг. [20]. В данном исследовании впервые представлены биографические сведения и материалы к творческой судьбе зодчего, восстановленной по архивным и библиографическим источникам, которые могут послужить основой для будущих исследований о творческом пути архитектора (рисунок 1, 11).

**Рисунок 1. Архитектор Дмитрий Алексеевич Дегтярев, Воронеж, 1939 г.
Фото из семейного архива Светланы Алексеевны Дегтяревой (г. Москва).**

Дмитрий Алексеевич Дегтярев родился в семье курских мещан. В метрической книге Воскресенской (Ильинской) церкви г. Курска за 1890 г. имеется запись: о рождении 18 октября; о крещении 24 октября ДМИТРИЯ. Родители: отец – курский мещанин, окончивший курс в Курском реальном училище, Алексей Дмитриев сын Дегтярев мать – законная жена его Мария Петрова дочь, оба православного вероисповедания. Восприемники: сын Губернского Секретаря Наркис Петрович Городенский и дочь Елисаветградскаго Гражданина Анастасия Васильева дочь Полякова [4, л. 16 об. – 17]. Через два года 7 января 1892 г. в семье родился еще один сын Пётр. Запись о рождении и крещении указана в метрической книге Воскресенской (Ильинской) церкви г. Курска [4, л. 116 об. – 117] (рисунок 2).

По архивным данным на рубеже XIX–XX вв. (1899, 1900, 1902 гг.) семья Алексея Дмитриевича Дегтярёва жила в квартале от Ильинской церкви на ул. 1-й Сергиевской в доме Попова (ныне ул. Горького, домовладение не сохранилось) [5, л. 112 об.; 6, л. 31; 7, л. 21 об. – 22].

В 1911 г. Дмитрий Алексеевич Дегтярёв женился на Зинаиде Павловне Иверсен. В метрической книге Смоленской (Георгиевской) церкви г. Курска значится запись о бракосочетании 22 июля 1911 г.: «...жених: сын Губернского Секретаря Дмитрий Алексеевич Дегтярев (так в документе), православный, первым браком, 21 год; невеста: дочь отставного подполковника Зинаида Павловна Иверсен, православная, первым браком, 21 год. Поручители по жениху: мещанин Георгий Кузьмин Хархардин и сын Губернского Секретаря Петр Алексеевич Дегтярев, по невесте: сын диакона кладбищенской г. Курска церкви Константин Иванович Дагаев и казак Михаил Захарьевич Бирин» [8, л. 175 об. – 176].

В семье Дмитрия Алексеевича и Зинаиды Павловны родились два сына: Алексей (16 февраля 1912 – 20 марта 1943 гг., с. Чекунда, Хабаровский край),

спортсмен, тренер по боксу, и Владимир (18 января 1916 – 6 октября 1974 гг., г. Москва), ставший известным режиссером-мультипликатором, художником-постановщиком и сценаристом, заслуженным деятелем искусств РСФСР [9] (рисунок 3, 4).

3

4

Рисунок 3. Сыновья Д. А. Дегтярёва – Алексей и Владимир Дмитриевичи Дегтярёвы, 1930-е гг. Фото из архива Светланы Алексеевны Дегтярёвой (г. Москва).
Рисунок 4. Владимир Дмитриевич Дегтярёв, 1960-е гг.

В анкетных данных сотрудников фонда «Курского губотдела Кожевенной промышленности» начала 1921 г. личная запись в анкетном листе архитектора значительно расширяет данные творческой биографии. Как пишет Д. А. Дегтярёв, он окончил «архитектурное отделение Высших художественных мастерских». Здесь вероятно поправка на Московское училище живописи, ваяния и зодчества – МУЖВЗ, преобразованное в 1918 г. во Вторые государственные свободные художественные мастерские, в Москве. Зодчий работал в Курской губернии, где в 1911 г. по его проекту сооружен «Мавзолей-часовня в селе Фитиже Льговского уезда» и «две каменные школы в Суджанском уезде», точное местоположение которых в анкете не указано [10, л. 3–3 об.].

Сохранявшийся мавзолей Стремоуховых, выполненный в монолитном декорированном железобетоне является мемориальным объектом культурного наследия в формах характерных для периода неоклассицизма [11, с. 407–428] (рисунок 5).

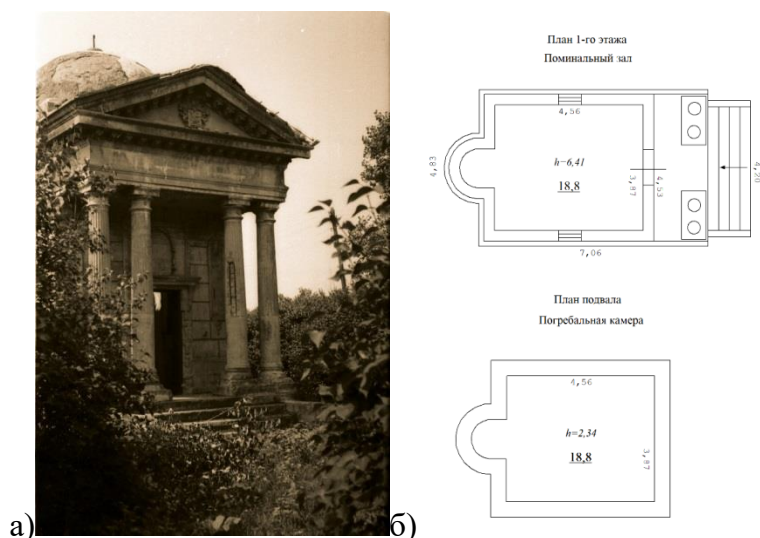

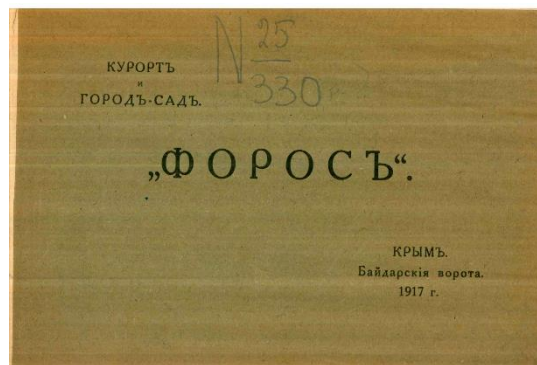
Рисунок 5. Мавзолей Стремоуховых в с. Фитиж Льговского района Курской области, 1911 г.: а) Мавзолей, вид с востока, фото 1972 г.; б) Планы мавзолея, обмеры Е. В. Холодовой, декабрь 2020 г.

В 1916–1921 гг. Д. А. Дегтярёв работал в Крыму, где в имении крупного купца-промышленника Григория Константиновича Ушкова, стал автором проекта строительства города-сада Форос [10, л. 3].

Известно, что устроить в Форосе «город-сад» Ушков решает в 1916 г., курорт с гостиницами, санаториями, казино и другими увеселительными учреждениями; часть имения предполагалось «разбить на участки, которые будут продаваться частным лицам для застройки». Основы этого проекта изложены в рекламном проспекте «Курорт и город-сад Форос», изданном в 1917 г. в Москве [12] (рисунок 6, 7).

6

7

Рисунок 6. Форос. Вид от Байдарских врат на южный берег и церковь. Открытка начала XX в.
Рисунок 7. Форос. Обложка проспекта «Курорт и город-сад Форос», М. 1917 г.

Примечательно, что в июне – июле 1916 г. в форосском дворце жили Максим Горький и Федор Шаляпин (Ф. Шаляпин и Г. Ушков были женаты на сестрах Петцольд), где они работали над книгой «Страницы моей жизни». Форосские впечатления и его обитатели отражены в опубликованных горьковских письмах друзьям, в которых так же упоминается и архитектор Дегтярёв, работавший тогда в Форосском имении (например, письмо из Фороса А. М. Горького В. Н. Ладыженскому) [13] (рисунок 8, 9).

8

9

Рисунок 8. Имение Г. К. Ушкова в Форосе. Дворец Ушкова. Открытка 1917 г.
Рисунок 9. Имение Г. К. Ушкова в Форосе. Уголок парка. Открытка 1917 г.

В 1919 г. Д.А. Дегтярёв сделал доклад на Севастопольском съезде инженеров о постройке городов-садов. В Форосе по проектам Д. А. Дегтярёва выполнены: «дом-особняк, гостиница на 25 номеров и жилой дом». Можно предположить, что данные объекты быть выстроены вблизи, упомянутых в анкете архитектора Байдарских

ворот. В 1920–1921 гг. зодчий заведовал архитектурной частью Севастопольского Народообразования [10, л. 3].

В 1921 г. Д. А. Дегтярёв возвращается в родной Курск, где на протяжении восьми лет работал в различных проектных строительных организациях до 1928 г., состоял в Союзе строительных рабочих, был архитектором и производителем работ Горсельстроя, в это же время работал архитектором Губкожи – Курского губернского отдела кожевенной промышленности Курской области, Губкомгосооре и др. [14, л. 6]. Из работ этого периода известен его проект маслозавода № 59 в г. Короче (1928) [15].

В этот период семья архитектора жила в г. Курске на ул. Садовой, 14 (дом не сохранился) [10, л. 3; 13, л. 2].

В списке домовладений по ул. Садовой г. Курска за 1924 г. значится запись о составе семьи архитектора: «<...> 1. Дегтярев Дмитрий Алексеевич – служащий секретарь ГИКа (Губернского исполнительного комитета), ул. Ленина (Московская), д. 87; 2. Дегтярева Зинаида Павловна – домашняя хозяйка. Число членов семьи, находящихся на иждивении – 3 <...>» [16, л. 25].

В 1924–1925 гг. Д. А. Дегтярёв состоял в должности заместителя Курского губернского инженера. В личном деле сотрудника губернского исполнительного комитета значится следующая информация: «<...> Дано сие архитектору Дмитрию Алексеевичу Дегтяреву в том, что он состоял в должности Заместителя Курского Губернского Инженера с 10-го ноября 1924 г. При исполнении своих обязанностей тов. Дегтярев проявил неизменно добросовестное и аккуратное отношение к порученным ему делам, а также солидную теоретическую и практическую подготовку. Тов. Дегтярев уволен от занимаемой должности 1-го марта сего года по собственному желанию <...>» [17, л. 1].

В 1928 г. Д. А. Дегтярёв уезжает в г. Воронеж, где в 1928–1946 гг. работал в различных проектных организациях. В 1930-е гг. он был преподавателем архитектуры в Воронежском инженерно-строительном институте. Перед Великой Отечественной войной Д. А. Дегтярёв занимал должность главного архитектора г. Воронежа. Здесь он стал автором ярких конструктивистских проектов жилых и общественных зданий: жилой дом на ул. Комиссаржевской, железнодорожная поликлиника на проспекте Революции, 2 (1929) (рисунок 10), жилой дом на ул. Володарского, 70 (начало 1930-х), Госбанк на ул. Театральной, 36 (1931–1932;), которое было восстановлено по его же проекту после Великой Отечественной войны. В 1944 г. Дегтярев выполнил проект на строительство здания обкома ВКП(б), который не был осуществлен [18; 19].

Рисунок 10. Воронеж. Здание железнодорожной поликлиники на проспекте Революции, 2. Фото 1930-е гг. Частный архив.

**Рисунок 11. Архитектор Дмитрий Алексеевич Дегтярёв, Крым, 1950-е гг.
Фото из семейного архива С. А. Дегтяревой (г. Москва).**

Проекты яркого новаторского крымского периода были незабываемы и в конце 1940-х гг. возвращают зодчего в Крым, который становится его последним пристанищем жизни. Архитектор с супругой Зинаидой Павловной (11 октября 1893 – 24 ноября 1968 гг., г. Ялта) жили в Ялте на ул. Средне Слободской, д. 20 (дом сохранился в перестроенном виде). Умер Дегтярёв 30 августа 1956 г. в Ялте. Потомки зодчего живут в Москве.

Источники и литература

1. Дегтярев Дмитрий Алексеевич // Воронежский гид [Электронный ресурс] // URL: <https://vrnguide.ru/bio-dic/d/degyarjov-dmitrij-alekseevich.html> (дата обращения: 24.09.2024).
2. Материалы к биографическому словарю архитекторов народов СССР. Словник список имён Д – И (рабочий вариант) / отв. ред. канд. искусств. А. Ф. Крашенинников. М., 1983.
3. Холодова Е.В. Зодчие Курского края XVII–XXI веков: Ил. биогр. слов. Курск, 2003.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 217. Оп. 3. Д. 15.
5. ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 138.
6. ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 141.
7. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 9796.
8. ГАКО. Ф. 217. Оп. 3. Д. 469.
9. Дегтярев Владимир Дмитриевич [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.09.2024).
10. ГАКО. Ф. Р-175. Оп. 1-Л. Д. 19.
11. Холодова Е.В. Курское имение дворян Стремоуховых – Фитиж: история, архитектура, владельцы // Сборник Общества изучения Русской усадьбы. М., 2022. Вып. 28 (44). С. 407–428.
12. Курорт и город-сад «Форос»: Крым, Байдарские ворота, 1917 г. М., 1917.
13. Дворец Кузнецова в Форосе / Ялта путеводитель [Электронный ресурс] // URL: https://jalita.com/big_yalta/simeiz/dvoretz_kuznetsova.shtml (дата обращения: 21.09.2024).
14. ГАКО. Ф. Р-178. Оп. 1. Д. 229.
15. ГАКО. Ф. Р-2478. Оп. 1. Д. 132.
16. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 158.
17. ГАКО. Ф. Р-325. Оп. 5-л. Д. 56.
18. Проспект Революции, 2 [Электронный ресурс] // URL: <https://wikella.livejournal.com/33013.html> (дата обращения: 20.09.2024).
19. Чесноков Г.А. Архитектура Воронежа: история и современность. Воронеж, 1999.

Т. Н. Потаскаева

**ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ ПОЗНЯКОВ:
БИОГРАФИЯ АРХИВИСТА**

Тема данной статьи назрела давно в связи с празднованием 80-летнего юбилея Государственного архива Курской области. В марте 1941 г. по положению о Государственном архивном фонде, утвержденному Советом Министров СССР, Курской областной исторический архив и архив Октябрьской революции объединились в единый Государственный архив Курской области [1, л. 16].

Во время оккупации Курска архив продолжал функционировать, так как большая часть документов не подлежала эвакуации. Руководство архивом было поручено бывшему начальнику отдела дореволюционных фондов Познякову Леониду Николаевичу. Ему и еще трем сотрудникам архива удалось предотвратить разграбление документов.

И вот здесь возникает желание узнать больше о человеке, который работал в архиве в очень трудный период для него период.

Родился Леонид 6 августа 1882 г. в городе Курске в семье дворянина надворного советника Николая Алексеевича Познякова и его жены Поликсении Федоровны, в девичестве Шваненфельд. Проживала семья на улице Покровской (ныне улица Большевиков) в собственном доме [2, л. 2].

Обучался в Курской мужской гимназии, которую окончил в 1902 г. В юности Леонид проявлял склонность к точным наукам, ему хорошо давались физика, космография, алгебра и геометрия, логика. Также юноша хорошо владел языками, кроме русского овладел латинским, греческим, французским [3, л. 277].

После окончания гимназии поступил в Харьковский университет, который окончил в 1907 г. [4, л. 12].

Получив образование, вернулся в Курск. На службу поступил в 1909 г., где проходили первые годы службы, выявить не удалось. Позднее стал членом ученой архивной комиссии. В 1923–1924 гг. работал в управлении Госспирта [5, л. 77]. С января 1925 г. остался без работы [6, л. 65]. По рекомендации краеведческого общества в 1925 г. поступил в Курское архивное бюро на должность научного работника – архивиста [7, л. 7]. После 1929 г. уволился со службы. С сентября 1931 г. Леонид Николаевич снова был зачислен в штат облархивоуправления на должность временного исполняющим обязанности помощника научного сотрудника, затем с 1 января 1932 г. переведен на должность научного сотрудника, а 16 июня 1934 г. был уволен по собственному желанию по состоянию здоровья [8, л. 1–3].

Во время оккупации г. Курска немецко-фашистскими войсками Государственный архив Курской области функционировал. Оккупационной властью с 26 ноября Позняков был назначен директором архива и числился в штате госархива [9, л. 43].

После освобождения Курска от фашистских оккупантов Позняков продолжил работу в архиве рядовым сотрудником [4, л. 12]. С июня по октябрь 1943 г. он – инспектор отдела архивов УНКВД, с ноября 1943 г. – старший научный сотрудник отдела исторических фондов [10, л. 1–14].

Указом Верховного Совета РСФСР Л. Н. Позняков, начальник отдела дореволюционных фондов, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [11, л. 221].

Всю жизнь Леонид Николаевич прожил в родном доме по улице Большевиков, 46 (ранее улица Покровская), который достался его матери, Поликсении Федоровне

в 1897 г. от ее матери вдовы генерал-майора Варвары Григорьевны Шваненфельд. Семья размещалась в квартире, состоящей из 6 комнат, 3 квартиры сдавались внаем [12, л. 64–66].

На 1913 г. в одной из квартир проживала крестьянка села Рышково Курского уезда Креженевская Евдокия Дмитриевна, Авдотья – как называли ее домашние, со своей семьей. Впоследствии она стала женой Леонида Николаевича. Он принял ее детей, а в 1924 г. у них родился сын Николай.

В 1931 г. семья состояла из 7 человек: Леонид Николаевич, его жена Евдокия Дмитриевна, их общий сын Николай, дети Евдокии от первого брака: Александр Павлович Креженовский, Виктор Павлович Креженовский, родственники Креженовский Дмитрий Семенович и Шевляков Игнат Васильевич [13, л. 197–198].

Еще до поступления на службу в архивное бюро Леонид Николаевич интересовался вопросами истории и краеведения.

В период оккупации на плечи Познякова легла ответственность за сохранность документов. Наряду с многочисленными докладными записками о необходимости ремонта крыши, печного отопления, о выдаче продуктов питания сотрудникам.

В результате бомбардировок документы не пострадали. Однако, во время оккупации немецко-фашистскими войсками были уничтожены (разграблены) материалы в количестве 275 фондов, 3 426 единиц хранения. Документальные материалы были подвергнуты порче, покрыты плесенью и пылью, часть документов была сброшена на пол. После освобождения города велась работа по уточнению заголовков описей, разборка и инвентаризации дел, систематизация архивных карточек [9, л. 32].

В 1944 г. Л. Н. Позняков вошел в состав экспертной комиссии при отделе облгосархива УНКВД Курской области [14, л. 69].

В эти годы он проводил активную работу по использованию материалов как старший научный сотрудник – начальник отдела [15, л. 10 об.]. Еще до работы в архиве в 1912 г. в издании «Курский сборник», изданном Курским губернским статистическим комитетом, вышла статья Л. Н. Познякова «Курский острог (крепость) XVII века», в которой приводился текст описания курского острога, выявленного автором в Московском архиве Министерства юстиции в книгах Белгородского стола разрядного Приказа.

Работая инспектором, в 1943 г. Леонид Николаевич принимал активное участие в сборе печатных изданий периода оккупации города и области. Лично Позняковым собраны все выходившие в свет газеты периода оккупации: «Курские известия», львовская газета «Новый путь». Находясь на должности научного работника облгосархива, принимал активное участие в подготовке выставок по документальным материалам на темы: «Шире использовать документальные материалы в деле восстановления области» и «Наш край в борьбе с врагами родины». В этом же году подготовил две статьи для радиопередач «Курское народное ополчение в 1806 году» и «Использовать архивы в деле восстановления народного хозяйства».

Большой научной работой Леонида Николаевича была «История застройки города Курска», опубликованная в издании «Курский архивист» за 1932, 1933 гг. Им же была составлена историческая справка о городе Льгове.

В рамках работы с архивными фондами сотрудниками архива была проделана работа по выявлению разных материалов. Все освещенные темы были систематизированы Леонидом Николаевичем и оформлены в информационное сообщение о документальных материалах отдела дореволюционных фондов, разделенное на темы: минеральные удобрения, огородничество, садоводство,

виноградарство, пчеловодство, шелководство, животноводство, полеводство, сельскохозяйственные вредители и борьба с ними [16, л. 1–5].

Сам же Леонид Николаевич собрал сведения о Курской губернии, представив результат своей работы в виде перечня документов с указанием поисковых данных, разделенного на темы: топографическое описание, описание городов Курской губернии, население городов Курской губернии, Белгород, Дмитриев, домовладения, планы городов и их частей и др.

Большая работа была проведена по сбору сведений о численности населения города Обояни, Великомихайловской, Кисловской волостей Новооскольского уезда за 1885, 1917, 1923 и др. гг.

Планировалось издать указатель населенных пунктов Курской области. Позняков поставил цель и составил план работы над изданием. Была составлена инструкция для проведения работ по подготовке указателя, однако планы не осуществились [17, л. 2–3, 8–10].

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 5.
2. ГАКО. Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 71.
3. ГАКО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 209.
4. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 9. Д. 54.
5. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 529.
6. ГАКО. Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 549.
7. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 10. Д. 128.
9. ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 55.
10. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 9. Д. 33.
11. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 9. Д. 61.
12. ГАКО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 160.
13. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 261.
14. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 221.
15. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 219.
16. ГАКО. Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 60.
17. ГАКО. Ф. Р-967. Оп. 1. Д. 61.

В. В. Коровин

БИОГРАФИЯ КОМАНДИРА ПЕРВОЙ КУРСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ И. К. ПАНЧЕНКО В ДОКУМЕНТАХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ¹

Личность бывшего командира Первой Курской партизанской бригады И. К. Панченко хорошо известна землякам, интересующимся вопросами военной истории. Вместе с тем, достаточно ранний уход из жизни и его проживание в последние годы на территории Белгородской области сохранили в памяти курян лишь общие сведения о человеке, внесшем весомый личный вклад в дело организации вооруженного сопротивления немецко-фашистским оккупантам на северо-западе нашего региона. Документы личного происхождения, хранящиеся в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области, позволяют внести важные уточнения и расширить биографию этой значимой для региональной истории персоналии.

¹ Публикация выполнена в рамках государственного задания на 2024 год «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (номер 0851-20200033)

Иван Константинович Панченко родился 13 февраля 1909 г. в селе Подлесновка Сумского уезда Харьковской губернии. Отец его Константин Иванович вскоре после рождения сына начал работать почтальоном Сумской уездной почтово-телеграфной конторы, мама Марина Кондратьевна занималась домашним хозяйством, воспитывала детей. В связи с переводами отца на разные почтовые должности, семье приходилось менять места жительства. Так, в 1916 г. К. И. Панченко сдал экзамен на почтового чиновника в г. Лебедине (Харьковская губ.), после чего его назначили управляющим отделением связи в селе Стрелецкое Белгородского уезда Курской губернии.

В 1916 г. семилетний Ваня начал учиться в сельской школе. В декабре 1921 г. почтовое отделение в селе ликвидировали, а отца перевели помощником заведующего почтово-телеграфным отделением станции Белгород. Здесь в 1927 г. Иван, получив восьмилетнее образование, за год до этого вступил в комсомол. Обучаясь в школе, проявил себя активистом-общественником. Был председателем пионерского форпоста и ученического комитета школы, избирался секретарем школьной комсомольской организации [1, л. 9].

По окончании девятилетки он пошел по стопам отца, устроившись работать монтером в Белгородскую контору связи. Но уже через год занял должность заведующего избой-читальней в ставшем для него родным селе Стрелецком. Там же спустя еще год его избрали секретарем ячейки ВЛКСМ. В 1928 г. Иван Панченко женился на дочери сельского кустика и торговца Зинаиде Петровне Кучереносовой, в 1930 г. у них родился сын Вениамин [2, л. 17, 21].

В 1931 г., в возрасте 22 лет, после вступления в партию, И. К. Панченко возглавил первичную организацию ВКП(б) в селе Яковлево. Долго руководить местными коммунистами молодому активисту не пришлось, поскольку в том же году он был призван в Красную армию. Служить Панченко начинал курсантом в учебном подразделении полковой школы, после чего стал младшим командиром, а по факту секретарем военного комиссара 163-го полка 55-й стрелковой дивизии в Белгороде.

Иван уволился в запас с военной службы осенью 1933 г., за полгода до этого у него умер отец. Последняя должность, занимаемая Константином Ивановичем – заведующий почтовым отделением станции Белгород. После смерти мужа-кормильца Марина Кондратьевна пошла работать помощником повара на одно из предприятий для инвалидов по слуху Белгорода. Кроме Ивана, в семье было еще пять детей. 19-летний Александр служил в РККА, 18-летний Василий учился в художественном училище. Самый младший Евгений родился в 1931 году. Вышедшая к тому времени замуж старшая дочь и сестра Лидия работала фельдшером в Томаровской районной больнице, у нее на иждивении находилась младшая сестра – школьница Антонина [2, л. 19].

После демобилизации из армии И. К. Панченко был направлен на обучение в Курскую Высшую сельскохозяйственную коммунистическую школу, но отучился там вместо запланированных двух лет – меньше года. Отчислился из-за состояния здоровья жены, которой потребовалось серьезное длительное лечение. В марте 1934 г. он был назначен заместителем уполномоченного Наркомата заготовок по Томаровскому району. Проработав в этой должности немногим более 10 месяцев, Иван Панченко становится председателем 1-го Томаровского сельского Совета.

Осенью 1936 г. в Томаровском райкоме партии начинается становление партийной карьеры И. К. Панченко. Отработав в течение двух лет помощником секретаря и пропагандистом, в 1938 г. он был избран секретарем по кадрам, а в феврале 1940 г. – единогласно вторым секретарем РК ВКП(б). Представляя

кандидата на должность, первый секретарь райкома Н. А. Булгаков так характеризовал своего коллегу: «...в политических вопросах разбирается, дисциплинирован, в антипартийных группировках не участвовал» [2, л. 12].

Уже в октябре 1940 г. Панченко был переведен на такую же должность в Михайловский район Курской области. Кандидатура нового руководителя районной партийной организации была утверждена Курским обкомом ВКП(б) 30 мая 1941 г. А 21 июня на пленуме райкома партии И. К. Панченко сменил П. А. Сентюрёва на посту первого секретаря Михайловского РК ВКП(б). В его партийной характеристике отмечалось: «Проявил себя энергичным и требовательным руководителем. Часто бывает в первичных организациях, в колхозах, оказывает им помощь работе. Михайловский район перестал быть отстающим, каковым являлся в 1938–1939 годах. В 1940 г. по вспашке зяби район оказался в числе передовых. Значительно укрепилась дисциплина труда в колхозах и повысилась норма выработки на одного трудоспособного (со 158 трудодней в 1939 г. до 254 – в 1940 г.). Товарищ Панченко неплохо изучил людей. Пользуется авторитетом в райпарторганизации, политический грамотный, дисциплинированный, растущий товарищ» [2, л. 23].

С началом Великой Отечественной войны на первого секретаря райкома партии И. К. Панченко была возложена ответственность за организацию мобилизационных мероприятий, оборонного строительства, эвакуации материальных ценностей, создание добровольческих военизированных формирований. В условиях оккупации района он возглавил подпольный райком ВКП(б), находясь в составе Михайловского партизанского отряда, действовавшего в тылу врага с октября 1941 г.

Одной из самых важных операций, проведенных михайловскими партизанами летом 1942 г., стал разгром немецко-полицейского гарнизона в районном центре. Решение об этом было принято 9 июня 1942 г. на совещании командования Михайловского и Дмитровского отрядов. К этому времени Михайловский отряд уже провел ряд операций по уничтожению оккупантов.

До 15 июня 1942 г. велась подготовка к операции. Разведкой было установлено, что численность гарнизона противника составляет 60–70 немецких солдат и около 400 полицейских, расквартированных в двухэтажном каменном особняке, занимаемом ранее райкомом партии. Вокруг здания находились оборонительные укрепления. В ночное время на подступах к слободе выставлялось боевое охранение, а в центре населенного пункта дежурили часовые и патрули.

План командования заключался в том, чтобы в ночь с 15 на 16 июня, незаметно проникнуть в центр Михайловки и внезапно напасть на противника. Каждый взвод и группа партизан получили задачи по уничтожению конкретных объектов. Были установлены время и место сосредоточения, сигнал и час начала общего штурма, порядок отхода [3, л. 33–35].

В назначенное время все командиры самостоятельно действующих групп доложили о благополучном обходе боевого охранения, застав и достижении исходного пункта. В 2 часа ночи был дан сигнал к началу общего штурма. Одиночными выстрелами были сняты часовые, после чего начался уличный бой. Через 15–20 минут пулеметно-ружейная стрельба продолжалась только в том месте, где находились немецкие солдаты. Полицейские очаги сопротивления были подавлены, и партизаны уничтожали бегущих и ночевавших на квартирах. Укрывшись на втором этаже каменного здания, противник вел непрерывный огонь по партизанам. Бой на оборонительном рубеже, в котором укрепилась часть немецких солдат, продолжался до 7 часов утра.

В результате было убито около 100 немецких солдат и полицейских; захвачено 18 винтовок, 1 пулемет, несколько тысяч патронов, уничтожено оборудование маслозавода и банка; изъяты большие суммы немецких и советских денег, документы, медикаменты и продовольствие.

В слободе Михайловка после уничтожения немецко-полицейского гарнизона до 20 июля 1942 г. оккупантов не было. 21 июля райцентр Михайловка был занят силами немецкого мотомеханизированного батальона, поддержанного танками и артиллерией и 250 всадников.

Овладение Михайловкой положило начало новой карательной экспедиции противника против партизанских отрядов северо-западных районов области. 30 июля 1942 г. на Михайловский и Троснянский партизанские отряды, базировавшиеся в лесу «Сухая Хотынь», напала немецкая мотомеханизированная бригада. Враг, имея точные данные о расположении отрядов, на автомашинах доставил пехоту к месту дислокации партизан. Партизанские отряды оказались в окружении.

О действиях личного состава в создавшейся ситуации член подпольного обкома ВКП(б) П. А. Сенюрев сообщал: «Когда отряды внезапно попали в окружение, началась паника, бегство. В частности, сбежал командир Троснянского отряда [В. А.] Кавардаев, а за ним и весь партизанский отряд. И только отвага тов. Панченко, который преградил путь отступающим и задержал группу в 70 человек из Михайловского отряда, позволила дать бой немцам и благополучно выйти из окружения» [4, л. 9].

В 1942 г. приказом Брянского штаба партизанского движения был создан объединенный штаб партизанских отрядов Курской, который возглавил И. К. Панченко. Комиссаром соединения стал бывший командир Дмитровского партизанского отряда А. Д. Федосюткин, начальником штаба – Н. Д. Сотников [5, с. 25–26].

В ноябре 1942 г. Брянский штаб партизанского движения (БШПД) организовал проверку состояния боевой деятельности партизанских отрядов под командованием И. К. Панченко. По результатам проверки представитель БШПД ст. лейтенант И. Г. Хорошавин подготовил доклад, в котором была дана подробная характеристика деятельности каждого партизанского отряда, входившего в состав соединения, проанализирована диверсионная и разведывательная деятельность, организация боевых операций по борьбе с немецкими и мадыарско-полицейскими карательными экспедициями в октябре – ноябре 1942 г.

И. Г. Хорошавин поднял вопрос о соответствии занимаемым должностям командного состава некоторых отрядов и бригады в целом. Критике за безынициативность и пассивное поведение подверглись руководители почти всех отрядов, включая комбрига И. К. Панченко, которого было предложено заменить А. Д. Федосюткиным [6, л. 11–12].

В то же время в докладной записке заместителя начальника оперативного отдела объединенных партизанских отрядов Ф. Л. Гусева, направленной 16 декабря 1942 г. в Курский обком ВКП(б), сообщалось: «После преобразования института военных комиссаров между Панченко и Федосюткиным возникли вопросы несогласованности в их повседневной работе. Федосюткин старается всякими путями подменить Панченко, тем самым подрывая его авторитет. Для этой цели Федосюткиным вокруг себя была подобрана группа из руководства Дмитровского отряда, которая во всеуслышание заявляет, что приказы Панченко выполнять не будет. Такая позиция направлена на разделение отрядов данного объединения» [7, л. 68]. В докладной записке приводились примеры того, как командование

Дмитровского отряда (командир – М. В. Миленин) в оскорбительной форме отказывалось выполнять приказы штаба бригады.

В итоге Брянским штабом партизанского движения был издан приказ № 0014 «О результатах проверки состояния боевой деятельности в курских партизанских отрядах под командованием Панченко и об усилении боевой работы этих отрядов» [8, л. 85]. Курский обком ВКП(б) ускорил переброску в тыл Дмитриевского окружкома, усиливавшего партийное руководство партизанским движением, что позволило в конечном итоге укрепить дисциплину в отрядах и активизировать их боевую деятельность.

Кроме того, Брянским штабом партизанского движения на зимний период 1942/43 гг. был разработан план мероприятий, обеспечивающих боевую деятельность партизан Курской области. Объединенным отрядам Панченко ставилась задача держать под постоянным воздействием участок железной дороги Комаричи – Дмитриев-Льговский, совершая не менее 8–10 крушений в месяц; высылать периодически не менее 3–4 диверсионных групп на железную дорогу Орел – Курск, для минирования минами замедленного действия участка Глазуновка – Поныри – Возы.

5 декабря 1942 г. начальник ЦШПД П. К. Пономаренко утвердил план боевых и диверсионных действий партизанских бригад и отрядов, действующих на Западном и Брянском фронтах. В документе отмечалось, что «части Красной Армии на Сталинградском и Центральном фронтах ведут успешные бои с немецкими захватчиками. Противник с целью удержания занятых им рубежей спешно производит перегруппировку своих войск, используя для этого железнодорожные магистрали, шоссейные и грунтовые дороги» [9, л. 58–60]. В целях срыва перевозок войск, техники и боеприпасов противником перед партизанами ставились следующие задачи: «<...> Объединенным отрядам под командованием И. К. Панченко – парализовать движение поездов на железной дороге Курск – Орел; нарушить движение техники, транспортов по шоссе Фатеж – Орел» [9, л. 58–60].

Выполняя поставленные перед ними задачи, партизаны Первой Курской бригады с 5 по 10 января 1943 г. пустили под откос 3 воинских эшелона на участках железных дорог Брянск – Льгов и Курск – Орел; сожгли деревянный мост на шоссе Дмитровск – Кромы и уничтожили несколько километров линии связи на шоссе Орел – Курск; взорвали 500 м железнодорожного полотна на перегоне Комаричи – Евдокимовка [10, л. 48].

8 января 1943 г. приказом БШПД командованию Первой Курской партизанской бригады предлагалось сформировать партизанский отряд численностью 370–400 чел. и направить его в глубокий рейд по территории Дмитриевского, Льговского, Суджанского и Дмитровского районов для нанесения массированных ударов по коммуникациям противника [11, л. 5]. Но с 12 января бригаде пришлось вести бои с карательной экспедицией противника. Лишь 17 января партизанам удалось оторваться от преследователей и к исходу следующего дня сосредоточиться в зоне Хинельских лесов (в 20-и км южнее Севска) [12, л. 152].

В связи с начавшимся 26 января 1943 г. наступлением войск Брянского фронта на участке Ливны – Долгоруково и их успешным продвижением вперед для оказания непосредственной помощи частям РККА Брянским штабом партизанского движения был отдан приказ Первой Курской партизанской бригаде вывести из строя железную дорогу на участке Льгов – Глушково и направить рейдовый отряд для проведения диверсионной работы на железной дороге Курск – Орел [13, л. 6].

18 февраля 1943 г. остатки партизанских отрядов пришли в слободу Михайловка. Командир бригады И. К. Панченко получил приказ штаба 132-й стрелковой дивизии выслать отряды на штурм села Моршнево. 19 февраля был выслан в направлении Моршнево Дмитриевский партизанский отряд. Бой за селение оказался не менее напряженным. Партизаны вынуждены были взаимодействовать с бывшими полицейскими, к которым относились с недоверием.

Информация об участии курских партизан в сражении за село Моршнево содержится и в отчете о боевых действиях 498-го стрелкового полка 132-й стрелковой дивизии: «В 8.00 19.02.43 г. 1-й и 2-й батальоны совместно с партизанским отрядом Беспарточного (в составе 150 штыков) с походного положения зап. опушка рощи, что вост. Моршнево перешли в наступление на Моршнево, но успеха не имели и к 14.00 отошли на исходное положение» [14, л. 73 об.].

Дмитровский, Троснянский и Михайловский партизанские отряды были приданы 605-му стрелковому полку 132-й стрелковой дивизии, действовавшему в районе сел Погодино и Меркуловка (10–20 км северо-западнее Дмитриева). 20 февраля 1943 г. командиром 605-го полка майором Ф. В. Ледковым отрядам была поставлена боевая задача наступать по маршруту Меловое – Хинецкое – Фокино и во взаимодействии с подразделениями 605-го стрелкового полка овладеть г. Дмитриев с запада, выделить одну усиленную стрелковую роту в район Луговое – Кузнецовка для установления контроля над шоссеиной дорогой Дмитриев – Фатеевка и уничтожения отступающего противника в указанном направлении.

В соответствии с новым боевым заданием командующий оперативной группой Брянского фронта генерал-лейтенант Ю. В. Новосельский 25 февраля 1943 г. отдал приказ командованию Первой Курской партизанской бригады отвести партизанские отряды в село Сотниково (10 км севернее г. Фатеж) на расформирование [3, л. 2].

1–3 апреля 1943 г. состоялся X пленум Курского областного комитета ВКП(б). В докладе первого секретаря обкома П. И. Доронина были подведены предварительные итоги боевой деятельности партизанских отрядов области, выразившиеся в следующих цифрах: 133 пущенных под откос воинских эшелона противника, 110 разбитых паровозов и 2 406 вагонов, 18 447 истребленных вражеских солдат и офицеров, 1 511 уничтоженных полицейских и предателей. Партизанами было разгромлено 92 фашистских гарнизона, взорвано более 90 км железнодорожных путей, разрушено более 100 км проволочной связи, захвачено огромное количество трофейного оружия и боеприпасов [15, л. 6–6 об.].

Выступивший на пленуме И. К. Панченко, рассказав о боевых делах 1-й партизанской бригады, подверг серьезной критике практику руководства партизанским движением со стороны БШПД и Курского обкома ВКП(б) [15, л. 88]. Особый негатив вызывала организация снабжения оружием и боеприпасами 1-й Курской партизанской бригады. Лишь сентябре 1942 г. из Москвы было получено 600 тыс. патронов для винтовок, 15 тыс. – для ППШ и 1 тыс. гранат, что позволило активизировать боевую деятельность отрядов.

В дальнейшем, по мнению И. К. Панченко, «оружие и боеприпасы почему-то пролетали через наш аэродром, не снижаясь, летели дальше к [Д. В.] Емлютину». Штаб бригады почти ежедневно получал радиogramмы, сообщавшие о направлении самолета с оружием и необходимости организовать его прием. Для охраны аэродрома была выделена рота бойцов (250 чел.), которая практически каждую ночь с 9 час. вечера до 6 час. утра дежурила на посадочной площадке в ожидании груза из Москвы. Это положение сохранялось до 12 января 1943 г., пока партизаны 1-й

бригады не получили долгожданное вооружение: 12 автоматов, 3 противотанковых ружья и 2,5 тыс. гранат [15, л. 155–156].

В работе пленума участвовал начальник ЦШПД, генерал-лейтенант П. К. Пономаренко. В выступлении он дал высокую оценку помощи, которую оказывало партизанское движение частям Красной Армии. В отношении снабжения партизан вооружением у Центра была четкая установка – добывать оружие и боеприпасы партизаны должны были сами: «Источником снабжения наших партизан вооружением должно быть немецкое интендантство, а поэтому партизаны должны были обращаться к ним» [15, л. 174]. Правда, когда Центральный штаб определял, что «отряд вот-вот должен встать в чрезвычайно критическое состояние, мы выбрасывали туда крупную партию патронов. Кроме того, ЦШПД курским партизанам было выделено 500 автоматов, 1000 винтовок и 100 пулеметов», – не согласившись с критикой в адрес Центрального штаба, отметил П. К. Пономаренко.

Придавая исключительную важность сохранению памяти о боевых делах курских партизан, уже в 1943 г., бывшие командир Первой Курской партизанской бригады И. К. Панченко, комиссар бригады А. Д. Федосюткин и секретарь Дмитриевского подпольного окружкома ВКП(б) П. А. Сентюрёв обратились к первому секретарю обкома партии П. И. Доронину с предложением создать комиссию для подготовки доклада о работе партийных организаций и партизанских отрядов, что могло послужить исходной базой для будущих историков при анализе материалов о борьбе в тылу врага [4, л. 7].

В марте 1943 г. И. К. Панченко был назначен заведующим военным отделом Курского обкома ВКП(б), а в августе победного 1945 г. стал первым секретарем Грайворонского райкома партии [16, л. 10 об., 11]. 18 июля 1946 г. за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе против немецко-фашистских захватчиков, Указом Президиума Верховного Совета СССР Иван Константинович Панченко был награжден орденом Ленина [16, л. 3].

В том же году произошел случай, скомпрометировавший бывшего партизанского командира и партийного руководителя. После официальной встречи районного актива с депутатом Верховного Совета СССР А. Д. Федосюткиным состоялась и неформальная часть. Избыток алкоголя привел к печальным последствиям. Погиб музыкант оркестра, а один из руководящих работников уснул в парткабинете, после чего вышел из помещения через окно, предварительно разбив его. Анонимка о случившемся моментально ушла в обком партии [16, л. 12–13 об.]. Панченко дал соответствующие разъяснения, но был освобожден от занимаемой должности. Его отправили на работу управляющим отделением совхоза Краснояружского сахарного комбината. Через год И. К. Панченко возглавил партийную организацию этого предприятия [15, л. 5].

Умер командир Иван Константинович в декабре 1963 г. в г. Грайворон Белгородской области. Последний 15-летний отрезок его жизни, вероятно, отражен в документах белгородских архивов. Информация же о курском периоде ограничивается данными на 1948 г. К тому времени у него с бывшей партизанкой Пелагеей (Полиной) Герасимовной Гукиной было четверо детей: дочери Римма, Людмила, Ольга, Валентина и сын Алберт. Старшему сыну от первого брака Вениамину исполнилось 18 лет [16, л. 6 об.]. Возможно, оставшиеся наследники тоже владеют материалами о своем героическом родителе и предке.

В числе наград И. К. Панченко выделяются медали военного времени «Партизану Отечественной войны» I-й степени и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Память о командире 1-й Курской партизанской бригады хранят музейные экспозиции в Железногорском районе и

городе Курске. Его имя вписано во многие издания региональной военно-исторической литературы. Используемые при подготовке статьи архивные документы позволили уточнить биографию одного из самых известных организаторов партизанского движения в регионе. Но привлечение к исследованию дополнительных источников может значительно расширить характеристику его личных и деловых качеств.

Источники и литература

1. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 89. Д. 4089.
2. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 89. Д. 4093.
3. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 78.
4. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 29.
5. Была война народная. Курск, 1992.
6. Государственный архив Брянской области (далее – ГАБО). Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 51.
7. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 21.
8. ГАОПИКО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 22.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 198.
10. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 237.
11. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 202.
12. ГАОПИКО. П-Ф. 2. Оп. 1. Д. 18.
13. ГАБО. Ф. П-1650. Оп. 1. Д. 13.
14. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ). Ф. 1354. Оп. 1. Д. 23.
15. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2899.
16. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 44. Д. 724.

Н. Н. Дудина, Е. Ю. Костенко

БЕССМЕРТНЫЙ ВКЛАД В ПОБЕДУ И НАУКУ (УЧЕНЫЕ – УЧАСТНИКИ ПРОХОРОВСКОГО СРАЖЕНИЯ: М. Я. БЕЛЬЧИКОВ И Г. С. ШЕВЦОВ)

Сотрудниками музея-заповедника «Прохоровское поле» постоянно ведется научно-исследовательская работа по поиску и увековечиванию имен участников Курской битвы и Прохоровского танкового сражения. Фонды музея постоянно пополняются новыми документами из личных архивов ветеранов, фотографиями и другими материалами, рассказывающими о далеком героическом времени, о судьбах ветеранов Великой Отечественной войны. В данную статью вошли две истории о тех, кто сражался летом 1943 г. под Прохоровкой, а в послевоенное время посвятили свою жизнь науке.

О том, как не просто находить новые данные наглядно свидетельствует процесс поиска информации о М. Я. Бельчикове. Изучая публикации районной газеты сотрудники музея нашли скромную статью о нашем земляке-участнике Курской битвы и Парада Победы на Красной площади, кандидате технических наук, доценте – Бельчикове Михаиле Яковлевиче [1]. В поиске родственников оказали содействие наши коллеги ГУ «Музея истории г. Луганска». Внук ветерана с большим удовольствием передал в Прохоровку уникальные материалы, фотографии, документы из города Луганска, куда переехал после войны Бельчиков.

Михаил Яковлевич родился 28 августа 1925 г. в селе Сагайдачное

Прохоровского района. Выпускник 1940-х гг. Сагайдаченской неполной средней школы. После окончания 9 классов, в марте 1942 г. добровольцем ушел на фронт, приписав себе призывной возраст, о чем свидетельствует удостоверение.

Службу в Красной армии начинал в 17-летнем возрасте сапером, минируя танкоопасные направления на подступах к Дону в районе г. Воронежа. В составе отдельного саперного батальона без сна и отдыха установил тысячи мин различного назначения, строил оборонительные укрепления, переправы, подготавливал к взрыву мосты. В послужном списке Михаила Яковлевича значится: 27-й отдельный саперный батальон, 133-й отдельный саперный батальон.

В начале 1943 года батальон был переброшен на Калининское направление, где формировалась 1-я гвардейская танковая армия. Пройдя ускоренные курсы механиков-водителей танка Т-34, воевал в 1-й гвардейской танковой бригаде. Значимой вехой в военной биографии Михаила Бельчикова стало сражение на Курской дуге.

Из воспоминаний: «С утра 4 июля 1943 года на позициях все шло, как обычно. Наблюдатели и офицеры следили за вражеской обороной, радисты напряженно слушали эфир. Но в стане противника царил тишина. Тревожное ожидание тянулось довольно долго. Вдруг в 15 часов 55 минут издали послышался гул самолетов. Развернув пушки и самолеты, зенитчики подготовились к встрече врага, на аэродромах заурчали моторы истребителей. Только за 10 минут на узкий участок нашего фронта фашисты сбросили более 2,5 тыс. бомб. Гитлеровцы открыли сильный артиллерийский огонь по нашему боевому охранению, под прикрытием обстрела на нас двинулись танки и пехота. Завязались ожесточенные бои за каждый квадратный метр земли...» [3].

Танковое сражение под Прохоровкой, в котором он принимал участие, вошло в историю, как великий подвиг советских бойцов. Орден Отечественной войны II степени заслуженная награда за участие в Курской битве.

Боевой путь героя нашего рассказа пролегал до Берлина через Украину. Так, в Винницкой области западнее города Казатина танкисты смогли отбить у немцев 3 тыс. коней, которые послужили главным транспортным средством танковой армии в бездорожье.

Из воспоминаний: «Много боевых товарищей остались лежать на своей и чужой земле. И все же это были хотя и жестокие, но победные сражения. Их не сравнить с первыми часами, месяцами начала Великой Отечественной войны. И те, кто принял на себя вероломный огонь гитлеровской военной машины, навсегда останутся с нами» [2].

За подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, старший лейтенант Бельчиков награжден орденом Славы III степени, двумя медалями «За отвагу» и орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

Из воспоминаний: «День Победы встретил в Берлине. Известие о капитуляции Германии облетело все войска. Армию захлестнула волна митингов, салютов. Радости не было границ. Вокруг смех, песни, музыка».

Михаил Яковлевич принимал участие в торжественном параде на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г.

После войны поступил в Харьковский горный институт, по окончании учебы с отличием, направлен на работу в Донбасс. Трудился на углеобогатительных фабриках, затем в Научно-исследовательском институте «УкрНИИУглеобогащение» в г. Луганске. В 1964 г. защитил диссертацию по теме: «Исследование и совершенствование режимов и схем подготовки угольной пульпы перед флотацией с целью интенсификации процесса». По теме диссертации написаны 10 научных статей. После окончания аспирантуры работал в Ворошиловоградском машиностроительном институте заведующим кафедрой начертательной геометрии и черчения.

В 1981 г. Михаил Яковлевич подал патент на Флотационную машину. Это изобретение относится к очистке промышленных сточных вод от масел и поверхностно-активных веществ (ПАВ) флотационным способом и могло быть применено в цветной и черной металлургии, химической и нефтехимической промышленности.

В Прохоровском сражении многие солдаты приняли боевое крещение, здесь же впервые встретились с противником лицом к лицу, ощутили все ужасы войны. Среди тысячи таких бойцов сражался будущий ученый-математик Шевцов Георгий Семенович. В январе 1943 г. 17-летним юношей он добровольцем ушел на фронт. После окончания Пермского пулеметно-минометного училища в июле 1943 г. рядовой Шевцов был зачислен в 290-й гвардейский стрелковый полк 95-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й гвардейской армии. 11 июля дивизия, не успев закрепиться на рубеже юго-западнее Прохоровки в излучине реки Псёл, с ходу вступила в бой с дивизией СС «Мертвая голова». В этот день на высоте 226,6 у хутора Весёлый прошло боевое крещение Георгия Шевцова. Но это было лишь началом испытаний.

Позже в своей книге «Великая Отечественная в моей судьбе» Георгий Семенович вспоминал: «На всю жизнь мне запомнились бои под Прохоровкой 12 июля 1943 г., обеспечившие перелом в нашу пользу во всей Курской битве. В тех боях наша 95-я гвардейская стрелковая дивизия оказалась на острие главного удара. Мне и теперь кажется, что в тот день под Прохоровкой горели земля и небо. Через поля и балки на нас, казалось, непрерывным потоком ползли «тигры», извергая на ходу огонь и сея смерть. Жутко становится, когда вспомнишь, как танки уютжат окопы и траншеи. Мне, рядовому пулеметчику, трудно судить о боях в целом. Но то, что я видел и пережил в тот страшный день, превосходило все, что только можно себе представить и вообразить» [4, с. 35–38].

В течение двух дней 11–12 июля солдаты и офицеры 95-й стрелковой дивизии, неся большие потери, сдерживали врага на своем участке фронта. Гвардейцы не дали противнику зайти в тыл, готовящимся к контрудару частям 5-й гвардейской танковой армии.

«В тот день (12 июля) под Прохоровкой был сущий ад. Всем было невероятно трудно. Смерть наступала наших бойцов повсюду. Я видел как пехотинцы, рискуя жизнью, поджигают вражеские танки бутылками с горючей

смесью или подбивают их связками гранат, как артиллеристы громят танки прямой наводкой с близкого расстояния. Самому пришлось стрелять по смотровым щелям танков, по немецкой пехоте, идущей за ними. Довелось испытать, что значит пропускать вражеские танки через свои боевые порядки и продолжать вести бой с наседающей пехотой, и многое другое, от чего и через многие годы сжимается сердце и замирает душа. Поэтому никому не поверю, что на войне не страшно. Для меня этот бой памятен еще и тем, что к исходу этого страшного дня, когда нас в пулеметном расчете оставалось только двое, наш пулемет был раздавлен немецким танком, а меня и моего товарища этот танк заутюжил в пулеметной ячейке. Откопали Георгия Семеновича с товарищем только на следующее утро. Бойцы были целы и невредимыми, хотя их уже посчитали погибшими и отправили родным похоронки. Г. С. Шевцову часто задавали вопрос о наградах за бои на Курской дуге, на что он отвечал: «Самая большая для меня награда – это то, что я тогда каким-то чудом остался жив! Ведь я был рядовым пулеметчиком, а огневые точки всегда стараются уничтожить первыми»».

После Прохоровского сражения Георгий Семенович был дважды ранен, проходил долгое лечение в госпитале. В мае 1944 года его комиссовали по инвалидности. За свой последний бой под Киевом Г. С. Шевцов награжден орденом Красной Звезды. Свой дальнейшим жизненный путь он посвятил науке. В 1950 г. с отличием окончил физико-математический факультет Пермского государственного университета, поступил в аспирантуру, успешно защитил кандидатскую диссертацию. С 1950 по 2000 г. Георгий Семенович проработал в Пермском государственном университете. На базе своих методических разработок Г. С. Шевцов написал учебное пособие «Линейная алгебра» для студентов высших учебных заведений.

В 2008 году Георгий Семенович Шевцов приезжал в Прохоровку, посетил музей-заповедник «Прохоровское поле», побывал на памятной высоте 226,6 недалеко от хутора Весёлый, в селе Прелестное и других местах боев. Воспоминания о пережитом на Прохоровском поле аде на всю жизнь остались с ним незаживающей раной.

Истории судеб разных людей, участников битв и сражений, бережно хранятся в фондах музея-заповедника «Прохоровское поле». Многие из них прошли сквозь горнило испытаний Великой Отечественной войны, с достоинством выполнили свой гражданский и воинский долг, проявив мужество, отвагу и храбрость в боях, стали выдающимися людьми. В семьях их родных и близких до сих пор хранятся бесценные исторические артефакты. Хочется, чтобы эти реликвии продлили свою жизнь, став экспонатами музея и, чтобы как можно больше людей сердцем прикоснулось к великому подвигу нашего народа.

Источники и литература

1. Бельчиков М.Я. Моим землякам // Коммунист. 1971. 22 июня.
2. С нами навсегда // Инженерные кадры. 1991. 21 июня.
3. Так сражались гвардейцы // Университетский вестник. 1997. 7 мая.
4. Шевцов Г.С. Великая Отечественная в моей судьбе. Пермь, 2015.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

ДЕЛО О ПЕРЕЛОЖЕНИИ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ КУРСКИМ И ХАРЬКОВСКИМ НАМЕСТНИЧЕСТВАМИ ВСЛЕДСТВИЕ НЕПРАВИЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ ДАЧИ СЕЛА ДОЛБИНО БЕЛГОРОДСКОГО УЕЗДА, РАЗДЕЛЕННОЙ МЕЖДУ ДВУМЯ ГУБЕРНИЯМИ

В соответствии с именованным указом от 23 мая 1779 г. была образована Курская губерния (наместничество), включавшая 15 уездов: Белгородский, Богатенский, Дмитриевский, Курский, Корочанский, Львовский, Новооскольский, Обоянский, Путивльский, Старооскольский, Суджанский, Рыльский, Тимский, Фатежский, Щигровский [11, с. 825–826]. После формального определения границ между административно-территориальными единицами, произведенного на основании «Учреждений об управлении губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. (далее – «Учреждения»), с октября 1781 г. началось генеральное межевание земель [17, с. 300].

Главным учреждением, отвечавшим за разграничение губерний и уездов, была Межевая экспедиция 1-го департамента Правительствующего Сената (далее – Сенат), в подчинении которой состояли губернские межевые конторы. Эти организации появились в октябре 1765 г. и были модернизированы в ходе реформы 1775–1796 гг. за счет введения нового отдела – чертежной [9, с. 354; 12, с. 232]. Согласно «Учреждениям» в штате каждой губернии состояли один губернский землемер с двумя помощниками и несколько уездных (по 1 на уезд). Для выполнения работ по списанию копий с планов и ведению делопроизводства при межевых конторах имелась канцелярия [10, с. 717].

Согласно инструкции межевым конторам, опубликованной 19 мая 1781 г., для определения границ между административно-территориальными единицами разного статуса устанавливался свой кворум. Так, при размежевании наместничеств от каждого из них требовалось присутствие: советника Палаты гражданского суда, двух заседателей верхнего земского суда, двух заседателей верхней расправы и губернского землемера, которые по завершении необходимых работ обязывались поставить на видном месте межевые знаки с губернскими гербами и составить план губернии в пяти экземплярах с приложением описания. Определение границ между уездами предполагало прибытие уездного предводителя дворянства, заседателя нижней расправы, уездного землемера, которым предстояло изготовить планы в семи экземплярах. Во время разграничения городских выгонов присутствовали городничий, бургомистр, ратман, градской голова и землемер [13, с. 72; 15, с. 125; 16, с. 194].

С увеличением нагрузки на межевые конторы эти требования стали упрощаться. Так, с мая 1782 г. при уточнении наместнических границ присутствие губернского землемера становилось необязательным – его мог заменить уездный [19, с. 574]. Помимо этого, 20 декабря 1781 г. Межевая экспедиция увеличила сумму на содержание контор с 700 до 1000 руб. в год, а для контроля за текучкой кадров запретила наместническим правлениям без своего ведома увольнять или переводить в другую местность землемеров [20, с. 377].

Поскольку размежевание территорий осуществлялось по дачам (частным владениям), собственникам требовалось подготовить подтверждающую их права документацию (купчие крепости, отдельные и дарственные записи, межевые акты).

В соответствии с ней землемеры корректировали границы между наместничествами, уездами, городским кварталами [15, с. 126].

В Государственном архиве Курской области в архивном фонде «Курское наместническое правление» сохранилось интересное дело за 1788–1790 гг., отражающее практику установление границы между Курским и Харьковским наместничествами, при которой дачи двух помещиков, проживавших в одном селе, оказались разделенными между разными губерниями (наместничествами). Речь шла о с. Долбино Белгородского уезда быв. Белгородской губернии. Кратко рассмотрим историю этого населенного пункта, предшествовавшую описываемым событиям.

Примерно до середины XVIII в. д. Долгая именовалась Высокой. Первое поселение здесь появилось в первой четверти XVIII в. и состояло из служилых людей Белгородской засечной черты, которые были известны своими быстроходными лодками, «выдалбливаемыми» из цельных стволов деревьев. Отсюда, по народным преданиям, и произошло более позднее название деревни. Среди владельцев земель в окрестностях Долбиной значились потомки Семена Осиповича Выродова, получившего поместье в Белгородской округе еще в 1645 г. В 1750-е гг. вследствие земельного спора между Выродовыми и Белгородской епархией эти помещики утратили большую часть владений в д. Долбина, которые были разделены между церковью и дворянами Борщовыми (Барщовыми) [8].

В ревизской сказке 1762 г. Долбино еще фигурирует как «деревня», что свидетельствует об отсутствии здесь церкви [1]. По статусу этот населенный пункт был владельческим и казенным (частично принадлежал помещикам, частично – государственным крестьянам (однодворцам). Среди помещиков значились: Борщов Иван (владел 10 душами мужского пола), отставной капитан Иван Сидорович Попов (13 душ), отставной подполковник Даниил Васильевич Выродов (19 душ), Григорий Адрианович и Илья Адрианович Сухаревы (по 6 душ). Борщову принадлежали крестьяне Никитины, Денисовы, Горлые, Андреевы, Выродову – Турасовы, Сидоровы, Латышевы, Попову – Андреевы, Скороваровы, Кокоревы, Слоновы, Нестеровы, Сухаревым – Супонины [1, л. 25–25а об., 85–87 об., 275–276 об., 315–316].

В ревизии 1782 г. этот населенный пункт уже значится как село. Сказка священно- и церковнослужителей Покровской однопрестольной церкви с. Долбино по 4-й ревизии (1782) в госархиве отсутствует, вместе с тем, в ревизии 1795 г. указано, что в 1782 г. храм уже существовал, и значился в сказках [6, л. 191]. В качестве владельцев села в 1782 г. указаны: Андрей Филиппович, Алексей Андреевич, Михаил Андреевич, Василий Андреевич Борщовы, Федор Васильевич Выродов.

Алексей Андреевич Борщов часть дворов получил по наследству от дяди Ивана Попова. Это крестьяне Андреевы, Тинетилы, Гореловы, Афанасьевы, Прокофьевы, Кокоревы; Коневы (куплены в 1767 г. у корочанской помещицы брегадирши Анисьи Иониной), Поляковы (куплены в 1769 г. у курских помещиков дворянина Гавриила и вахмистра Федора Пейшиных), Головлевы (куплены в 1776 г. у белгородского купца Андрея Морозова, который приобрел их у воронежского помещика Черкасова). Итого 47 душ мужского пола и 61 женского [3, л. 219–225 об.]. Еще часть земель Алексей Борщов получил по разделу от брата Ивана – 19 душ женского и 19 мужского пола (227–229). Михаил Андреевич Борщов приобрел по разделу с Иваном 14 мужчин и 15 женщин [3, л. 229–230 об.], а Василий Андреевич Борщов – 39 душ (238 об.). Федор Васильевич Выродов получил свои земли по наследству от брата Даниила (20 душ). В 1782 г. по решению Белгородского уездного суда выродовские крепостные были «уволены из

крестьянства» [3, л. 183 –235 об.], в следующей ревизии, 1795 г., Выродовы в качестве помещиков с. Долбино уже не значатся [4]. Кроме помещиков, в 1782 г. в ревизских сказках этого села записаны однодворцы: Григоровы, Хандовы, Сумочниковы, Марковы, Затолокины, Моргунов, Латышев, Мазикин – 98 мужских и 101 женская душа [2, л. 634–643].

По ревизским сказкам 1795 г. среди владельцев значатся: Андрей Филиппович, Алексей Андреевич, Михаил Андреевич, Василий Андреевич Борщовы и Вера Андреевна Временева (урожд. Борщова). Последняя владела 35 душами (18 мужчин), которые были приобретены 7 марта 1786 г. у статского советника Николая Афанасьевича Зубова, в имении его в с. Телятниково Корочевской округи Орловского наместничества [7, л. 68– 69 об.]. Также в с. Долбино в этот период проживали 110 душ мужского и 135 женского пола однодворцев [5, л. 312–327 об.].

Публикация документов из дела осуществляется в соответствии с современными правилами пунктуации. Стилистические, орфографические и синтаксические особенности оригинального текста сохраняются. Текст публикуется полностью, в квадратных скобках заключены восполненные сокращения слов и знаки препинания. Значения устаревших слов и разночтения в написании имен собственных и топонимов оговорены в ссылках.

Публикация, вступительная статья и комментарии даны начальником отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области И. С. Ефремовой. Для улучшения восприятия текста использованы курсив и жирный шрифт.

Источники и литература

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 184. Оп. 2. Д. 105а.
2. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 140.
3. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 183.
4. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 225.
5. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 299.
6. ГАКО. Ф. 184. Оп. 2. Д. 300.
7. ГАКО. Ф. 184. Оп. 3. Д. 2.
8. Голос Белогорья. 2015. 2 янв.
9. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1. СПб., 1830. Т. XVII. Ст. 12488. С. 353–356.
10. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XVII. Ст. 12659. С. 716–794.
11. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XX. Ст. 14880. С. 825–826.
12. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XX. Ст. 14392. С. 229–304.
13. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15129. С. 72–73.
14. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15148. С. 282–283.
15. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15160. С. 124–126.
16. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15187. С. 193–196.
17. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15269. С. 300.
18. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15377. С. 445–461.
19. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15416. С. 574.
20. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб., 1830. Т. XXI. Ст. 15321. С. 377.

**ПИСЬМО ИЗ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА В АДРЕС
ОРЛОВСКОГО И КУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
А. Б. ДЕ БАЛЬМЕНА ОБ ИСПОЛНЕНИИ ИМПЕРАТОРСКОГО УКАЗА
О ПЕРЕЧИСЛЕНИИ КРЕСТЬЯН ДЕРЕВНИ ГРЯЗНОЙ
И ЧАСТИ СЕЛА ДОЛБИНО В СОСТАВ БЕЛГОРОДСКОЙ ОКРУГИ**

28 октября 1787 г.

Указ Ея Императорского Величества самодержицы Всероссийской из Правительствующего Сената правящему должности генерал-губернатора Орловского и Курского господину генералу поручику и кавалеру графу Дебальмену.

По указу Ея Императорского Величества Правительствующий Сенат слушали копию с определения Правительствующего Сената Межевой экспедиции и приложенное при ней доношение господина генерала поручика правящего должности генерала губернатора Воронежского и Харьковского Черткова, вступившее во оную экспедицию, в коем писал[,] что Курской губернии белгородский помещик секретарь Андрей Борщов в прошении[,] поданном к господину генерал-поручику[,] правящему должности генерал-губернатора Курского и Орловского[,] и кавалеру Кличке изъяснял[,] что Белагородской округи село Долбино общего владения его[,] Борщова[,] капитана Ивана Выродова с прочими владельцами и однодворцами с хутором помянутого Выродова[,] называемым деревнею Грязною[,] имеет земляную одну дачу[,] формально обмежеванную, а потому и владение всех помещиков[,] участие во оной имеющих[,] есть чрезполосное[.]

В прошлом же 1782 году отправленные от Курской и Харьковской губернии губернские комиссары[,] п[р]олагая губернскую границу[,] отделили вышеуказанную Выродова деревню Грязную Харьковского наместничества в Золочевскую округу[,] а село Долбино оставили Курской губернии в Белагородской округе[,] и той границей не только разделили того села дачу[,] но и владеемые им[,] Борщовым[,] поля и прочие угодия перерезали[,] и тем сделали ему в рассуждении переездов по делам в два города беспокойство и во владении землями по ссорам с Выродовым препятствие[.]

И как по рассмотрению помянутого господина генерал-поручика и кавалера Клички просьба секретаря Борщова нашлась справедлив[ой] потому[,] что село Долбино с деревней Грязной на одних началах и формально от смежных отмежеванных состоит[.] Следовательно границей разделять межеванные земли за силой именного высочайшего повеления [о положении губернских и уездных границ] состоявшегося 19 мая 1781 года[,] и не долженствовало[.] В рассуждении чего он[,] господин генерал-поручик Кличка[,] и потребовал соглашения господина генерал-поручика Черткова с тем[,] чтоб деревню Грязную яко¹ на одних с селом Долбино дачах состоящую оставить в Белагородской округе[,] а для того и границу губернскую переложить по формальной села Долбина меже[,] а равно и количество душ[,] в той деревне состоящих[,] отчислить из Харьковской в Курскую губернию[.]

Вследствие чего господин генерал-поручик Чертков сие обстоятельство препоручил смотреть господину правителю Харьковской губернии[,] и если [тот] не найдет законного препятствия[,] то приказал выполнить помянутое требование[.] [Правитель Харьковской губернии] также нашел[,] что губернская межа[,] перерезывающая землю[,] принадлежащую к селу Долбину[,] действительно

¹ Союз – точно, словно, как.

непорядочно положена[.] И хотя Межевой Правительствующего Сената экспедици[ей] прошлого 1783 года ноября 23 числа предписано наместническим правлениям[.] дабы они отделенные губернскими линиями поля из одного целого владения считали не в разных[.] а нераздельно в тех уездах[.] в которых они с целыми селениями и пустошами по генеральному обмежеванию[.]

Следственно дачи оных владельцев[.] состоящие прежде в одном уезде[.] обмежеванные вообще[.] но губернскими и уездными межами разделенные на части в разные уезды[.] а потому одни селения с частью земли остающиеся в одном уезде, а другие тех же самых дач земли без всякого на них заселения отделенные в другой уезд[.] во избежание затруднений считать как по генеральному межеванию положено[.] Поелику¹ по силе именного указа[.] данного Правительствующему Сенату в 19 день мая 1781 года[.] отнюдь не заключается намерения прикасаться чьей-либо собственности; ибо назначаемые межи никому не могут служить ни в подкрепление присвоенного им ниже во опровержение законно принадлежащего[.] Следовательно[.] по сему имущественными границами губерниям и уездам почитать должно те[.] кои по межеванию утверждены уже[.] и впредь утвердятся[.]

Однако ж[.] поелику планы о губернских и уездных границах отправлены в Правительствующий Сенат и на оных губернская межа[.] перерезывающая землю[.] принадлежащую селу Долбино[.] действительно несходственно положенная[.] означена[.] то на перемену оной по формальной села Долбина меже и на оставление деревни Грязной[.] яко на одних с селом Долбиным дачах состоящей в Белгородском округе[.] а равно на отчисление душ[.] в той деревне состоящих[.] из Харьковского в Курское наместничество[.] поступить.

Он[.] господин генерал-поручик Чертков[.] не осмеливаясь[.] представил все то на благорассмотрение Межевой Сената экспедиции.

Оная ж по сему представлению во определении своем заключила следующее: поелику господин генерал-поручик и кавалер Чертков испрашивал разрешения на следующие обстоятельства:

1-е[.] чтоб между Харьковским и Курским наместничествами вместо положенной губернскими комиссарами границы[.] которой они неправильно разделили земли[.] обмежеванные по генеральному межеванию в общую округу селу Долбину[.] владения означенного Борцова и Выродова с прочими[.] и к деревне Грязной[.] одного Выродова владения, яко к поселенным на одной даче[.] определить границу согласно с межею[.] учиненною при генеральном межевании[.] И[.] как то село Долбино[.] так и деревню Грязную со всеми принадлежащими к ним информально² обмежеванными землями[.] оставить Курского наместничества в Белгородском округе[.] а вследствие того

2-е[.] чтоб и души[.] состоящие в деревне Грязной[.] изделанною губернскими комиссарами границею неправильно ж отделенной Харьковского наместничества в Золочевской округ[.] из того наместничества отчислить и причислить к Белагородскому³ округу Курского наместничества[.] но[.] как первое обстоятельство ясно разрешается опубликованным от сей экспедиции относительно положения губернских границ ноября 23 дня 1783 года указом[.] то генералу-поручику и кавалеру Черткову о том и предписать[.]

Что ж касается до второго обстоятельства[.] то есть до отчисления душ из одного наместничества в другое[.] так [как] разрешение таковых случаев до

¹ Союз – поскольку, так как, потому что.

² Абстрактно.

³ В документах имеется разночтение в написании названия уезда: Белгородский – Белагородский.

Межевой экспедиции нимало не относится[,] то и предоставить оное суждено Правительствующего Сената 1-му департаменту.

ПРИКАЗАЛИ: как Межевая Сената экспедиция дачу деревни Грязной[,] яко принадлежащую к помянутому селу Долбину[,] по основанию вышеписанного изданного от нея [экспедиции] в 1783 году ноября 23 дня указа[,] возвратила по прежнему в ведомство Курского наместничества Белгородской округи[,] то посему и состоящих в той деревне крестьян причислить в ведомство той же Белгородской округи.

Октября 28 дня 1787 года. Подлинной подписали обер-секретарь Андрей Еремеев, секретарь Аврам Протасов, канцелярист Федор Сушковский. С подлинных свидетельствовал секретарь Макей Корнеев

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 90. Л. 2–3 об. Рукопись. Копия.

ПИСЬМО ОРЛОВСКОГО И КУРСКОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ГРАФА А. Б. ДЕ БАЛЬМЕНА КУРСКОМУ НАМЕСТНИЧЕСКОМУ ПРАВЛЕНИЮ О ПЕРЕЛОЖЕНИИ ГУБЕРНСКОЙ ГРАНИЦЫ

17 декабря 1788 г.

Белгородской округи помещиков прапорщика Алексея и гвардии сержанта Михаила Барцовых поверенный дворовый человек Моисей Никитин в поданном мне прошении написал.

Указом Правительствующего Сената прошлого 1787 года в Курскую казенную палату последовавшим велено перерезан[ное] губернской межою село Долбино [на] два наместничества (Курское и Харьковское) переместить по формальной меже и написанные в Золочевской округе крестьянские помещика Выродова души причислить [к] Белгородско[й] округе[.] А потому по переложению губернской границы по формальной меже села Долбина границы против [моего] рассмотрения, препровождая при сем копию с указа Правительствующего Сената[,] последовавшую на представление господина генерала и поручика правящего должность генерал-губернатора Воронежского и Саратовского и кавалера Василия Алексеевича Черткова[,] наместническому правлению предлагаю[:]

о переложении губернской границы согласно приложенному при сем в копии Правительствующего Сената межевой экспедиции от 23 ноября прошлого 1783 года указом сделать надлежащее определение.

Подлинный подписан графом де Бальменом¹ 14 декабря 1788 года.

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 90. Л. 1. Копия. Рукопись.

¹ В оригинале фамилия написана Дебальмен. Далее в текстах документов фамилия оставлена как оригинале

**ДОНОШЕНИЕ ЗАСЕДАТЕЛЯ БЕЛГОРОДСКОГО УЕЗДНОГО СУДА
С. ВАСИЛЬЕВА В КУРСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ
О РАБОТАХ ПО ИЗМЕНЕНИЮ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ
КУРСКИМ И ХАРЬКОВСКИМ НАМЕСТНИЧЕСТВАМИ**

5 июня 1789 г.

Минувшего мая 29 числа поданным в Белгородский уездный суд белгородского помещика поручика Алексея и капитана Михайлы Андреевых детей Барцовых поверенный дворовый человек Моисей Никитин прошением прописывал[,] по силе указов Правительствующего Сената первого департамента, а по оному и Курского наместнического правления[,] по прошению оных помещиков его[,] неудобно положенные Белгородской округи в селе их Долбине губернскую между происком отставного капитана Ивана Выродова[.]

То село[,] писцовая дача[,] перерезанная тою межею в два наместничества [-] Курского в Белгородскую Харьковского в Золочевскую округи [-] минувшего мая 23 числа по съезду господ белгородского уездного судьи с уездным землемером обще золочевскими переложена по формальной того села Долбина окружной межи[.] А та[,] неудобно положенная посередине[,] уничтожена[:] ямы зарыты и столбы выброшены[.]

На формальном плане она назначена по середине ж[,] а надлежит ей ныне быть на назначенной по формальной того села меже [.] То[,] дабы иногда от одного соперника помещика Выродова без переложения и на плане оной не вышло никакого злоумышления[,] ибо в оном селе владения помещиков его по доставлениям от предков их законным укреплениям до трех тысяч десятин недвижимого и просил для уничтожения с означенного села Долбина формального плана[,] надобно наложенный губернской из середины межи[,] а о наложении ныне вновь по формальной окружной переделания оной план[,] присовокупя к нему и вновь учиненной губернской межи план же[,] чрез Курское наместническое правление отослать в Курскую межевую контору[,] с тем чтобы по переделании вновь о истребовании и присылке во оной уездный суд обратно для отдачи помещикам его яко первым и по большинству дачи владельцам[,] за которой по присылке и деньги[,] сколько надлежит[,] внесены быть имеют[.]

А по справке в сем уездном суде сего 1789 года января 19 дня присланным из Курского наместнического правления в сей суд указом велено[:] губернскую между переложить сего суда судьи обще дворянским предводителем и курским губернским землемером и с таковыми ж членами Харьковского наместничества от Золочевской округи среди Курской и Харьковской лежащей с тем[,] чтоб село Долбино[,] состоящее ныне в обеих губерниях[,] осталось Курской губернии в Белгородском уезде[.] На село ж Долбино двойным числом планы и межевые книги в получении из Курского наместнического правления в сем суде имеются[.] И та губернская межа сего суда судьей господином майором Половневым обще с членами Золочевской округи переложена[,] и для того в сем суде определено по просьбе означенных помещиков Барцовых имеющиеся в сем суде о землях села Долбина планы и межевые книги для переправки к отсылке в Курскую межевую контору отправить в Курское наместническое правление при доношениях[,] которые при сем прилагаются.

Заседатель Семен Васильев
Подканцелярист Михайла Медведев

**РАПОРТ ЗАСЕДАТЕЛЯ БЕЛГОРОДСКОГО УЕЗДНОГО СУДА
С. ВАСИЛЬЕВА В КУРСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ
О ХОДЕ РАБОТ ПО ИЗМЕНЕНИЮ ГРАНИЦ
КУРСКОГО И ХАРЬКОВСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВ**

6 июня 1789 г.

Сего 1789 года января 9 дня присланным Ея Императорского Величества из оного наместнического правления в сей уездный суд указом велено переложить сего суда обще с дворянским предводителем и курским губернским землемером губернскую межу среди Курской и Харьковской лежащей[,] с тем[,] чтобы село Долбино[,] состоящее ныне в обеих губерниях[,] осталось Курской губернии в Белгородском уезде.

Во исполнении которого Ея Императорского Величества указа сего уездного суда господин судья секунд-майор Половнев сему суду сообщением дал знать[,] что он минувшего мая 23 числа в показанное село отправлялся и обще Белгородской округи с уездным землемером прапорщиком Чернышевым и по сделанному сношению с отряженным от стороны Харьковского наместничества Золочевской округи с уездным ж судьей майором Петром Ковалевским, землемером прапорщиком Шишмаревым, стряпчим Иваном Кружилиным оная губернская межа переложена[.] Которое село Долбино со всеми ее землями оставлено в Белгородской округе[.] Уездный же предводитель Белгородский капитан Озеров при переложении той межи не был за болезнью[,] и для того Белгородской уездной суд Курскому наместническому правлению сим рапортует.

Заседатель Семен Васильев
Секретарь Григорий Свешников
Канцелярист Петр Тилинин

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 90. Л. 10–10 об. Рукопись. Подлинник.

**РАПОРТ ГУБЕРНСКОГО ЗЕМЛЕМЕРА А. АЛБЫНЧЕВА
В КУРСКОЕ НАМЕСТНИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ
О ЗАВЕРШЕНИИ РАБОТ ПО ИЗМЕНЕНИЮ ГРАНИЦЫ
МЕЖДУ КУРСКИМ И ХАРЬКОВСКИМ НАМЕСТНИЧЕСТВАМИ**

Февраль 1790 г.

По указу наместнического правления[,] последовавшего по предложению Его Сиятельства господина генерал-поручика[,] правящего должность Орловского и Курского генерал-губернатора[,] войск Ея Величества инспектора и разных орденов кавалера графа Антона Богдановича Дебальмена[,] при котором прилагает копию с указа Правительствующего Сената Межевой экспедиции получены прошлого 1789 года января 19 дня под № 741[,] коим велено по просьбе белгородских помещиков прапорщика Алексея и гвардии сержанта Михайлы Барцовых относительно переложении губернской межи[,] среди Курской и Харьковской губерний лежащей, чтоб село Долбино[,] состоящее ныне в обеих губерниях, осталось в Белгородской округе Курской губернии.

На что наместническому правлению имею честь донести[:] в силу оного указа губернская граница белгородским уездным землемером с уездным судом обще и Харьковской губернии золочевским уездным землемером и уездным судом

прошлого 1789 года мая 23 дня переложена[,] о чем наместническому правлению рапортую.

Губернский землемер Алексей Албынчев

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 90. Л. 17–17 об. Рукопись. Подлинник.

**«ВО ВРЕМЯ ОПЕРАЦИИ ВЫЯСНИЛОСЬ, ЧТО ПРОТИВНИК
БЫЛ ПРЕДУПРЕЖДЕН О НЕЙ И СУМЕЛ ПОДГОТОВИТЬСЯ...»:
ПИСЬМО ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ КУРСКОГО ГАРНИЗОНА
ОТ 9 АВГУСТА 1945 г. ОБ УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ В ОТНОШЕНИИ
ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ СОВЕТСКОГО РАЙКОМА ВКП(б)
Н. А. БУЛГАКОВА**

В последние годы российское общество все чаще обращается к образам участников Великой Отечественной войны, как к абсолютным моральным и этическим идеалам, положившим свои жизни на алтарь Победы. Действительно, для многих фронтовиков и ветеранов участие в войне стало самым важным в их жизнях, о чем многие из них через много лет признавались в своих воспоминаниях и интервью [см., например: 1; 2]. Однако, не умаляя их подвига, необходимо помнить, что они были такими же, как и мы, обычными людьми, с присущими каждому из нас как положительными сторонами, так и недостатками и пороками. Понимание этого факта позволяет в некоторой степени объективнее посмотреть на события более чем восьмидесятилетней давности, давая им, по возможности, максимально беспристрастную историческую оценку.

Изучая биографии районных руководителей (первых секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов) Курской области в годы Великой Отечественной войны, чем я занимаюсь на протяжении последних нескольких лет, невольно начинаешь погружаться в хитросплетения их межличностных отношений, которые в некоторых случаях играли серьезную роль в ходе отдельных событиях.

Работая с личным делом первого секретаря Советского райкома ВКП(б) Н. А. Булгакова, у меня в руках оказался один весьма интересный документ, который с необычного ракурса представляет историю партизанского движения на территории курского региона в годы Великой Отечественной войны, который и представляется читателю. В настоящей вступительной статье мне не хотелось бы давать каких-либо оценок фактам, изложенным в публикуемом документе, каждый читатель сможет их сделать самостоятельно, поскольку я не являюсь специалистом по истории данного вопроса, и мои суждения могут иметь сугубо оценочный характер.

Отмечу лишь следующее: ни Н. А. Булгаков, ни А. Т. Кожин, судя по тому, что первый был первым секретарем Советского райкома ВКП(б) до июня 1947 г., а второй находился на аналогичной должности в Михайловском районе до июня 1946 г., уголовное преследование в отношении их было прекращено. Связано это было с тем, что в изучаемые годы, если человек был членом партии, его необходимо было сначала исключить из рядов партии и только лишь после этого предать суду.

Публикация документа осуществляется в соответствии с современными правилами пунктуации. Стилистические, орфографические и синтаксические особенности оригинального текста сохраняются. Текст публикуется полностью, в квадратных скобках заключены восполненные сокращения слов. Уточнения

наименований топонимов, а также биографические сведения о некоторых лицах, упоминаемых в документе, приведены в комментариях.

Текст документа передан в соответствии с Методическими рекомендациями по публикации архивных документов в печатном виде 2022 г.; опущены персональные данные лиц, сведения о которых могут составлять личную тайну. Вступительная статья, подготовка текста к публикации и комментарии осуществлены заместителем директора по научно-исследовательской работе Государственного архива Курской области, кандидатом исторических наук О. Н. Аргуновым.

Источники и литература

1. Со святой верой в победу: сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [сост. Н. С. Новоселов]. Екатеринбург, 2000.
2. От солдата до генерала: воспоминания о войне: в 12 т. / Акад. ист. наук. М., 2005–2008.

ПИСЬМО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА КУРСКОГО ГАРНИЗОНА, МАЙОРА ЮСТИЦИИ КАРПЕНСКОГО СЕКРЕТАРЮ КУРСКОГО ОБКОМА ВКП(б) ГАВРИЛОВУ О РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО ОБВИНЕНИЮ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ СОВЕТСКОГО РАЙКОМА ВКП(б) Н. А. БУЛГАКОВА

г. Курск
№ 0815

9 августа 1945 г.
Секретно

Сообщаю Вам о состоянии дела по обвинению секретаря Советского райкома ВКП(б) Булгакова Н.А.¹

В сентябре 1944 г. подполковник П. М. У. подал в Военную прокуратуру 52 армии заявление о том, что секретарь Михайловского райкома ВКП(б) Курской области Кожин², будучи командиром Михайловского партизанского отряда, вступил в сожительство с партизанкой П. В. В., женой подполковника П., которая

¹ Булгаков Николай Аркадьевич (1905–1979 гг.) – уроженец сл. Белой Суджанского уезда Курской губернии. Из семьи служащих. Окончил Курскую губсовпартшколу II ступени. Член ВКП(б) с мая 1927 г. 1918–1920 гг. – работал по найму. 1923–1927 гг. – на комсомольской работе в Суджанском и Грайворонском уездах Курской губернии. 1931–1934 гг. – на партийной работе в МТС Ракитянского района Центрально-Черноземной области. С 1934 г. – на работе в Томаровском райкоме ВКП(б) Курской области. 1938–1941 гг. – первый секретарь Томаровского райкома ВКП(б). 1941–1947 гг. – первый секретарь Советского райкома ВКП(б). В период оккупации района до октября 1942 г. находился в резерве Курского обкома ВКП(б) в г. Старом Осколе Курской области, затем г. Ельце Орловской области. С октября 1942 по март 1943 г. – комиссар Михайловского партизанского отряда № 6 1-й Курской партизанской бригады. 1947–1956 гг. – на различных руководящих советских и хозяйственных должностях в Хомутовском и Дмитриевском районах. 1956–1960, 1967–1973 гг. – на работе в Дмитриевском райкоме КПСС. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I ст., медалями.

² Кожин Андрей Тимофеевич (1905–1979 гг.) – уроженец деревни Марьевка Бобровского уезда Воронежской губернии. Из семьи крестьян. Окончил Облсовпартшколу в г. Тамбове. Член ВКП(б) с августа 1929 г. До 1927 г. работал в хозяйстве отца. 1927–1929 гг. – служба в РККА. 1929–1932 гг. – на советской работе в Щученском районе Центрально-Черноземной области. 1933–1938 гг. – на партийной работе в Тимском и Томаровском районах Курской области. 1938–1940 гг. – работал в структурах НКВД на Дальнем Востоке и в Сибири. 1940–1941 гг. – на руководящей партийной работе в Золотухинском и Михайловском районах Курской области. С ноября 1941 по март 1943 г. – командир Михайловского партизанского отряда. 1943–1946 гг. – первый секретарь Михайловского райкома ВКП(б). 1946–1951 гг. – на партийной работе в Глушковском районе Курской области. 1951–1966 гг. – с перерывами на руководящей хозяйственной работе в Обоянском районе Курской области. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II ст., медалями.

забеременела от Кожина. После освобождения Михайловского района от немецко-фашистских войск Кожин, чтобы отделаться от П., приказал партизанам своего отряда Ступко и Шутееву убить П., что они и сделали.

Произведенным расследованием установлено, что П. в работе партизанского отряда никакого участия не принимала, а только находилась в отряде в качестве сожительницы командира отряда Кожина. Пользуясь своим отношением с Кожиным, П. вмешивалась в оперативные дела штаба отряда, держала себя высокомерно и нетактично по отношению к партизанам, чем восстановила их против себя. П. неоднократно уходила из отряда в деревню, где проживал ее отчим – немец. В деревне Веретенино Михайловского р[айо]на все мужское население было расстреляно немцами, отчима же П. никто не преследовал, хотя в деревне было известно, что его дочь является женой командира партизанского отряда. Встречаясь с партизанами, П. выпытывала у них, какие задания они выполняют и т. п. Под всякими предлогами П. старалась находиться на секретных совещаниях в штабе. В связи с этим многие партизаны, как рядовые, так и командного состава, стали подозревать П. в предательской деятельности в пользу немцев. Об этих подозрениях было известно командиру 1-й Курской партизанской бригады Панченко¹, который поручил особому отделу бригады проверить данные о предательстве П., но проверка эта до конца доведена не была, и решения в отношении П. вынесено не было.

Особенно усилились подозрения против П. после 19 декабря 1942 года, когда Михайловский отряд участвовал в операции по занятию дер. Остапово. Во время операции выяснилось, что противник был предупрежден о ней и сумел подготовиться, в результате чего партизаны понесли излишние потери. Среди партизан пошли упорные разговоры, что операция провалилась по вине П., предупредившей немцев о готовившейся операции через своего отчима, проживавшего в то время в занятой немцами д. Остапово и переехавшего накануне операции из Остапово в Михайловку, также занятую немцами. От принятия решительных мер к П. командир бригады Панченко воздержался до окончания проверки, производившейся особым отделом.

10 февраля 1943 года, находясь в д. Неварь Дмитриевского р[айо]на, Панченко получил сообщение, что Михайловский и др. отряды ушли в Хинельские леса без приказа штаба бригады. Один из разведчиков при этом сказал, что Кожин ушел по вине П., сумевшей на него повлиять. При этих словах Панченко в присутствии штабных работников Булгакова и командира роты Ступко выразился по адресу П.: «Когда мы разберемся с этой сволочью». После этого разговора Булгаков и Ступко ушли к себе на квартиру, где, продолжая разговор о П., Булгаков заявил Ступко, что при первой же встрече с П. надо ее расстрелять как предательницу. Этого не отрицает в своих показаниях сам Булгаков.

¹ Панченко Иван Константинович (1909–1963 гг.) – уроженец села Подлесновка Сумского уезда Харьковской губернии. Из семьи крестьян. Окончил Курскую высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу. Член ВКП(б) с января 1931 г. 1927–1929 гг. – работал в конторе связи г. Белгорода и заведующим избой-читальней в селе Стрелецком Томаровского района Центрально-Черноземной области. 1929–1931 гг. – на комсомольской и партийной работе в Томаровском районе Курской области. 1931–1933 гг. – служба в РККА. 1934–1936 гг. – на советской работе в Томаровском районе. 1936–1940 гг. – на партийной работе в Томаровском районе. 1940–1941 гг. – на руководящей партийной работе в Михайловском районе Курской области. С октября 1941 по март 1943 г. – на подпольной работе, командовал 1-й Курской партизанской бригадой. 1943–1945 гг. – на руководящей работе в Курском обкоме ВКП(б). 1945–1946 гг. – первый секретарь Грайворонского райкома ВКП(б) Курской области. С 1947 г. – на хозяйственной и партийной работе в Краснояружском районе Курской области. Дальнейшая судьба неизвестна. Награжден медалями.

Числа 20 февраля 1943 года Булгаков, Ступко, командир взвода Михайловского отряда Шутеев и несколько др. партизан находились в деревне Рышково Михайловского района. Эта деревня и часть Михайловского района в течение нескольких дней уже были освобождены от немцев. Основные силы отряда тогда еще находились в тылу у врага. В д. Рышково¹ в этот день оказалась П., которая, узнав, что Ступко должен ехать в Михайловку (райцентр), попросила его подвести ее в Михайловку на своих санях. Ступко отказался. Когда П. отошла, слышавший этот разговор Булгаков заявил Ступко, что он напрасно ответил П. отказом, надо было воспользоваться этим случаем, поехать с П. и по дороге ее расстрелять. Затем Булгаков в присутствии Шутеева предложил Ступко отвезти П. и расстрелять ее по дороге.

После того, как они втроем пообедали, Ступко, как он показывает, пошел за П., затем он сел с ней в свои сани, поехал в сторону Михайловки и по дороге в лесу расстрелял ее.

Изложенное подтверждается показаниями Ступко и Шутеева на очных ставках с Булгаковым. Последний же показания Ступко и Шутеева отрицает, заявляя, что он об убийстве П. узнал лишь в мае 1945 г.

Показания Булгакова опровергаются показаниями бывшего члена Дмитриевского подпольного окружка ВКП(б) Фоминой и бывшего заместителя секретаря обкома Чистякова. Фомина на очной ставке в Булгаковым показала, что 5–6 марта 1943 года она встретила в здании Курского обкома ВКП(б) с Булгаковым, которого стала расспрашивать о товарищах по подпольной работе. На вопрос Фоминой, где П., Булгаков ответил, что он приказал ее расстрелять, как подтвердилось, что она шпионка.

Допрошенный Чистяков показал, что числа 24 февраля он встретился в д. Рышково² с Булгаковым, который в разговоре сообщил, что П. «расшлепана».

Таким образом, следствием установлено, что Ступко убил П. на освобожденной Красной Армией территории по предложению Булгакова.

Данных, подтверждающих версию о причастности Кожина к убийству П., следствием не добыто.

В связи с изложенным Военной прокуратурой гарнизона был поставлен вопрос перед Курским обкомом ВКП(б) о даче согласия на привлечение Булгакова по настоящему делу к уголовной ответственности.

Секретарь Курского обкома ВКП(б) тов. Доронин³, снесшись по настоящему вопросу с ЦК ВКП(б), сообщил свое отрицательное мнение, считая по обстоятельствам дела нецелесообразным предание Булгакова суду.

27 июля 1945 г. дело для окончательного разрешения вопроса о Булгакове было направлено через военного прокурора Воронежского военного округа Главному военному прокурору Красной Армии.

Заместитель военного прокурора
Курского гарнизона, майор юстиции
Карпенский

ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 44. Д. 121. Л. 11–11 об. Подлинник. Машинопись.

¹ В документе значится неправильно – Рыжково.

² В документе значится неправильно – Рыжково.

³ Доронин Павел Иванович (1909–1976 гг.) – уроженец села Барлук Нижнеудинского уезда Иркутской губернии. Из семьи рабочих. Окончил Институт Красной профессуры. 1938–1948 гг. – первый секретарь Курского обкома ВКП(б). 1950–1953 гг. – работал в центральном аппарате ЦК(ВКП(б))/КПСС. 1953–1954 гг. – председатель Смоленского облисполкома. 1954–1961 – первый секретарь Смоленского обкома КПСС. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе Государственного архива Курской области;

Батавина Марина Анатольевна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Курского государственного университета;

Бородина Светлана Васильевна, заведующая научно-исследовательским отделом Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»;

Волкова Анна Ивановна, ассистент кафедры истории России Курского государственного университета;

Долженков Игорь Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Курского государственного аграрного университета им. И. И. Иванова;

Дудина Наталья Николаевна, научный сотрудник Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»;

Душкин Сергей Александрович, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юго-Западного государственного университета;

Евсюков Дмитрий Евгеньевич, краевед-историк;

Емельянова Елена Ивановна, кандидат исторических наук, архивист историко-церковного кабинета при Курском Свято-Троицком женском монастыре;

Есипов Дмитрий Михайлович, начальник отдела обеспечения сохранности и учета документов Государственного архива Курской области;

Ефремова Ирина Сергеевна, начальник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Золоторева Наталья Вячеславовна, ведущий архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Иустина (Трофимова), монахиня, заведующая историко-церковным кабинетом при Курском Свято-Троицком женском монастыре;

Кононов Николай Григорьевич, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР;

Коровин Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета;

Коровин Роман Валерьевич, аспирант Юго-Западного государственного университета;

Костенко Екатерина Юрьевна, эколог Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»;

Манжосов Александр Николаевич, кандидат исторических наук, заместитель председателя Совета ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов г. Курска;

Петряева Александра Викторовна, аспирант Юго-Западного государственного университета;

Потапенко Павел Сергеевич, преподаватель кафедры административного и трудового права Юго-Западного государственного университета;

Потаскаева Татьяна Николаевна, старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Раздорский Алексей Игоревич, доктор исторических наук, руководитель Федерального центра регионалистики «Вся Россия» Российской национальной библиотеки;

Рожковская Инесса Олеговна, главный архивист отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Рянская Мария Леонидовна, кандидат исторических наук, преподаватель Средней общеобразовательной школы № 51 г. Курска;

Рянский Леонид Михайлович, доктор исторических наук, пенсионер;

Рянский Роман Леонидович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник НИИ юго-востока Руси Курского государственного университета;

Тилинин Алексей Владимирович, научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения Государственного архива Курской области;

Холодова Елена Васильевна, кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) Филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», член Союза архитекторов России, советник РААСН;

Чаплыгин Виктор Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Курского государственного университета;

Чербаджи Вадим Николаевич, научный сотрудник Государственного военно-исторического музея-заповедника «Прохоровское поле»;

Черкасова Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Курского государственного аграрного университета им. И. И. Иванова;

Черников Олег Алексеевич, кандидат исторических наук, заведующий филиалом Государственного архива Курской области;

Шпаков Илья Владимирович, кандидат исторических наук, научный редактор информационного агентства «Край».

Сборник статей

**СОБЫТИЯ И ЛЮДИ
В ДОКУМЕНТАХ
КУРСКИХ АРХИВОВ**

Выпуск XXIV

Подписано в печать 27.11.2024 г.
Формат 60x84. Печать офсетная 80 г/м². Гарнитура Таймс. Тираж 30 экз.
Отпечатано ООО «Центр рекламы «Лоцман»
г. Курск, ул. Семеновская, 78